

*Николай
Харджиев*

НЕДОЛГАЯ
ЖИЗНЬ
ПАВЛА
ФЕДОТОВА

•

Николай Харджиев

НЕДОЛГАЯ
ЖИЗНЬ
ПАВЛА
ФЕДОТОВА



Повесть

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1991

ББК 84 Р7
X 20

Художник
ГЕННАДИЙ АЛИМОВ

X $\frac{4702010201-260}{083(02)-91}$ 140-91

ISBN 5-265-01838-7

© Издательство «Советский писатель», 1991

Глава первая

1

Сила детских впечатлений, запас наблюдений, сделанных мною при самом начале моей жизни, составляют основной фонд моего дарования.

Федотов

Андрей Илларионович Федотов, титулярный советник, служил секретарем в Московской управе благоточия.

Солдатский сын и сам суворовский солдат, Андрей Федотов участвовал во взятии Хотина, в Шведской войне; в Голландской морской экспедиции и был ранен пулей в левую ногу. В 1800 году он вышел в отставку пору-

чиком, а через два года получил должность секретаря Московской управы благочиния. Дворянство его было ничтожное. В 1819 году титулярный советник «по заслуженным им воинским нам» был внесен во вторую часть «Дворянской родословной книги Московской губернии».

У Андрея Илларионовича была большая семья: дети от первого и второго браков и дочь второй его жены. После смерти первой жены, крещеной турчанки, Федотов женился на молодой вдове купца Ивана Калашникова, Наталье Алексеевне (дочери диакона Григорьева), вышедшей замуж в третий раз. Трое детей Андрея Илларионовича и Натальи Алексеевны умерли в младенческом возрасте.

Получив дворянство, Андрей Илларионович отдал своего старшего сына (от первого брака) в Украинский егерский полк. Восемнадцатилетний Михаил Федотов получил чин портупей-прапорщика.

Старший сын Андрея Илларионовича и Натальи Алексеевны, хилый юноша Александр, к военной службе непригодный, учился в Московском университете «по медицинской части».

Самой младшей была дочь Любочка, родившаяся через пять лет после рождения сына Павла.

Сурового, молчаливого Андрея Илларионовича боялись не только жена и дети, но и все родственники.

Титулярный советник частенько возвращался из управы благочиния домой не один, а в сопровождении сторожа, который нес одну или две пары сапог. Эти сапоги принадлежали ленивым или нетрезвым писцам, наказанным Андреем Илларионовичем. Перевязанные бечевкой и скрепленные печатью сапоги лежали до утра в чулане, а затем Андрей Илларионович возвращал их виновным. Так наказывали своих подчиненных строгие канцелярские начальники.

Андрей Илларионович и его семейство жили в соб-

ственном четырехкомнатном домике с мезонином в Хомутовском переулке, потом переименованном в Большой Харитоньевский. Это была Яузская часть Москвы: восемь улиц, в том числе Мясницкая и Покровка, и пятьдесят один переулок. Семь из этих переулков названий не имели.

Федотовы были приписаны к приходу «Харитония в Огородниках»: здесь в стародавние времена была огородная слобода.

Церковь Харитония Исповедника (на углу Большого и Малого Харитоньевских переулков), основанная при царе Алексее Михайловиче, славилась старинным иконостасом и царскими воротами искуснейшей работы. Эту церковь, самую древнюю в Яузской части, прихожане называли х о л о д н о й, в отличие от новой, обширной и т е п л о й. Церковным старостой был отставной полковник, ветеран войны 1812 года, Василий Александрович Сухово-Кобылин.

В узких извилистых переулках между Мясницкими и Красными воротами жили не только обитатели деревянных домиков — небогатые купцы, мелкие чиновники и отставные военные. Были здесь и барские особняки с лепными гербами и чугунными оградами.

В том конце Большого Харитоньевского переулка, который ближе к Красным воротам, стояли (стоят и ныне) великолепные боярские хоромы XVII века — дворец князей Юсуповых. Дворец принадлежал Николаю Борисовичу Юсупову, богатейшему вельможе четырех царствований (начиная с екатерининского), владельцу знаменитого домашнего театра.

Всему переулку был известен княжеский карлик Фомка, сердитый и важный, превосходно игравший на мандолине.

Громадный Юсупов сад сгорел в 1812 году. До войны сюда водили гулять шаловливого мальчика, сына чиновника Московского комиссариата Сергея Львовича

Пушкина. В поэме «Евгений Онегин» Александр Пушкин вспоминал:

...У Харитонья в переулке
Возок пред домом у ворот...

В переулках Яузской части была Москва не столичная, а провинциальная, почти сельская. Палисадники, ягодные кусты, плодовые деревья, огороды. Летом на лужайках около деревянных домов паслись лошади, коровы и козы. В дождливую погоду переулки превращались почти в болота.

Против дома Федотовых — окно в окно — жила семья капитана второго ранга Павла Богдановича Головачева.

С 1812 года капитан Головачев, участвовавший в сражениях на Балтийском и Черном морях, был в отставке.

Два его сына дружили с Павлушей Федотовым, гластастым, белозубым крепышом, умевшим порезвиться. Младшей сестре его приятелей Катеньке, кудрявой, сероглазой, с ямочками на розовых щечках, исполнилось три года. Павлуша приносил ей яблоки и груши, которые тайком срывал в саду сурового своего папеньки.

Он не завидовал благовоспитанным тем мальчикам, у которых были гувернеры.

Со своими друзьями он встречался в огороде или на сеннике. Те мальчишки не лазили на голубятни и не играли в чехарду.

Сенник был их любимым местом. Здесь они могли шалить и резвиться вдоволь. Здесь они ссорились, дрались и снова дружились. С сенника открывался вид на соседние дворы с флигелями, клетушками, кладовыми.

По дворам ходили длиннобородые ярославцы, у каждого на груди висела палка с навернутыми на нее

лубочными картинками, сказочными, богатырскими, потешными. Такие листы можно было купить и в Зарядье, в Красном ряду и на толкучем рынке у Ильинских ворот, где продавали всякую рухлядь: поношенное белье, рваные сапоги, чашки без ручек.

Павлуша любил рассматривать картинки, раскрашенные суриком, медянкой и баканом. Эти пестро раскрашенные листы казались праздничными, радовали глаз. Под картинками — подписи, балагурные стишки-поговорки, их невозможно было забыть:

Пришел Вавила,
Поднял ерша на вилы.
Пришел Филипп,
Стал ерша пилить.
Пришел Демид,
Стал ерша делить...

И стишки о похождениях ерша, и повесть о том, как мыши кота хоронили, и сказка о бурой короле, и описание приключений носа, и сколько других!

На некоторых листах кривлялись нарядные господа, подражающие французским модникам, — сушие обезьяны!

Лубочные листы и книжки Павлуша рассматривал со слугами отца и теток. У Федотовых были две прислуги — молодая няня Агафья и кухарка Дарья, старая солдатка. Мелкие чиновники и небогатые купцы не запрещали своим детям дружить со слугами. И Павлуша с ними дружил. Его забавляли их прибаутки и меткие слова. По вечерам он слушал их пение и подпевал им звонким своим голоском.

Сочельник 1825 года был невеселым. В Москве арестовывали крамольников. В каждом доме вполголоса говорили о декабрьских петербургских событиях.

Вскоре через Москву повезли тело Александра I. Траурной церемонией руководил великий знаток театральных зрелищ обер-камергер князь Юсупов.

В похоронную колесницу были впряжены восемь лошадей. По сторонам колесницы шли кадеты: тридцать юношей в боевой амуниции и тридцать юношей в траурных плащах, с факелами.

По обеим сторонам улиц, от Серпуховской заставы до Красной площади, стояли солдаты. Ружья были заряжены. Петербургское начальство встревожили слухи о том, что в Москве подготавливают манифестацию и хотят выбросить из гроба тело царя.

В конце лета в Москву приехал короноваться новый царь, Николай I. Его лицо с тяжелым, свинцовым взглядом не предвещало ничего доброго. Он был болен испугом, «испугом 14 декабря», — от болезни этой он никогда не излечился.

Царь посетил кадетский корпус и приказом объявил свое удовольствие директору «за примерную чистоту и весьма малое число больных».

Он подарил кадетам примыкающую к корпусу рощу, шутливо сказав, что дарит ее «на розги».

Кадетский корпус перевели из Костромы в Москву в 1824 году. Корпусу предоставили громадный трехэтажный Екатерининский дворец, построенный по плану архитектора Ринальди и украшенный колоннадой Кваренги. При Павле I здесь были казармы.

В декабре 1826 года в корпус приняли сто двадцать пять новичков. 5 декабря Андрей Илларионович Федотов отвез своего одиннадцатилетнего сына Павла в Лефортово.

Последний наказ Андрея Илларионовича был суров и краток: Павел должен соблюдать дисциплину и учиться превосходно.

Детство Павла Федотова кончилось. Он надел однобортный мундир с короткими фалдами, с красными погонами и воротником, на рукавах красные клапаны, обшитые галунами.

Меня судьба, отец да мать
Назначили маршировать...

Федотов

Примерный кадет должен был уподобиться автомату, действующему по барабанному сигналу.

Треск барабанов будил Павла Федотова в шесть часов утра. Дежурный командовал:

— Вставать, вставать!

Павел просыпался в узкой кровати, на жестком соломенном тюфяке. Сбросив грубое байковое одеяло, он вскакивал с постели. В первые дни ему было грустно смотреть на железный прут, торчащий в изголовье, — прут с круглой дощечкой, и на ней надпись: «Павел Федотов».

Вскочив с постелей, кадеты шумно бежали к умывальникам. В умывальную комнату служители приносили большую деревянную чашку с ваксой и сапожные щетки. Сюда же приходил портной, он помогал кадетам «чиниться».

После пригонки одежды начинался осмотр. Унтер-офицеры (из лучших воспитанников) тщательно осматривали мундиры и сапоги, повертывая каждого кадета, как куклу, и заставляя поднимать то руки, то ноги, чтобы убедиться, не разорвано ли под мышкою, крепки ли подошвы, вычищены ли закаблучья.

Неряшливого кадета унтер-офицер мог не только выдрать за уши, но и оставить без утренней булки и даже без обеда.

Потом кадетов осматривали ротные фельдфебели — суровый Соколов и свирепый Степанов.

Снова гремел барабан: на молитву! Потом с верхнего, третьего этажа кадеты сбегали по широкой лестнице во второй, в громадную столовую. На завтрак каждый кадет получал фунтовую булку, теплую и вкусную.

Булки заменяли кадетам деньги. Они продавали друг другу булки, бумагу, карандаши, перья и пуговицы. Это называлось «гальновать» или «гандловать».

— Давай гальноваться! Прогальнуй мне булку!

Словечко это (от слова «handel» — торг) напоминало о многолетнем пребывании корпуса в Западном крае, в Шклове и в Гродно. Оттуда же было и нелепое слово «фляга» (от польского «flaki») — не бутылка, а потроха — начинка в нелюбимых кадетами пирогах.

В девять часов утра — по барабанному сигналу — шли в классы. Младшим кадетам преподавали математику, историю, географию, русский, французский и немецкий языки и краткую историю литературы.

В двенадцать часов кадетов выводили на внутренний четырехбашенный двор. Новичков обучали стойке, выправке, маршировке, поворотам и тихому шагу, самому трудному, который невоенные люди называли гусиным, — при таком шаге ногу нужно было поднимать на $1/2$ аршина от земли. А стойка? Следи за тем, чтобы грудь не выходила из носковой линии. А если замечали отклонение, то колотили кулаком в спину.

Фрунтовое учение — дело нешуточное!

Новички маршировали, наступая от не привычки друг другу на пятки и сбиваясь с шага.

После фрунтового учения — обед: кислые щи или гороховый суп, картофельное пюре с куском говядины, пироги с капустой или кашей, ржаной хлеб и квас.

В течение дня барабан несколько раз гремел в длинных коридорах Екатерининского дворца. От трех до шести часов — вечерние классы, потом рекреация, в восемь часов ужин (гречневая или пшенная каша с растопленным маслом, картофель в мундире и продолговатый, как сосулька, кусок масла), потом переключка, чтение приказа по корпусу, вечерняя молитва — и спать!

Павел Федотов в первый же день узнал неписанные законы корпуса: если будут задирать — не отвечай, а

на щелчки, пинки и шипки постарайся ответить тем же. Не смей ни плакать, ни жаловаться: не только осмеют, но и поколотят. Быть доносчиком и ябедником — позор!

«Старые» кадеты новичков называли барбосами и чижками, дергали за уши, щелкали по носу.

«Старые» говорили басовито, щеголяли силой и особенной походкой: ходили переваливаясь и по-хозяйски размахивали стиснутыми кулаками. От «старых» пахло крепким нюхательным табаком, который они хранили за голенищами. В классах они сидели на задних скамьях — там им удавалось и вздремнуть, и поиграть в шашки или в карты, и пустить в нос «гусара» — скрученную бумажку, обваленную в нюхательном табаке.

Под розгами «старый» не кричал и не плакал. Уткнувшись лицом в подушку и стиснув зубами руку, он только кряхтел.

3

Павла Федотова зачислили в первую мушкетерскую роту, которой командовал полковник Пятигорский.

Его называли самым дряхлым полковником российской армии. Он был глуховат. Дежурный офицер, жалуюсь на шаловливого кадета, сказал:

— У него нет никакой амбиции.

Полковник по привычке стиснул большой палец правой руки и крикнул:

— Такой неисправности не потерплю! Сейчас же выдать ему другую из цейхгауза!

Старик спутал амбицию с амуницией.

Он был беспощаден: умел и «жару задать», и «прописать ижицу», и «угостить березовой кашей».

— Я тебе такую дерку задам,— кричал он,— что ты у меня на двенадцати языках заговоришь!

Когда он присутствовал при наказании «старых» кадетов, вся рота смотрела на его правую руку — жилистую руку с костлявыми пальцами. Большой палец был зажат четырьмя остальными. И экзекуция продолжалась до тех пор, пока полковник не разжимал кулака.

Вместо престарелого Пятигорского первой ротой командовал почти такой же старец, капитан Райкович Степан Максимович. Он преподавал в корпусе с давних, екатерининских времен. Низенький, тонконогий, с круглым брюшком, с остатками седых волос на висках и затылке, Степан Максимович командовал, шамкая:

— Шмирна! Равняйша!

Великий мастер по фрунтовой части, он требовал соблюдения всех правил воинского устава.

Старшие кадеты занимали караульные посты внутри Екатерининского дворца. Караульных аккуратно проверял капитан Райкович. Бесшумно подходил он к часовому. Тот громко спрашивал:

— Кто идет?

Молчание.

Снова окрик:

— Кто идет?!

Ответа нет.

Тогда, взяв ружье на руку, юный часовой кричал громовым голосом:

— Кто идет — говори,— убью!

И приставлял штык к груди Степана Максимовича. А тот ласково, с легоньким вздохом отвечал:

— Солдат, друг мой, солдат...

И, довольный тем, что часовой знает службу, старик неторопливо шел к следующему посту.

Кадеты любили старого капитана, но любили его и подразнить.

В новом 1827 году кадетам разрешили «издавать» корпусную газету — в три листа писчей бумаги. В газете было три отдела: 1) внутренние известия — «что в стенах корпуса происходит»; 2) известия внешние — «вообще московские» и 3) свободное творчество — с условием «ничьей личности не касаться».

Заголовок первого номера был украшен пунктирным рисунком тушью: корзина, наполненная аллегорическими «цветами науки», и сова — символ мудрости.

Степан Максимович похвалил новую затею, а затем стал рассматривать виньетку. Кто-то сказал:

— Это, Степан Максимович, цветы, а над корзиной сыч, Степан Максимович.

Сзади повторили:

— Сыч, Степан Максимович!

Пучеглазый старик рассердился и бросил лист. А на другой день об этом и не вспоминал.

Он любил стоять посреди четырехбашенного двора и следить, «играет» ли носок у марширующих новичков.

Их учили маршировать, делать повороты, носить кивер и тесак и отдавать честь. Научив, отпускали домой — повидаться с родными.

Ранней весной кадета Федотова отпустили домой — проститься с умирающей матерью. Она умерла от чахотки. Ей было сорок четыре года. Через два года после смерти Натальи Алексеевны от той же болезни умер ее старший сын Александр, двадцатилетний студент-медик. Дом, купленный на ее деньги, она завещала своим детям и мужу. Хозяйкой дома стала ее старшая дочь, Анна Калашникова.

Незадолго до поступления Павла в кадетский корпус Андрей Илларионович вышел в отставку. Ему исполнилось пятьдесят шесть лет. Пенсия отставного титулярного советника была весьма скудной.

В Московский кадетский корпус присылали из Петербурга приказ за приказом: соблюдать правильность в держании ружья, не выставляя вперед прикладов; при взмахивании ногой не переваливаться назад, чтобы не качались ружья; проходя церемониальным маршем, глаз не опускать, а смотреть прямо «на пятнадцать шагов».

Достоинство ружейных приемов определяли по отчетливости и звонкости темпов. Поэтому кадеты расшатывали винты на штыковых гайках и всячески портили ружья.

Кадетов обучали не стрельбе, а ружейным приемам (ружье заряжали в двенадцать темпов). Они никогда не стреляли, даже холостыми патронами: патронные сумки были пусты.

Управлял корпусом не директор, генерал Ушаков, а батальонный командир, подполковник Святловский, у которого глаз был ястребиный, а голос — трубный.

Дряхлый полковник Пятигорский умер. Капитан Райкович тоже умер. Командир второй мушкетерской роты полковник Кобылецкий получил отставку.

Теперь в корпусе было шесть рот — гренадерская, три мушкетерские, резервная и «малолетная».

За малейшее шевеление во фрунте подполковник Святловский приказывал дать виновному пять лозанов.

Подполковник говорил, что фрунтовое обучение необходимо совершенствовать и совершенствовать: главное — ловкость ружейных приемов и красота строя.

Первой мушкетерской ротой командовал капитан Минут, высокий, сутулый, с бледным лицом и впалыми щеками. Он преподавал математику и бил непонятливых учеников золотой табакеркой по голове.

Командир второй мушкетерской роты, капитан Левшин, наказывая кадетов, ласково улыбался.

Третьей ротой командовал капитан Гросвальд, рослый и стройный. Он любил миловидных кадетов-щеголей, ловких ординарцев и лихих танцоров, которых называл красавчиками-молодцами. Но, увидев кадета с дурно причесанными волосами или в неопрятной куртке, он багровел как индюк и яростно кричал:

— Вахлак! Арнаут! Шмара!

Никто не понимал, что такое «шмара», но все знали, что быть «шмарой» опасно. «Шмару» наказывали беспощадно.

Ежегодно Московский кадетский корпус посещали царь и его брат Михаил Павлович, главный начальник военно-учебных заведений. Михаил Павлович любил единственный музыкальный инструмент — барабан, а кадетов называл «клопами».

В 1830 году царь приехал в Москву ранней весной.

Вдоль дороги, ведущей к кадетскому корпусу, стояли махальные. На парадном крыльце — почетный караул.

Наконец раздался крик:

— Едет!

Командир батальона был удостоен монаршего благоволения.

Кадеты делали ружейные приемы превосходно: на плечо, к ноге, на караул, под курок, ружье вольно, ружье на правое плечо, на руку, наперевес...

— Хорошо, очень хорошо. Я очень доволен, — сказал царь и пожаловал Святловскому Владимирский крест четвертой степени.

Потом царь прошел мимо рядов мерным шагом с носка, выгнув грудь и обдавая кадетов своим мертвящим, свинцовым взглядом.

Все было в порядке! Только одному кадету царь сказал гневно:

— Чего надулся? Сычом смотришь! Веселей смотри! Где улыбка?

Когда царь уехал, мальчика начали учить улыбке.

5

Ненаказанных кадетов было очень мало. Павла Федотова не секли ни разу. Сыном своим Андрей Илларионович мог быть вполне доволен. Хотя Павел и не получил домашнего образования, в корпусе он сразу стал одним из лучших учеников.

Учителей удивляла его способность легко запоминать прочитанное и услышанное.

Отвечать своими словами строго запрещалось.

Если Павел забывал какие-нибудь подробности, сказанные учителями, ему стоило только закрыть глаза — и все забытое являлось перед ним, словно написанное на бумаге! Ни одна наука не казалась ему скучной. История была величественным театральным зрелищем, с героями в шлемах и латах. Павел как бы присутствовал при движении войск, участвовал в осаде крепостей, сражался с неприятелем. Глядя на карту Африки, он забывал о том, что находится в классе, среди товарищей: перед ним бродили львы, раскрывали пасти крокодилы, извивались удавы. А математика, физика и химия казались ему науками чудодейственными, постигшими тайну волшебных превращений.

У кадета Павла Федотова было воображение художника.

6

С 1827 года по 1830 год корпусным учителем рисования был Владимир Каракалпаков, крещеный каракалпак, скуластый и узкоглазый. Хороший рисовальщик. Человек бесхитростный и добрый.

В том году, когда Каракалпаков стал корпусным учителем, его далекие полуголодные соплеменники восстали против сборщиков податей. Малочисленные каракалпаки были поработаны хивинским ханом, который обрек их на вымирание.

Владимир Каракалпаков считал себя неудачником. Ему не удалось окончить Академию художеств.

Он поступил в академию в 1813 году. Через восемь лет за свои рисунки с натуры он получил серебряную медаль второго достоинства весом в 18 золотников.

Академические воспитанники старшего, «четвертого» возраста ненавидели инспектора Васильева, глупого и придиричвого. Однажды он приказал посадить в карцер воспитанника Алексеева. Но его товарищи заставили смотрителя отдать Алексееву мундир и, кроме того, решили проучить инспектора, который спрятался в гардеробной под старым тряпьем и хламом. Длинные коридоры Академии художеств наполнились грохотом и звоном. Разъяренные юноши начали бить стекла. Служители разбежались. Президенту академии Оленину донесли, что воспитанники взбунтовались.

Наступила грозная многодневная тишина. Ждали сурового наказания. Один из губернаторов уговорил воспитанников просить прощения у Оленина — на коленях!

После допроса декабристов император поручил Оленину доставить их из дворца в крепость. Оленин дружил с Крыловым и заодно наблюдал за его литературной работой. Каждую новую басню Крылов многократно перечитывал Оленину. Выслушав замечания сановного друга, Иван Андреевич не спорил и послушно делал поправки.

Горбоносый карлик с колючим взглядом и кривой усмешкой едва не прослезился и, милостиво протянув к воспитанникам свои детские ручки, сказал, что прощает. А затем предложил виновным подойти к столу. Пере-

глянувшись друг с другом, Владимир Каракалпаков и Иван Слезенцов (наименее виновные) смело подошли к президенту.

На следующий день их высекли.

За «малым» наказанием последовало большое: изгнание из академии. Швейцарам было приказано не впускать их в классы.

Воспитанники угрожали инспектору — выбросить его из окна. Это заставило президента дать Васильеву отставку.

Владимир Каракалпаков уехал в Москву. Через пять лет он начал преподавать рисование в новооткрытом кадетском корпусе и получил низший чин — коллежского регистратора.

Он рассказывал кадетам о своих академических товарищах и особенно о Карле Брюллове, посланном в Италию. Брюллов был года на три старше Каракалпакова. Подобно своему учителю — знаменитому Егорову, Брюллов мог по памяти, не прерывая движения руки, безошибочно начертить контур труднейшей из гипсовых групп — Лаокоона с сыновьями. За булки он исправлял рисунки своих товарищей, и они получали хорошие отметки. Профессор Егоров, глядя на рисунок академика, исправленный Брюлловым, спрашивал:

— Что, брат, кажется, в эту треть Брюллов хочет дать медаль тебе?

7

И Каракалпаков, и поручик Тернберг, умелый рисовальщик, преподававший черчение ситуационных планов, считали Павла Федотова весьма способным. Он лучше всех понимал правила перспективы и светотени. Даже скучнейшие артиллерийские чертежи он умел превращать в рисунки. Если чертеж изображал береговой

лафет, то о берег разбивались гривастые волны, а вдали, на горизонте, были видны неясные очертания корабля. Изображая походную кузницу, он тут же рисовал одинокое дерево и покосившуюся избу...

Свои чертежи он не всегда доводил до полной законченности, за что и был отмечен как л е н и в ы м. Оставляя свои рисунки и чертежи неоконченными, Павел поправлял рисунки товарищей.

Он любил рисовать карикатуры на корпусное начальство, на учителей, на товарищей, на самого себя. Изображал батальонного командира и его помощников в виде птиц и зверей с человеческими лицами. Портреты были весьма схожи. Иногда он чертил мелом на доске чей-нибудь портрет и тут же, постепенно его изменяя, преображал человеческую голову в птичью или звериную.

Однажды он раскрасил скопированную им гравюру, таинственно-прекрасный образ, созданный Байроном, — «Манфред, бросающийся со скалы в воду при свете луны». Первое живописное произведение пятнадцатилетнего художника нельзя было признать удачным, и все-таки он пометил акварель датой и весьма замысловатыми инициалами. Его радовал темно-лиловый плащ Манфреда, в отчаянии охватившего руками голову, и изумрудные кроны деревьев, освещенных луной.

8

Физику и химию преподавал корпусный лекарь Иван Яковлевич Зацепин. Он был и корпусным библиотекарем. Иван Яковлевич защищал честь русской врачебной науки и поругивал своих соотечественников за чрезмерное уважение к врачам-иностранцам, среди которых было немало шарлатанов. Кадеты восхищались непобедимым его умением играть в шахматы. Своих

противников Иван Яковлевич громил, как Суворов, с шутками и прибаутками. Любимую поговорку Зацепина повторяли все кадеты:

— Живи просто — и проживешь лет со сто!

Математику преподавал Гавриил Иванович Мягков, профессор военных наук Московского университета, автор курса фортификации и курса артиллерийской тактики. У Мягкова была военная выправка, и он объяснял теоремы по-командирски — громко и отрывисто. Однако он любил не только геометрию, но и живопись, в которой главным, по его мнению, было правдоподобие. Еще больше он любил музыку и весьма искусно играл на клавикордах и арфе.

Иногда в корпусных коридорах гремел мощный бас писателя Глинки, Сергея Николаевича, человека правдивого, неуживчивого и ненавидевшего все французское. Его, первого ратника московского ополчения 1812 года, уважали все жители Москвы. Он отдал в корпус своего младшего сына и охотно сочинял пьесы для кадетских праздников. Сергей Николаевич всегда куда-то торопился, размахивал руками и неумолкаемо говорил.

Летом 1830 года пятнадцатилетнего Павла Федотова произвели в унтер-офицеры. Ему поручили одиночное учение новичков. Теперь он сам обучал малолетних стойке и выправке.

Год был холерный.

По московским улицам медленно двигались большие четырехместные кареты с полицейскими на запятках. На перекрестках толковали об отравителях.

Университет был закрыт. Торговля почти прекратилась. Полицейские вытаскивали из лавок и лабазов дыни и арбузы, ягоды и овощи — все это увозили за город и сваливали в ямы с известью.

У каждой заставы по обеим сторонам дороги пылали и дымились большие костры.

Тот, кто хотел покинуть Москву, должен был заблаговременно послать свой экипаж к заставе для окуривания. Затем окуривали и самого путника.

Окуренные господа в своих окуренных экипажах уезжали в благополучные губернии.

В коридорах Екатерининского дворца пахло хлористой известью. Кадетов заставляли пить дегтярную воду и обтираться уксусом.

В кадетском корпусе заболел только один человек — штабс-капитан Грамматин, преподававший курс артиллерии и фортификации. Штабс-капитан Грамматин умер.

29 сентября в Москву приехал царь, опасавшийся холерного бунта. Еще более, чем холерный бунт, царя пугала «якобинская зараза».

Ему донесли о деятельности Николая Полевого, издававшего журнал «Московский телеграф». Полевой был врагом квасного патриотизма (он и создал это крылатое словцо), а его обвиняли в недостаточной любви к отечеству.

Агенты III отделения называли Полевого «атаманом московской либеральной шайки» и другом декабристов. Этот человек осмеливался оскорблять людей «пожилых и чиновных».

Неутомимый разрушитель всего отжившего, Николай Полевой умел возбуждать умы. Его журнал любила молодежь.

Один из почитателей Полевого, московский студент Александр Герцен впоследствии написал:

«Полевой внес в русскую литературу демократизм, заставил ее сойти с аристократических высот и сделал ее более народной...»

Павел Федотов и его товарищи читали «Московский телеграф» тайком: кадетам запрещалось иметь собственные книги. Мыслебоязнь была неизлечимой болезнью корпусного начальства.

«Московский телеграф» приносил в корпус кадет Кувязев. По праздникам его отпускали к родственнику, корпусному учителю Тернбергу, на сестре которого был женат Полевой.

Это родство казалось кадетам противоестественным. Издатель «Московского телеграфа» и поручик Тернберг! Длинный, прямой, как линейка, немец, чья фамилия более всего напоминала о звуке грифеля.

Кадеты читали произведения Вальтер Скотта, Ирвинга, Гофмана, Бальзака, Марлинского, Загоскина.

О прочитанном спорили и сами попытались сочинить исторический роман, в подражание Загоскину. Придумали заглавие — «Гайдамаки», на этом дело и остановилось. Затем они задумали издавать рукописный журнал, но корпусное начальство не разрешило.

С 1832 года Полевой издавал «Новый живописец общества и литературы». Предисловие издателя было слишком смелым: «На чело знатного мерзавца, на пороки, губительные счастью и благу общественному своею обольстительною наружностью, на разврат, покрытый золотою маскою, на повальные слабости своего народа и своего времени — вот куда устремляться стрелам сатиры!»

Павел Федотов читал нравоописательные очерки и рассказы Полевого, прочел комедию Фонвизина «Недоросль» и список неизданной пьесы Грибоедова «Горе от ума». А басни Крылова читал и перечитывал.

Великий баснописец был и беспощадным сатириком и прославлял русский ум — смекалистый и насмешливый.

Герой повести Полевого «Живописец», подобно Павлу Федотову, был сыном титулярного советника. И он тоже рисовал карикатуры на своих учителей.

Летом 1832 года кадетов вывели не на Аннегофский луг (невдалеке от Екатерининского дворца), а в более отдаленное место — лагерь при деревне Нагатино, близ села Коломенского.

Пока кадеты, одетые в летние белые мундиры и клеенчатые кивера, выстраивались, корпусный двор наполнился нарядной толпой провожающих.

Перед ними попрыгивал тощий старичок, учитель французского языка Иван Павлович Арольз, восторженно объяснявший все строевые тонкости.

Директор корпуса, обойдя фронт, приказал построить каре.

Командир батальона полковник Святловский командовал:

— Скорым шагом марш!

Заиграли горнисты, батальон выступил в путь.

Некоторых кадетов сопровождали родственники, в экипажах и пешком.

По пути к ним присоединялись босоногие мальчишки, эти восторженные любители военной музыки.

Батальон вышел из Москвы через Спасскую заставу.

У Симонова монастыря — двухчасовой привал. Кадеты сбросили ранцы и поставили ружья в козлы. Каждый получил по булке и по кружке сбитня — взвар из воды, меда, гвоздики и корицы. Те кадеты, которых провожали родители и родственники, угощались лимонадом, пирожками и апельсинами.

Загремел барабан — бой «фельд-марш».

Кадеты торопливо прощаются с родственниками, набивают кивера апельсинами, ранцы — конфетами и пирожками.

Снова пыльная дорога, зеленые поля и крестьянские избенки, издали похожие на гнилые грибы...

Впереди идут хористы. Павел Федотов запекает сильным, звонким голосом:

За морем синичка жила,
Пиво варивала...

Вот уже и Кожуховский мост — теперь недалеко! Место лагерной стоянки было песчаное и пустынное. Кадеты называли его «Сахарой»: ни одного деревца!

В «Сахаре» мгновенно, подобно шатрам кочевников, возник белый военный городок. В каждой палатке — четыре постели.

Лагерные учения продолжались два месяца.

Первый месяц — одиночные и ротные учения. Второй месяц — учения батальонные.

Полковник Святловский всегда присутствовал на плацу и зорко следил за муштрой.

— Чему не научитесь здесь, — говорил он, — тому уж поздно будет учиться зимой.

И кадетов учили и наказывали, наказывали и учили!

Даже новичкам, еще не привыкшим к тяжести ружья, не оказывали снисхождения. Простояв несколько минут «под приклад», новички едва держались на ногах.

— Стоишь кренделем! — орет ефрейтор, ударяя новичка в правый бок прикладом.

Стоять нужно было неподвижно и так, чтобы грудь выходила из носковой линии, а действовать только руками.

И все-таки в лагере было свободнее, чем в мрачных стенах Екатерининского дворца.

В палатках малолетних кадетов лаяли щенки, прыгали кролики, пищали морские свинки.

После обеда — четырехчасовой отдых.

Ежедневно их водили купаться на крутой берег Москвы-реки (версты полторы от лагеря).

Из села Коломенского приходил в лагерь стари-

чок — юродивый Савушка, кормившийся подающим. Придет и засвищет соловьем, да так натурально! Он умел подражать голосам зверей и птиц. Кадеты всегда наполняли его суму ржаным хлебом, вареной говядиной и пирогами.

В конце июля директор корпуса сделал батальону смотр, а в начале августа кадеты вернулись в Москву.

10

Старших кадетов, оканчивающих корпус, называли «сечьмовцами». В 1833 году Павел Федотов, уже произведенный в фельдфебели, был «сечьмовцем».

На выпускном акте тринадцатого декабря присутствовало множество гостей. В актовом зале гремел корпусный оркестр.

Нововыпущенных прапорщиков поздравляли. Лучший из отличнейших воспитанников, восемнадцатилетний прапорщик Федотов произнес благодарственную речь на немецком языке.

Четыре отличнейших — Павел Федотов, Владимир Своев, Всеволод Померанцев и Андрей Бруннер — получили назначение в гвардейские полки — Финляндский и Павловский. Остальных послали в саперные батальоны и в армейские полки, а наименее способных — в гражданскую службу.

Павел Федотов в родительском доме: двухнедельный отпуск. Радость отца и сестер, утомительные восторги тетушек: Павел — тонкоусый гвардейский офицер!

Усы были привилегией, отличавшей офицеров от прочего населения. Отращивать усы имели право и купцы, и простолюдины, но не сбривая бороды. А у солдат кроме усов — бакенбарды.

Сенник, где Павел некогда играл со своими товари-

щами, был переделан в жилое помещение, которое Андрей Илларионович сдал внаймы.

Любочке Федотовой исполнилось тринадцать лет. Она была ровесницей Катеньки Головачевой. Обе уже третий год учились в Екатерининском институте благородных девиц, обе были одеты в зеленые камлотовые платья с белой пелеринкой. Кадеты дразнили институток «лягушками». Их обучали хорошим манерам и итальянскому пению.

Семья капитана Головачева (он умер в 1831 году) переселилась на Новую Басманную улицу. Своего младшего сына Богдана вдова Головачева решила послать в Петербург, в Морской кадетский корпус: все Головачевы были моряками.

В первый, очень морозный день нового года прапорщики Павел Федотов и Владимир Своев уехали в Петербург — постоянное местопребывание гвардейского Финляндского полка.

Глава вторая

1

...В крещенской утренней прохладе
Красиво мерзнет на параде,
А гремя едет в караул...

Пушкин

3 января 1834 года они прибыли в полк, в 18 линию Васильевского острова.

После кривых и горбатых улиц старобарской Москвы — стройные государственные пейзажи Петербурга — город чиновников и военных, во всем его пространственном великолепии. Огромные площади, дворцы, колоннады, памятники, гранитные берега каналов и рек. Новое здание Главного штаба — величественное творе-

ние зодчего Росси. Сооружаемый Исаакиевский собор — исполин, заключенный в деревянную клетку.

По обеим сторонам Невского проспекта подстриженные молодые деревья — ровней, чем солдаты в строю. По этим прямым и широким улицам удобно маршировать.

А Васильевский остров с его деревянными особняками, палисадниками и старыми деревьями был похож на Яузскую часть Москвы.

За казармами Финляндского полка, направо, белело пустынное зимнее поле, вдали темной стеной стоял лес. Сквозь тонкие ветки берез блестели главы церквей — старейшее столичное кладбище, Смоленское.

Впереди — полосатое бревно шлагбаума, взморье; заплесневелые трехконные домики Галерной гавани, воздух, пропитанный болотным грибным запахом, — селение бедняков. Здесь жили мелкие чиновники, отставные моряки, матросы.

При малейшем повышении уровня воды жителям Галерной гавани угрожало затопление. О наводнении вещала пушечная пальба: жители Галерной гавани переселялись со своими детьми на чердаки. Глядя на эту убогую слободу, трудно было вообразить, что отсюда до дворцовой набережной только три версты.

Павел Федотов — гвардейский офицер. На голове — громадный жесткий кивер с металлической чешуей на щеках и с высоким султаном в виде толстой палки. Мундир — в обтяжку, без малейшей складки.

Финляндский полк славился ловкостью и слаженностью фрунтовых и ружейных приемов.

Царь ставил Финляндский полк в пример другим гвардейским полкам:

— На их мундирах ни одной пылинки!

Смотры сменялись ученьями, ученья — маневрами.

Все заканчивалось церемониальным маршем на Марсовом поле.

Особое значение начальство придавало караульной службе.

При появлении начальства часовой бил в колокол. Караул выскакивал с ружьями, строился и отдавал честь.

Отлучится ли солдат или унтер-офицер не успеет сделать расчет — вот и кутерьма, а иногда и арест!

Офицеры разделяли караулы на «горячки» и «спячки».

«Спячками» были караулы у Петропавловской крепости, у Московской, Нарвской и Шлиссельбургской застав, в Галерной гавани...

Здесь можно было после обеда заснуть и спать до вечера — зорю били в девять часов.

В «горячках» никто не снимал сюртука и ночью. Офицер и унтер-офицер до сумерек не уходили с платформы. При появлении каски внушительного вида они подбегали к углам платформы, стараясь всмотреться в лицо проезжающего.

Грозою караулов был великий князь Михаил Павлович. Вторично провинившегося Михаил Павлович приветствовал знаменитой своей фразой:

— А, опять попал под мой уют?!

И в наказание заставлял отбыть десять караулов. Этого самодура и солдаты и офицеры называли рыжим Мишкой.

Вскоре после вступления на престол Николая I стала широко известной анонимная эпиграмма, где самые ядовитые строки посвящены царю-вешателю и его одуревшему от марсомании брату:

Встарь Голицын мудрость весил,
Гурьев грабил весь народ,
Аракчеев куролесил,
Царь же ездил на развод.

Ныне Ливен мудрость весит,
Царь же вешает народ,
Рыжий Мишка куролесит,
И по-прежнему развод.

Молодым офицерам приказано было репетировать развод караулов. Даже в свободное время они практиковались, шутиливо рапортуя друг другу.

Практиковались и перед зеркалом, и наблюдая свою тень. Это называлось «доводить себя». Каждое движение нужно было довести до балетного совершенства.

Учебно-боевое дело стало учебно-парадным. Суворовская военная наука была забыта. Наступил золотой век плац-парадного искусства.

2

Среди офицеров Финляндского полка прапорщик Федотов приобрел такую же известность, как в корпусе. Полковые товарищи прозвали его артистом — за писание стихов, за игру на гитаре и, главное, за умение рисовать.

Получая только жалование — шестьсот рублей в год, — он не мог развлекаться подобно богатым гвардейским офицерам. В свободное от службы время он должен был развлекать себя сам.

Однажды в зимнее утро, глядя в окно своей комнаты, он нарисовал то, что видел, — пустынную, безлюдную улицу с низкими одноэтажными домами.

Это был первый опыт «передразнивать натуру». Рисую прохожих, он старался запечатлеть фигуры в движении.

Потом он упросил товарища посидеть смирно. Офицер был восхищен сходством, — так нарисовать не мог

бы даже лучший полковой художник, офицер Базин. И вскоре все офицеры Финляндского полка захотели посидеть перед Федотовым. Он нарисовал их всех.

Вот они! Прапорщик Александр Гусев, широколобый и косоглазый. Прапорщик Ростислав Лермантов, носатый, с худощавым смешливым лицом. Подпоручик Александр Бек, курносый, пухлогубый, с грубым подбородком. Иван Насекин с черной повязкой на правом глазу (он был ранен во время польской кампании).

Павел Кинович, узкоглазый, с пушистыми волосами и грустным взглядом. Дородный, громадный, как медведь, и уже немолодой Александр Боассель. Владимир Фацарди, маленький, невзрачный, с полусонным лицом. И Кинович, и Боассель, и Фацарди участвовали в турецкой войне 1828 года.

Ежедневно рисуя своих товарищей, Федотов так изучил их лица, что каждого мог окарикатурить мгновенно, не отрывая карандаша от бумаги.

По вечерам все офицеры Финляндского полка, от полкового командира до самого юного прапорщика, чтобы «не терять драгоценного времени», играли в карты.

Игра была азартная, но на деньги играли редко. Иногда играли на крендели. Сквозь густейший дымовой туман игроки почти не видели друг друга.

Через четырнадцать лет Федотов нарисовал двух офицеров, играющих в карты. Под рисунком — подпись:

— Да пошли же за свечою.

— Да пошли ты — ты в выигрыше.

— Пошли ты, я тебе сотру пятьдесят тысяч.

В своей неоконченной поэме «Чердак» (он жил в двух комнатах над адъютантской квартирой) Федотов вспоминал об игре в карты, о шумных беседах вокруг

самовара, о веселых вечерах Бахуса, освещаемых синим пламенем жженки, и еще более веселых вечерах Венеры, когда полутемные комнаты чердака оглашались визгом и хохотом уличных вакханок. Молодые офицеры говорили, что жизнь, проведенная без проказ, суха, как старая просвира.

Кроме Федотова писали стихи Кинович и Боассель. Чувствительные стихи писал и командир полка — тридцатисемилетний генерал Офросимов, человек с виду угрюмый, но добрый и просвещенный.

Юным офицером Офросимов написал стихотворение «Уединенная сосна», ставшее одним из самых известных романсов. Этот романс сочинил друг Офросимова Николай Титов, батальонный адъютант Финляндского полка. Вдохновенные мелодии этого музыканта-любителя ценил сам Глинка, исправивший в другом, еще более знаменитом романсе Титова «Шарф голубой» ошибки против просодии и голосоведения. Царь и его брат Михаил Павлович заставляли Титова, руководившего полковой музыкой, писать громозвучные военные марши. Упав с лошади, он расшибся и преждевременно вышел в отставку. На слова генерала Офросимова Титов написал второй романс «Коварный друг, но сердцу милый...».

Вальсообразный ритм и гитарный аккомпанемент романса «Шарф голубой» нравились Федотову. Любил он и романсы Варламова на слова Николая Цыганова, поэта, актера и бродяги, исходившего почти всю Россию, чтобы записать песни народные.

Романсы Титова и Варламова пели цыганские хоры, с неистовыми возгласами после каждого куплета, пела вся грамотная и неграмотная Россия.

Прапорщик Федотов, списывал ноты, пел, аккомпанируя на семиструнной гитаре, играл на флейте. Пробовал он и сочинять романсы («слова» и «музыку»), подражая любимым образцам.

Академия художеств есть вещь прошедшего столетия.

Александр Иванов

Генерал Офросимов разрешил ему посещать в свободное время вечерние рисовальные классы Академии художеств.

От казарм Финляндского полка до 3 линии было недалеко.

В вечерние рисовальные классы приходило много любителей. Было любительство в моде.

Около 5 часов вечера в холодных коридорах академии, пропахших масляными красками, лаком и скипидаром, толпы вольноприходящих дожидались открытия классов, чтобы занять лучшие места.

Лампы уже зажжены. Тишина, нарушаемая только шелестом бумаги и поскрипыванием карандашей.

Его приняли во второй класс, класс «оригинальных» фигур. Это было скучнейшее копирование штриховых гравюр с произведений старинных мастеров, приучавшее к подражанию, преимущественно итальянцам.

На четыре года те же рисовальные классы посещал юный коллежский регистратор Николай Гоголь.

«Рисовальными учителями» были академики Яков Васильев и Иван Яковлев, художники Иван Воинов и Иван Вистелиус.

Рядом с Федотовым сидел сын булочника Леопольд Кениг, по другую сторону — камер-юнкер Евгений Вонлярлярский, впереди — конногвардеец Иван Вуич и мальчик в синем мундире — академист. Посещали рисовальный класс и парикмахерский ученик Жан-Пьер Альбер, и сыновья известных художников, Платон Воробьев и Николай Варнек, и фельдфебель Виленского полка Иван Васильев, и государственный крестьянин

Дмитрий Чарушин, и сын трубочиста Карл Шоб, и сын могильщика Николай Румберг.

Дорога в рисовальные классы была открыта каждому. На экзаменах номерá ставили не по чинам.

В рисовальном классе Федотов познакомился с Александром Агиным, сыном знатного барина, поручика-кавалергарда Елагина и крепостной. Полуголодный Агин говорил, что фамилию отца он унаследовал без самой существенной частицы — «ел».

4

1834 год в Петербурге был ознаменован двумя художественными событиями.

На новой пристани у главного входа в Академию художеств были установлены на гранитных постаментах два сфинкса фараона Аменхотепа III, привезенные из Египта в 1832 году. По мнению президента академии Оленина, величавые гранитные сфинксы являли «смелое, но еще грубое состояние египетского ваятельного искусства».

Федотов нарисовал себя в виде сфинкса: с озорством окарриковал верхушку тиары, а передние «лапы», в отличие от фиванских, надменно показывают кукиши изумленным офицером, стоящим у постамента.

Летом в столицу привезли картину Карла Брюллова «Последний день Помпеи», прославленную в Италии.

Итальянцы носили Брюллова на руках. Его прогулки по улицам итальянских городов превращались в триумфальное шествие, с музыкой, факелами, цветами.

Сам Торвальдсен признал его вторым Рафаэлем. По мнению этого датского Фидия, картина Брюллова выдерживала сравнение с ватиканской фреской Рафаэля «Пожар в Борго».

Только один из русских художников, находившихся

в Италии, не одобрял помпезной композиции Брюллова: Александр Иванов. Его не удивляло, что молния, сверкающая во мраке, вселяет ужас в зрителей, — ведь на это и был рассчитан эффект. Его удивляло другое: ведь такую композицию мог «сочинить» и художник, никогда Италии не видавший. В свою очередь Брюллов неодобрительно говорил о работах Иванова и называл его «кропуном» и «немцем».

Русские журналы и газеты возвестили об успехе Брюллова в Италии задолго до прибытия картины в столицу.

В 1833 году в Петербурге было издано «Собрание описаний» знаменитой картины.

Нетерпение увидеть картину было так велико, что одна предприимчивая женщина издала в Москве лубочную раскрашенную гравюру «Последний день разрушения города Помпеи», где все помпеяне были одеты как московские модницы и франты, а полуфантастическая архитектура имела явное сходство с дворцами и беседками XVIII столетия.

Наконец знаменитую картину выставили в Эрмитаже.

Учитель Брюллова, Алексей Егоров, признал себя побежденным. Другой учитель, старый академик Андрей Иванов (отец Александра Иванова), восхваляя мастерство Брюллова, говорил, что в картине слишком много белизны: белая лошадь, белый всадник, жрец в белой одежде и даже земля беловата. О картине яростно спорили. Некоторые порицали художника за то, что он изобразил падающие статуи — они кажутся повисшими в воздухе. И все-таки почти все члены ареопага Академии художеств, считавшие себя хранителями «высоких» традиций, признали картину Брюллова колоссальной победой академического искусства. Они были правы: брюлловские помпеяне, спасаясь от гибели, не утратили ни условно-красивых поз, ни сходства с ан-

тичными статуями. В общей суматохе некоторое спокойствие сохраняет только художник (сам Брюллов), с ловкостью фокусника несущий на голове ящик с кистями и красками.

Красный огонь Везувия был холоден, как фейерверк в одноименной опере Джованни Паччини.

Выставленная весной 1834 года в парижском «Салоне» картина Брюллова казалась старомодной даже в соседстве с пышными историческими композициями Поля Делароша и Ари Шеффера. А неподалеку от их работ висела картина Эжена Делакруа «Алжирские женщины», где все правила рисовальной грамматики были нарушены с необычайной дерзостью. Этот живописец и был героем выставки.

5

В петербургской Академии художеств учили исправлять недостатки грубой природы.

Голые парни-натурщики, позируя, уподоблялись римским статуям. В своих тщательно оттушеванных рисунках ученики облагораживали натуру согласно академическому представлению о вечной красоте: античные профили, скульптурные кудри, окаменелые складки одежды. Каждый ученик должен был набить руку на «сочинении». Сюжеты были заданные. Ученики изображали Приама, вымаливающего у Ахиллеса труп Гектора, Авраама, изгоняющего Агарь, или Андромеду, спасаемую Персеом.

В 1807 году полковник лейб-гвардии Семеновского полка Александр Писарев издал книгу «Предметы для художников». Книга была издана по повелению Александра I. Сюжеты для картин автор заимствовал из напыщенных трагедий Сумарокова, Княжнина и Николаева. Эти «предметы» Писарев наивно, но метко назвал «театральными мгновениями».

Академиста «четвертого» возраста, исполнившего программу на заданную тему лучше других, посылали в Италию. Там в этой последней крепости академического искусства он «списывал» картины Рафаэля или Гвидо Рени и завершал художественное образование под руководством сеньора Камуччини и других мастеров «театральных мгновений».

Мир академического искусства, мир богов, святых и героев был чужд Федотову. Посещая Эрмитаж, он подолгу стоял перед картинами голландских и фламандских мастеров XVII столетия, маленькими картинами, некогда украшавшими бюргерские жилища.

Его восхищали Тенирс и Остаде, которых знаменитый и вельможный Петер-Пауль Рубенс называл забулдыгами и пьянчугами.

Фламандцу Давиду Тенирсу удалось запечатлеть повседневную жизнь своего народа. Сколько действия! Какая тонкость письма! Как веселы этот пляшущий мужик и его толстая подруга!

В соседстве с «Сельскими праздниками» Тенирса висел «Сельский праздник» голландца Адриана Остаде, написанный не менее искусно и столь же жизнерадостный. В его картинах мужики тоже пляшут, пьянствуют и дерутся. И никакой театральности!

Еще один шутник и насмешник — быть может, самый язвительный — Ян Стен. Письмо широкое, свободное, почти небрежное. Нельзя было не удивляться смелости его колорита, где среди спокойных рыжеватокоричневых и мшисто-зеленых красок ярко горит красное пятно. Его гуляки словно заигрывают со зрителем, улыбаются ему и требуют сочувствия.

К этому художнику соотечественники были несправедливы и отказывались платить за его картины более 40 гульденов. Нужда заставляла его то заниматься пивоваренным делом, то содержать трактир. Его отец и дед были пивоварами.

У чопорного Терборха, художника патрициев и богатых горожан, люди равнодушны к зрителю и даже стоят повернувшись к нему спиной.

Герард Терборх искуснейший мастер писать драпировки, тончайшие переливы атласа и шелка. Дама в белом атласном платье, стоя к зрителю спиной, читает письмо, принесенное мальчиком, который, по-видимому, ждет ответа.

Подобно Терборху, Франс Мирис изображал владельцев ковров, хрустальных бокалов и заморских редкостей.

В маленьких картинах Мириса с их гладкой, словно эмалевой, поверхностью не видно никаких следов кисти, но зрителю кажется, что он осязает мягкость бархата, пушистость меха и твердость металлической посуды.

Писанная на деревянной доске картина Мириса «Утро молодой дамы» — одно из лучших его произведений. Дама в зеленой бархатной кофте, отороченной лебяжьим пухом, заставляет стоять на задних лапках собачонку, ожидающую угощения. Служанка в голубой юбке, перестилая постель, смотрит на эту сцену. Слева, у окна, туалетный стол, покрытый турецким ковром. На столе зеркало, ларец и драгоценности.

Голландские художники изображали жизнь как бы застигнутую врасплох.

Проснувшись поутру, Федотов вспоминал о вчерашней прогулке по Эрмитажу: ему казалось, что он сам плясал с краснолицыми мужиками Тенирса и Остаде.

Но и в России был достойный соперник эрмитажных голландцев, Алексей Венецианов. Он жил в 11 линии Васильевского острова.

Его дед Юрий Венециано приехал в Россию из Греции.

В «Русской галерее» Эрмитажа висели две небольшие картины Венецианова: «Гумно» и «Хозяйка, раздающая лен». Этот художник никому не подражал и старался забыть все манеры, изученные многолетним копированием в Эрмитаже. Он говорил, что пишет картины «à la Натура».

Сторонники «высокого» искусства простой сельский быт не считали достойным внимания художника, а в картинах Венецианова и природа, и люди, и вещи — все было невымысленным и родным.

В картине «Хозяйка, раздающая лен» он изобразил домовитую помещицу и двух милостивых крестьянских девушек. Здесь все правдиво: и поза сидящей у стола помещицы, и сероватый утренний свет, струящийся из полузавешенного окна, и все оттенки неярких красок, наложенных легкими, едва заметными мазками, чудотворно превращающими поверхность картины в нечто драгоценное.

А как написаны красное дерево шкафа и статуэтки на нем и вся теневая часть картины!

Венецианов предлагал обучать по своей методе учеников Академии художеств, но господа академики этому воспротивились. Они боялись, что этот «недоучка» овладеет их крепостью.

Он обучал живописи бедных подростков. Тех подростков, которые благодаря ему освободились от крепостной зависимости, он как бы усыновил: они жили в его квартире.

Своих учеников Алексей Гаврилович не заставлял копировать штриховые гравюры. Он учил понимать форму предметов, их объем и материальное различие. И рисованию и живописи он обучал одновременно, требуя постоянного внимания к природе и человеку.

— Ничто так не опасно, — говаривал Алексей Гаврилович, — как поправка натуры. Тот, кто рано начал

поправлять натуру, никогда не достигнет высшей степени художества.

Содержать мастерскую и учеников Венецианову было нелегко. Расстроив свои имущественные дела, он закрыл школу.

Своих учеников, поступивших в Академию художеств, он называл «потерянными людьми».

6

...Да это так: я слышал в них,
В твоих напевах безотрадных,
Тоску надежд безумно-жадных...

*А. Григорьев —
А. Варламову*

В конце февраля 1835 года прапорщик Федотов захворал и был освобожден от служебных обязанностей. Вместо службы — каждодневное рисование, дневниковые записи, чтение. Он прочел французскую книгу «Отшельник с улицы Антэн, или Наблюдения французских нравов и обычаев начала XIX столетия». Автором этих нравоописательных очерков был известный литератор времен Империи Виктор Жуи. Он описал «Нравы гостиных», «Лакейские нравы», «Ресторации», «Зрелища без платы», «Казнь на Гревской площади», «Некоторые модные пороки», «Дом сумасшедших».

В рисовальный класс прапорщик ходил редко, но 3 марта сдал месячный экзамен и за рисунки получил № 8.

Нужно ли копировать «оригинальные фигуры» в рисовальном классе, когда можно рисовать дома? Его тетради заполнились сценами из повседневной жизни. Он написал акварельными красками миниатюрные портреты своих товарищей — Владимира Своева, Ивана Га-

нецкого, Дмитрия Шевелева. Изобразил он и самого себя с гитарой.

Его посещали не только друзья, но и полковые любители рисования, чтобы кое-чему научиться и кое-что перенять.

Один из ближайших друзей подпоручик Иван Родивановский познакомил его со своими братьями Павлом и Михаилом и сестрами Марией и Анной, потомственными любителями музыки (их отец был придворным музыкантом). Родивановские жили невдалеке от казарм Финляндского полка, в 18 линии.

Веселая синеглазая Анна безуспешно учила прапорщика Федотова танцевать кадрили.

Павел Родивановский писал стихи. Еще в 1832 году в типографии Плюшара была напечатана его поэма «Пленник» — слабое риторическое подражание «Кавказскому пленнику» Пушкина. Заурядный поэт, Павел был превосходным знатоком музыки. Его суждения ценил сам Титов, автор знаменитых романсов, бывший офицер-финляндец.

С Павлом Родивановским Федотов занимался музыкой. Он старательно учил «уроки» — гитарные романсы Титова и Варламова.

Почти ежедневно его навещали друзья-однополчане — весельчак и любитель пения Дмитрий Шевелев, Александр Гусев и Иван Родивановский. Четыре друга, называвшие себя квартетом, играли в карты. Однажды Федотов проиграл 80 005 рублей и лег спать «банкротом», о чем и записал в своем дневнике.

По мнению высшего начальства, игра в карты отвлекала офицеров от вольнодумства и даже способствовала истреблению вредных мыслей.

Но в Финляндском полку помнили подполковника Митькова, штабс-капитана Репина, поручиков Оболенского, Розена, Цебрикова — «финляндцев», участников декабрьского восстания.

Вспоминать об этом можно было только с самыми близкими друзьями.

С Дмитрием Шевелевым, с прапорщиком Александром Руиным Федотов говорил о неудаче декабрьского восстания, о религии, о тюрьмах.

Эти офицеры ненавидели крепостное рабство, тирана царя и человека с жестокими лазурными глазами — шефа жандармов и главу III отделения — Бенкендорфа.

В черновых набросках к неоконченной поэме «Чердак» Федотов посвятил этому образцовому сподвижнику Николая I пять строк:

...Но для спокойствия у нас
Есть на Руси лазурный глаз,
Гонитель зоркий недовольных,
И возмутительных проказ,
И мыслей громких, своевольных...

Вторая строка сперва была иной: «Есть Бенкендорфа [--] глаз».

Руин, юноша болезненный, но умный, сравнивал всю империю с тюрьмой, ключ от которой находится в кармане у самодержца.

7

13 апреля прапорщик Федотов отпрапортовался здоровым.

По выздоровлении он продолжал вести дневник еще две недели: краткие записи о караульной службе, о рисовании с натуры, о посещении рисовального класса и о встречах с друзьями.

14 апреля. Воскресенье

Утром подправил портрет Своева... Играл — с пением — на гитаре. Учил урок («У ручья, где лес тенис-

тый»). С Павлом и Иваном пошел под качели; ходили, бродили; погода сырая, зевали и видели только одну хорошенькую... Прошел до их дома, напился чаю, домой. Завтра — караул на Выборгской.

15 апреля. Понедельник

Утром приготовился к караулу. Чудесно дошел до самой Выборгской заставы, дожидался караула, которого нет. Отправился проселком в Старую деревню... У Новой деревни встретил караул и воротился... Сменил в половине 2-го ладно... Флейта и ноты были с собою, разыгрывал «Ручеек», который у заставы усилился нынешний год и углубился почти на сажень; с журчанием его сливались звуки моей флейты. День чудесный.

16 апреля. Вторник

Дежурный по загородному батальону.

Нева разошлась, и мосты все сняты.

Доигрывал переважно на флейте караул... Туман, впрочем, и дождичек. Сменился с караула. Домой нельзя. Куда деться? К Базилевскому? Его нет — остался в городе. Преисправно распорядился его ветчиной и щами. Читал «Московский телеграф». Стал засыпать, приходит Евгений, бабы его перевезли; напильсь чаю. Нарисовал ему модную барыню, щупающую кур, и еще всякой всячины.

17 апреля. Среда

У Базилевского после брата осталась флейта, учил его надувать... Писал ему ноты; нарисовал группу чухон. В Старую деревню ходили утром гулять (солдат-финляндец в первый день пасхи, в выюгу, найден на взморье мертвым...). Поевши щей из зеленой крапи-

вы — домой. В часу 5-м было заснул. Но пришел Ганецкий и помешал. Пошли с ним гулять, заходили к Шевелеву, к Ганецкому, к Родивановским. Отдал романс «У ручья». Нарисовал группу: пьяный солдат и жена его с дитею...

18 апреля. Четверг

Утром отправился в Гостиный, взял у Чалпалова эполеты (15 рублей). Заходил к Юнгеру, потолковал насчет портрета царя. С немцем не столкнуешь, ушел к Прево. Он взялся отлитографировать за 25 или 30 экзemplяров. Отдал, авось выручу что-нибудь, дома ни то ни се...

Приходил Гусев, пошли с ним гулять... У него какой-то штатский рассказывал басни: когда А. С. Шульгин приехал в Санктпетербург (генерал-майор, бывший московский полицмейстер, назначенный в 1824 году петербургским), мошенники наняли карету, приехали будто от какой-то графини — просить к себе... Надел лучшую шубу и отправился. У ворот этой графини его высадили, учтиво сняли шинель... Пришел к графине, которая не звала. Извиняясь, ушел — ни шинели, ни экипажа уже не было.

История пластырей: какие-то мошенники налепляли на лицо проходивших и обирали.

Утром был в бане.

19 апреля. Пятница

С утра засел рисовать Марии Михайловне Родивановской. Нарисовал в альбом Петра I на Саардамской верфи — на работе. После обеда пошел к Фацарди. У Заварицкого взял жалованье. Боасселю хотелось засадить меня в карты, но я, отговариваясь, что нужно в город, ушел.

Поиграл на флейте и ранехонько лег спать.

20 апреля. Суббота

Погода опять чудесная. Утром отправился на Невский. У Юнгера купил две кисти (3 рубля), у Бегрова сепии (2,50), кобальту (1,90) и белил и еще кисточку (1 рубль). Для Руина туши — 80 копеек. Для Фацарди кисточку за 20 копеек. Заходил к Прево, хотел взять для срисовки царя портрет, но уж отдал — обещал в понедельник. В Горной аптеке взял на 20 копеек *guttia-gabicum*; дома играл на флейте; в пользу рисования строил разные гримасы перед зеркалом.

21 апреля. Воскресенье

Утром подрисовал портрет Ганецкого. Отправился в Новую деревню — в караул. На плоту дожидались Лермантова (он идет в караул). Тут пили воду, пиво, трогали выходящих из лодок девушек. Развелись (дежурного по караулу не было). В карауле спал, гулял, чернил канву. И всё.

22 апреля. Понедельник

Чертил канву, нарисовал, и очень удачно, вестового. Пришел домой — в академию. Начал рисовать фавна. Оттуда пошел в Морской корпус. Отыскал там Богдана Головачева. Он водил меня по всему корпусу, по зале, где фрегат их для обученья.

23 апреля. Вторник

В академию не ходил и окончил портрет Ганецкого. Приходят Гусев, Шевелев. Пошел с ними гулять на Смоленское, немецкое. Домой, и запели квартет обыкновенный, и пели до 2 часов.

24 апреля. Среда

Утром ходил в Гостиный. У Прево взял портрет царя. Дома начал еще портрет царя. Ходил в академию, показывал портрет царя академику Васильеву и прочим... Присоветовали отпечатать здесь и в Москве у Ястребилова.

Из Академии к Родивановским.

25 апреля. Четверг

Был вечером у Родивановских.

27 апреля. Суббота

В карауле у Выборгской.

29 апреля. Понедельник

Генерал в Новой деревне ранжировал 2-й батальон. Не пошел в академию, а к Родивановским, — рисовал им Заиду и дорисовывал Зарему.

Зарема — героиня поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан», а Заида — героиня единственного гитарного романа Карла Вебера «Альканзор и Заида».

8

Если бы у нас родился Хогарт, то бы обильное нашел поле на карикатуру в семействе г. ассессора.

Радищев

Летом Финляндский полк и другие гвардейские полки стояли лагерем в Красном Селе. Гвардейские штабы были размещены по крестьянским избам.

Солдат обучали рассыпному строю, искусству преодолевать препятствия и применяться к местности.

В рассыпном строю не нужно было думать о букве устава, о равнении, о ходьбе в ногу, о правильности шага.

Ловкие расторопные егеря перебежали от дерева к дереву, прятались за кустами, стреляя холостыми патронами.

Иногда на рассвете солдат и офицеров будила барабанная дробь — тревога! Они выскакивали из палаток и, торопливо одевшись, бежали к ружьям на линейку.

Царь появлялся внезапно, статуеподобный, в сером рассветном сумраке.

Знакомый зычный голос гремел:

— На ру-ку!

И полк бросался с ружьями наперевес в «атаку».

Во второй половине 1835 года прапорщик Федотов был занят полковой службой и рисовального класса не посещал.

Чтобы научиться композиции, он рисовал сцены лагерной жизни.

На альбомном листе написал акварелью миниатюрную картину.

На первом плане стол, покрытый зеленой скатертью. На столе щипцы для снятия нагара, опрокинутый подсвечник, сломанная сальная свеча и две мыши, ее поедающие...

У стола сидит большеголовый старик в пестром полосатом халате. Положив на стол очки и книгу, старик смотрит на мышей и на кошку, жадно сверкающую глазами и вскочившую на стул. Кошка, бесшумно подкраваясь к мышам, забавляет старика. Он сам охотник: на стене висит его ружье и охотничья сумка.

На подоконнике большая бутылка в плетенке и столетник в глиняном горшке.

За окном раннее зимнее утро, покрытые снегом крыши и белый дым. В соседнем доме ярко пылает очаг.

Это грустная и слегка насмешливая повесть об одиноком скупающем старике.

Федотов любил рассматривать гравюры Хогарта, этого яростного карателя своих соотечественников.

Злой шутник Хогарт заставлял зрителя не только смеяться, но и задумываться.

Враги Хогарта говорили, что его композиции — «похороны смеха». У Хогарта смешное было страшным. Они же признавали смешным только увеселительно-забавное.

Художника преследовали тяжбами, обвиняли в издевательствах над родовитыми господами, которых его друг Свифт называл смесью хандры, спеси и самодурства. Хогарт не сдавался, отвечал новыми, еще более язвительными сатирами и не шадил никого.

Художник лондонских улиц и трущоб, он изобразил взбешенного скрипача у окна: скрипач затыкает уши, чтобы не слышать адского уличного шума. Под окном на руках у матери орет во все горло младенец, играет уличный флейтист, расхваливают свои товары разносчики, воинственный мальчишка бьет в барабан. На другой гравюре триумфальное шествие кандидата в члены парламента, израсходовавшего на свои выборы несколько тысяч фунтов стерлингов. Еще одна гравюра: жуткие образы нищеты и отчаяния — бедняки-ремесленники в «переулке джина».

В некоторых его картинах и гравюрах слишком много фигур, но их действия, их жесты зрителю понятны. Сам художник уподоблял свои композиции театральным представлениям. Недаром его картины, изображающие жизнь распутницы, были оживлены на лондонской сцене. Он создал несколько многоактных сценических картин: «Судьба распутницы», «Судьба мота», «Модный брак»...

Иногда он сопровождал своего друга Свифта, часто посещавшего кукольный театр, зверинец и Бедлам. Наибольшее удовольствие обоим злым шутникам доставляло последнее зрелище.

Хогарту-юноше учителя запрещали рисовать натуру, но он спорил с ними и говорил, что подражание античным образцам уподобляет художника трусу, надевшему на себя броню Александра Македонского.

Прочсть о Хогарте и увидеть гравюры с его картин можно было в московском журнале «Живописное обозрение» — первом иллюстрированном журнале в России.

О Хогарте писал Николай Полевой, издатель «Московского телеграфа». В 1834 году «Московский телеграф» был запрещен цензурой, поэтому имя Полевого в «Живописном обозрении» отсутствовало.

9

В Москву приехал автор прославленной картины «Последний день Помпеи». О дне своего приезда Брюллов никого не известил. Из гостиницы, чтобы не скучать в одиночестве, он отправился в Большой театр. Билеты на лучшие места уже были проданы, и художник пошел «в стулья». Здесь неожиданно он увидел своего давнего товарища — академиста Владимира Каракалпакова, но тот не узнал незнакомца: большеголового толстого человека на коротких ногах. Тогда Брюллов, прищурив свои насмешливые голубовато-серые глаза, назвал свое имя.

Бывший учитель Федотова, покинув кадетский корпус, стал смотрителем ламп в Малом театре, а потом получил должность начальника репертуарного стола в Большом театре. Инспектором репертуара был композитор Верстовский, автор оперы «Аскольдова могила», напи-

санной на сюжет одноименного романа Загоскина.

Брюллов выразил сожаление, что Каракалпаков променял кисть художника на перо чиновника. Но Каракалпаков в свободное время возвращался к художеству и рисовал портреты актеров в театральных костюмах. Иногда ему позировал сам Мочалов.

Обрадованный тем, что Брюллов встретил его как старого приятеля, Каракалпаков решил удивить директора театра, Михаила Николаевича Загоскина:

— Брюллов здесь и сидит в стульях!

Вскрикнув, статский советник и автор прославленного «Юрия Милославского» торопливо вышел из кабинета.

Каракалпаков привел Брюллова за кулисы.

Тормоша и обнимая Брюллова, такой же низенький и толстенький Загоскин восклицал:

— Ну, брат, что за картина! Уж подлино картина! Какие краски! Что за лица!..

Брюллов нетерпеливо слушал, стараясь освободиться от восторженных объятий Загоскина, но тот увел его в ложу, где и продержал в продолжение всего спектакля.

На следующий день Брюллов получил множество приглашений — московская знать желала видеть живописца, которому рукоплескала вся Италия.

Но гораздо охотнее, чем знатных своих почитателей, Брюллов посещал художника Тропинина, который жил в небольшой квартире на Ленивке, невдалеке от Каменного моста.

Подобно Венецианову, Тропинин ненавидел все нарядно-эффектное и говорил, что лучший учитель — природа.

Он никогда не составлял колера шпателью на палитре, прежде чем натурщик станет или сядет на свое

место, но смешивал краски, глядя на натуру. За это своеволие он некогда получал строгие выговоры от своего академического учителя Щукина.

Работая над портретом, Тропинин так умел развлечь заказчика, что тот совершенно забывал о том, что сидит для портретирования.

Василий Андреевич любил зарисовывать, наблюдая из окон своей комнаты. Булочная с вывеской — кренделем, разносчики с лотками и корзинами, сбитенщики, пирожники, каменщики, бородатые купцы и их шеголеватые сыновья. Это были мгновенные живописно-небрежные наброски.

Василий Андреевич часто говаривал:

— Может быть, и к лучшему, что я не был в Италии. Побывав там, я не стал бы своеобразен.

Брюллова уже тяготила его официально-академическая слава творца «Последнего дня Помпеи». Он презрительно называл отсебятиной все, что было работано без натуры.

Внезапно в Москву приехал Пушкин. Поэт и художник встретились в тихом переулке возле Пречистенки, в особняке Павла Воиновича Нащокина. Пушкин старался ободрить Брюллова: он хандрил и, подобно вернувшемуся в Италию Кипренскому, не хотел застыть в петербургском климате.

Поэт уговаривал Брюллова написать картину из жизни Петра I. Но у него был другой замысел, «Москва 1812 года»: Москва при восходе солнца и возвращение жителей в свои разоренные дома.

В столице ждали Брюллова и двор и академия, но художник не торопился расстаться с Москвой. Он ненавидел чиновничество, боялся придворной неволи и прожил в Москве четыре с половиной месяца.

Незадолго до отъезда в Петербург ему удалось освободить от крепостной зависимости двух учеников Московского училища живописи и ваяния.

Ранней весной 1836 года Федотов был очевидцем удивительного события: через полвека после первого представления «Недоросля» Фонвизина на русском театре снова была представлена неправдоподобная правда.

На первом представлении «Ревизора» присутствовали царь и престолонаследник. Публика была «избранная».

Поэт Жуковский убедил царя, что в комедии нет ничего предосудительного и неблагонадежного. Пьеса — насмешка над плохими провинциальными чиновниками, и только!

Недоумение публики возрастало с каждым актом.

После четвертого акта смех почти прекратился. Эта комедия не имела никакого сходства с веселыми фарсами.

После пятого акта «избранная» публика выразила свое негодование: пьесу называли пасквилем, сочиненным бунтовщиком.

Благонамеренный сатирик и слуга III Отделения Фаддей Булгарин, неистовствуя в своей ненависти к автору «Ревизора», упрекал его в неправдоподобии: взятки берут, но не так, как у Гоголя, — берут умно, а дают еще умнее!

Самыми ядовитыми были выпады двоедушного остроумца русской критики Осипа Сенковского. А некоторые критики предлагали автора арестовать и отправить в далекую ссылку.

Гоголь говорил, что против него не отдельные люди, а целые сословия — дворяне, чиновники, купцы.

Такова была цена славы комического писателя.

В свободное от службы время прапорщик Федотов писал акварельными красками миниатюрные портреты своих друзей.

Он написал портреты всех Родивановских. Анна Родивановская на портрете задумчива, ее бледное лицо и голубое платье написаны тщательно, а синевато-коричневый фон живописен. Ее сестра Мария — в темно-синем платье, в ушах золотые серьги с изумрудами. Иван Родивановский в белом летнем мундире стоит у палатки. Фон — пейзажный: Дудергофская гора близ Красносельского лагеря.

На академической выставке 1836 года зрители стояли не у огромных полотен с условно-красивыми фигурами и темными фонами, а у небольших картин бывшего ученика Венецианова Лавра Плахова.

Венециановская «зараза» проникла в стены Академии художеств.

Плахов выставил «Подвал», подвал Академии художеств, где жили водовозы и сторожа.

Один водовоз пляшет, другой стоит спиной к зрителям, держа в правой руке штоф, на который смотрит против света: штоф пуст! Левая рука парня закинута назад, он подтягивает пояс — жест, выражающий досаду. У окна на лавке сидит старик и внимательно слушает чтение грамотки, по которой чтец водит пальцем. На полатах лежит молодой парень, он тоже слушает, опираясь головой на обе ладони.

За живопись домашних и народных сцен академия наград не давала.

Постороннему ученику академии Плахову задали программу: «Слепой Велизарий с мальчиком-поводырем, просящим милостыню». За выполнение академической программы его наградили серебряной медалью второго достоинства. Но Плахов действительно был посторон-

ним учеником академии. Он изображал не героев в античных одеждах, а мастеровых и ремесленников.

Успех «Подвала» погубил пылкого двадцатипятилетнего художника. Ему заказывали копию за копией. Это была работа легкая и выгодная. Плахов кутил и веселился, а новых работ не доделывал.

Щедрые покровители послали его в Германию — «доучиваться».

Через пять лет он приехал на родину заурядным художником с жалкими подражаниями дюссельдорфской школе.

Чтобы вернуть прошлое, Плахов отправился в усадьбу Венецианова, но поездка была безуспешной.

Алексей Гаврилович сказал, что из Плахова все его дарование немцы «вывеяли».

Судьба Плахова была горестна. Он стал бродячим фотографом и умер в нищете.

12

Прапорщик Федотов был произведен в подпоручики. Он снова начал посещать академию: его перевели в класс гипсовых голов.

С завистью смотрел он на учеников натурального класса, где преподавал Брюллов.

Карл Павлович выходил из класса, сопровождаемый восторженной толпой учеников.

Натурный класс при Брюллове ожил.

Его ученики писали этюды с натуры, стараясь достигнуть естественности в колорите.

— Пишите *alla prima*, — говорил он, — или *lessinуйте*, пишите как хотите — только приближайтесь к природе.

Впрочем, приближение к природе он понимал ограниченно.

Если замечал, что ученик не соблюдает гармонии общей контурной линии, то переводил его обратно в класс гипсовых фигур — рисовать слепки с антиков.

— Рисовать, — говорил Брюллов, — надобно с ранних лет, чтобы карандаш бегал по воле мысли. Да и поздно учиться рисунку, когда живая женщина нравится более Венеры Медицейской. Рисунок — основа искусства. Главное — сочинить будущую картину в рисунке. Остается только перенести рисунок в увеличенном виде на холст да прогуляться по нем кистью.

Он предостерегал учеников от подражания знаменитым образцам.

— Почему искусство пало?! — восклицал он. — Потому, что за мерило прекрасного в композиции взяли одного мастера, в колорите — другого. Из старинных художников сделали каких-то недосыгаемых богов, забыв о том, что живут в другом веке. Поэтому стали не Рафаэлями и Тицианами, а жалкими обезьянами.

Но все его ученики подражали Брюллову.

Слишком почтительных учеников он не жаловал. Самым почтительным был Аполлон Мокрицкий, бывший ученик Венецианова. Мокрицкий записывал все изречения Карла Павловича. Самого себя Мокрицкий тоже считал незаурядным художником. А Брюллов рисовал на него карикатуры и говорил, что, обучая рисованию таких, как Мокрицкий, и сам разучишься рисовать.

29 января 1837 года по всему Петербургу разнеслась весть о смерти Пушкина.

За два дня до поединка он посетил Крылова. Пушкин был разговорчив и весел, но вдруг торопливо встал и протянул Крылову руку.

Узнав о смерти поэта, Иван Андреевич нарушил обычное свое спокойствие и яростно закричал:

— О, если бы я мог это предвидеть! Я связал бы его и запер!..

Мертвый поэт лежал в передней комнате, у кабинета. По приказанию царя кабинет опечатали. Парадная дверь была заперта. Люди входили в узкую дверь, на которой кто-то написал углем: Пушкин. У двери стояли полицейские.

Из Адмиралтейского собора, где было назначено отпевание, тело поэта неожиданно перенесли в Конюшенную церковь. В церковь пускали только по билетам. Присутствовали министры, сановники, иностранные послы, придворные дамы. Церковное отпевание было похоже на дворцовую церемонию. Ни одного печального лица. Полное спокойствие. Самое чинное безмолвие.

Гроб заколотили и на другой день отвезли в деревню.

— Писать стишки не значит проходить великое поприще,— изволил сказать по поводу смерти поэта граф Бенкендорф.

Полиция конфисковала литографированный портрет Пушкина с надписью: «Потух огонь на алтаре». Надпись не понравилась цензуре, увидевшей в этой строке из поэмы «Евгений Онегин» нечто недозволительное.

Царь запретил печатать статьи, слишком возвеличивающие Пушкина, которого «насилу заставили умереть христианином».

14

Через две недели после смерти Пушкина подпоручик Федотов выступил со своим полком в практический поход, в котором участвовал весь гвардейский корпус.

Финляндский полк прошел по зимним дорогам сто

шестьдесят семь верст. Маршрут: Большое Пулково, Ижора, Тосна, Царское Село, Гатчина, Кипень, Красное Село, Петербург.

Практические походы, фронтовые учения, парады, караулы... Изредка Федотов получал денежные награды. Он был исполнительным офицером — отчеты представлял в срок; ни одного выговора! Но тут было не до занятий живописью и музыкой, не до писания стихов:

...Воспой-ка ручейки тогда,
Как в сапогах бурчит вода,
Воспой под дождь в одном мундире,
Когда при строгом командире
Денщик твой, прогнанный в обоз,
Твою шинель упрятал в воз;
Иль в сюртуке одном в мороз
Простой, начальство ожидая,
Тогда как пальцы, замерзая,
Не в силах сабли уж держать,
Изволь-ка в руки лиру взять.

Время для занятий живописью нужно было завоевать. Нужно было привлечь внимание начальства военной композицией. Он охотнее написал бы акварелью какую-нибудь сцену из обыденной жизни (в его альбомах и тетрадях было множество подобных набросков), но такую картину никто не осмелился бы показать начальству.

8 июля 1837 года в Красносельский лагерь приехал великий князь Михаил Павлович, вернувшийся из-за границы, где он лечился.

Солдатам приказали нестройными, но «живописными» группами толпиться вокруг начальства, взбираться на подставки для ружей и на плечи товарищей, чтобы увидеть великого князя.

Крики «ура», давка, беготня, шапки в воздухе — всё как должно в предусмотренном беспорядке!

И в тот же день Федотов набросал тушью эскиз

будущей картины «в лицах» — «Приезд Михаила Павловича в лагерь Финляндского полка».

Любитель искусств генерал Офросимов дал ему отпуск на четыре месяца «по домашним обстоятельствам». Он получил и денежную награду «за отличную службу» — триста пятьдесят рублей: эти деньги он отдаст отцу на ремонт деревянного домика в Большом Харитоньевском переулке.

Подпоручику двадцать два года.

Впереди — Москва, город его детства, сто двадцать свободных дней, которые будут посвящены рисованию, и встречи с Катенькой Головачевой. Ей семнадцать лет, она сероглазая, с густыми, длинными ресницами — его первая любовь.

Весной, только что выпущенная из Екатерининского института, Катенька впервые побывала в Петербурге. Ее брат — гардемарин — крейсировал на учебном фрегате в Балтийском море.

15

Лошади меня мчат; извозчик мой
затянул песню по обыкновению заунывную.

Радищев

20 августа в девять часов утра Федотов сел в дилижанс. У заставы путников опросили, прописали их подорожные. Затем караульный офицер крикнул:

— Баум, высь!

Железная цепь загремела, полосатая перекладина шлагбаума поднялась и открыла путь в русские просторы.

Нигде песня не звучала так печально и вольно, как на дорогах, которым, казалось, нет конца.

Песня ямщика — эхо скорби народной.

Песня проста, в ней мало слов, а ямщик поет неторопливо, протяжно, словно наматывая ее на длину пути.

Ижора, Госна, Померанье. Станции, ямщики, почтовые лошади, станционные смотрители, проезжие. Пейзажи, которые любил рисовать Александр Орловский, художник дорожной жизни.

Новгород — город величавой русской старины и аракчеевских военных поселений. Деревянные дома с высокими кирпичными фундаментами. Каждый дом разделен на две половины. В каждой половине — два семейства. В 1831 году поселенцы пытались восстать, но были усмирены с аракчеевской жестокостью.

В Зайцеве дилижанс встречает толпа нищих, слепцов и калек.

Дилижанс мчится и днем, и ночью, останавливаясь на короткое время для завтрака, обеда и ужина там, где пожелают пассажиры.

На всем пути от Петербурга до Москвы не было такого количества кузниц, как в Валдае.

На валдайских пригорках и косогорах часто ломались колеса дилижансов и почтовых карет.

Славу городку Валдаю звенели по всей России колокольчики. Их делали на заводе братьев Смирновых.

Валдайские девушки (в ярких кумачовых сарафанах) продавали баранки. Спутник Федотова, молодой купчик, беря связку, успел поцеловать девушку в губы.

Ям Зимогорье. Жителям Зимогорья зимой — горе! Так заносило их снегом.

Едрово, Макарово, маленькие станции, почтовые дворы. Вышний Волочок со шлюзами и баржами.

Торжок — город сафьяновых изделий. На рынке красные сапоги, внутри подбитые лайкой. Серебряные розы и золотые тюльпаны на желтых, алых и зеленых сапожках — искусное народное художество. И двух-

этажная гостиница местного богача Евдокима Пожарского с его знаменитыми котлетами.

Там, где дорога была хороша, проезжали по пяти верст в четверть часа!

Губернский город Тверь. Желтые ряды каменных домов, выстроенных при Екатерине II. Улицы широкие, но грязные — город похож на окраину Москвы.

Наконец предпоследняя станция Черная Грязь. Нетерпеливые пассажиры обещают ямщику на водку — пусть везет быстрее. Кондуктор трубит и просит занять места.

Черная Грязь позади. Бородатый ямщик ласково называет по имени каждую из четверки, просит, чтобы «уважили», постарались.

Внезапно он выпрямляется и хлещет лошадей подобранными в руку вожжами. Это называется коленцем.

Коленце удалось как нельзя лучше! Ямщик похваливает лошадей. Они опять — до нового колена — бегут ровной рысью.

Ямщик снова начинает петь, изредка взмахивая кнутом.

Наконец — Химки! На третьи сутки дилижанс подъезжает к Москве. Блестят золотые купола церквей. И вот уже видны деревянные домики на скатах холмов и огромные кусты сирени.

Кончилась дорога-песня!

Он не видел Москвы три с половиной года. Город как будто вырос и вместе с тем помолодел. Но это была прежняя Москва, с теми же особняками и зелеными переулками. И тот же говор, и те же ухватки. Грибоедов прав:

...от головы до пяток

на всех московских есть особый отпечаток.

Вот она, самодовольная купчиха-Москва, умеющая проводить время преприятно, ничего не делая!

Московские франты непохожи на петербургских. Изящные петербургские франты мчались по Невскому проспекту, кланяясь и изгибаясь с балетной ловкостью. Плотные московские франты, богатые купеческие сынки прохаживались медленно и важно. Их жеманные сестры нарочно не произносили буквы «р» и неумело притворялись близорукими.

16

Карикатурные гримасы проникнуты
глубокою истиною...

И Надеждин

Встречи с Катенькой Головачевой окончились ссорой. Катеньке хотелось танцевать в домах московской знати, а он не был светским кавалером, плохо вальсировал и так и не научился танцевать французскую кадриль.

Через тринадцать лет он вспоминал:

Танцуя с ней, я зафранцузил
Преважно вслух, но вышла гиль —
Ее, себя переконфузил,
Мы оба спутали кадриль...
Вниманье, точно, заслужили,
Но после этой злой кадрили
Я был разжалован навек,
Визиты в этот дом пресек...

Вдова Головачева надеялась, что на балах ее дочь-красавица непременно встретит достойную пару — богатого офицера или помещика. Поэтому ссора Катеньки с бедным гвардейцем весьма обрадовала ее маменьку.

Он заставил себя взяться за работу над картиной «Приезд Михаила Павловича в лагерь Финляндского полка».

В центре композиции — Михаил Павлович, он что-то говорит усачу-фельдфебелю, который стоит вытянувшись. Шинель фельдфебеля — светлое пятно в центре композиции. Тут же начальник штаба Гвардейского корпуса генерал Веймарн и командир полка Офросимов. Слева и справа — офицеры в черных мундирах и киверах. Третий в группе офицеров справа — сам художник, зарисовывающий эту сцену. Даже солдаты, стоящие позади офицеров, изображены с портретной точностью. Ему превосходно удалось запечатлеть вращательные движения круглых солдатских шапок, подброшенных ввысь, на фоне облачного неба.

В московском журнале «Живописное обозрение» продолжали помещать гравюры злого шутника Хогарта.

Федотову особенно понравилась гравюра «Бедный поэт» — сатирическая сцена с немногими действующими лицами.

Бедный поэт пишет поэму «Богатство». Как безумный глядит он на книгу «Искусство поэзии», откуда заимствует метафоры и сравнения. На стене висит изображение золотых рудников Перу. Но все это мало помогает злосчастному виршеплету.

Движение правой его руки не совсем понятно: то ли он почесывает ухо, то ли хочет его заткнуть. В постели кричит младенец.

Жена поэта, штопая его штаны, испуганно выслушивает упреки молочницы.

На полу печатный листок. Чтобы не умереть от голода, поэт пишет статейки для хроники скандальных сплетен.

Однажды Федотов зашел в переднюю приставы Яузской части. В передней толпились купцы, принесшие сахарные головы, и другие просители и просительницы, нагруженные подарками. Крестьянин-лапотник притащил на себе свинью.

Такую же сцену в передней частного пристава увидел герой повести Гоголя «Нос», коллежский ассессор Ковалев.

Сцену в передней Федотов нарисовал по памяти, а затем сделал эскиз акварельными красками.

Он написал акварелью и портреты своего отца, сестер и некоторых родственников.

Наиболее удачны были портрет Андрея Илларионовича и портрет художника с отцом и сводной сестрой Анной.

Андрей Илларионович, сидя у стола, протирает стекла очков.

На столе — газета «Русский инвалид» от 13 декабря 1833 года: в тот день Павел был произведен в прапорщики гвардейского полка — радостное событие в семье Федотовых. Лицо старика сурово. Это лицо давно не улыбалось. Суровы и цветовые отношения, сочетающие желтовато-коричневые и тускло-голубые оттенки.

Художник с отцом и сводной сестрой — маленькая картина. Андрей Илларионович, его сын и немолодая падчерица выходят из ворот, у которых стоит часовой. За воротами со львами — трехэтажный дом, осенний сад и две удаляющиеся фигуры, мужчина в шинели и женщина в розоватом салопе. Подпоручик Федотов в парадном черном мундире и в треугольной шляпе со страусовым пером, Андрей Илларионович в цилиндре и в желтоватом пальто, Анна Калашникова в голубой ротонде с синим бархатным воротником.

В этой маленькой картине позирующим кажется только часовой: он стоит неподвижно, как статуя.

В магазине эстампов была выставлена новая литография — портрет Павла Мочалова, с поразительным сходством нарисованный Владимиром Каракалпак-вым: великий актер в коронной роли — Мейнау в драме Августа Коцебу «Ненависть к людям и раскаяние». Скрестив руки на груди, Мочалов произносит плакси-

во-высокопарную фразу, которая заставляла вздрагивать и замирать всех зрителей: «Сердце мое подобно давно засыпанной могиле: пусть истлевают то, что в ней сокрыто!»

Каракалпаков продолжал начальствовать над репертуарным столом. Его старший сын стал актером (под фамилией Востоков), а младший определился в военную службу.

21 декабря подпоручик Федотов вернулся в полк.

В Петербурге еще дымились развалины сгоревшего Зимнего дворца.

Гвардейским полкам приказано было внутренность дворца очистить от мусора.

Зимний дворец горел целую неделю. Солдатам удалось заложить кирпичом двери, соединявшие дворец с Эрмитажем. Почти вся дворцовая утварь, статуи, картины и драгоценности были спасены. А из развалин вытаскивали обгорелые трупы. Находили и живых, но обезображенных и искалеченных.

Генерал Офросимов представил многофигурную картину в лицах «Приезд Михаила Павловича в лагерь Финляндского полка» великому князю. Картина была принята милостиво.

Михаил Павлович изволил пожаловать Федотову бриллиантовый перстень. Подпоручик не только исправный офицер, но мог бы стать отличным художником-баталистом.

Других художников Михаил Павлович презирал.

Подпоручик Федотов снова стоит в карауле.

Он стоит на посту у Нарвских триумфальных ворот, воздвигнутых в честь подвигов русской гвардии в войне с Наполеоном. Это громадные гранитные ворота с брон-

зовыми статуями «слав» и со статуей Победы в колеснице с четырьмя конями.

Скука! Скука!

Ну вот опять промелькнул, как шаловливый мальчишка, стишок:

Веселость чувствую едва —
Лет с половиной двадцать два...

Долой стихи! Ему не до шуток. О чем же думать? О высоком и таинственном? О вечности? О том, что вечность-бесконечность есть время вселенной, которая, лучше сказать, живет в движении, а не во времени.

Мысли мерцают, вытесняя одна другую...

Он завидует тем счастливым, которые всюду могут находить поэзию.

Чем можно развлечь себя, стоя в скучнейшем карауле? Только наблюдением того, что видишь.

Вокруг милая унылая северная природа в ее зимнем пушисто-серебряном наряде.

Предутренняя, негородская тишина, изредка звенят валдайские колокольчики.

По чистому зимнему пути тянутся обозы — чухонцы в ушастых своих шапках. Какие у них угрюмые лица! Не то деревянные, не то каменные.

Румяные молочницы неторопливо тащат санки, нагруженные жестяными кувшинами.

Едут дорожные. Мысли его следуют за ними.

Мысли словно уплывают вдаль и сливаются с туманным желто-розовым восходом.

Далеко от города. Тихо, молчаливо. Изредка звенят валдайские пташечки.

Вздымая морозную пыль, проносятся атласистые кони богача.

Дорожные в медвежьих и волчьих шубах похожи на кули, что в обозах.

Если бы злой шутник Жогарт мог воскреснуть со

своей кистью! Вот пища для живописи: какая смесь
одежд и лиц!

Едут, едут дорожные...

Едет бородатый купец-толстосум.

Едет красавец гвардеец, возвращающийся из от-
пуска.

Едут заботливые родители с детьми, чтобы отдать
мальчиков в корпус, а девочек в институт.

Едут горести и надежды...

Подпоручик думает о своем будущем. Он должен
стать художником. Но угадал ли он свое призвание?
И что ждет его? Неужели — слава?

У него есть талант? А нужен еще талант иметь
счастье!

Его томит страсть к искусству, страсть похожая на
страх. Мучительно-сладостное чувство томит его. Но,
быть может, он тоскует о сероглазой, с млечными пле-
чиками Катеньке? Простит ли?

Он должен написать ей, хотя и нелегко писать после
долгого молчания. Он перед ней провинился (проклятая
кадриль!), но не утратил надежды на прощение.

Неужели серые глаза подобно серым тучам пред-
вещают грозу?

18

Он написал ей, что его беззаботно-веселое лицо
омрачилось думами, волнующими его душу. Впрочем,
во всем есть хорошая сторона, и он рад, что время при-
ближает его к цели, судьбою назначенной. А кто не
радуется, подходя к обетованной земле своей? Умей
лишь выбрать цель, умей смотреть на себя недобрым
глазом, а не своим собственным.

К письму был приложен его карикатурный портрет,
имеющий сходство с запущенным, одичалым садом:
угрюмое лицо, выглядывающее, будто сквозь кусты, из

усов, чрезмерно длинных, и бакенбардов, слишком мохнатых. На лбу — резкая как рубец морщина.

Он послал Катеньке стишок с вестями об ее брате-гардемарине, стишок, написанный ради заключительной строки, совершенно не связанной с предшествующими:

Приезжайте же к нам в Питер!

19

Эта любовь была его тайной. Его полковые товарищи ничего о ней не знали. Он был по-прежнему шутив, рисовал карикатуры. Охотно посещал друзей.

Однажды он ужинал у приятеля, жившего на взморье, в деревянном домике на сваях. Ужин был скудный, но веселый, потом играли в карты.

Наконец гости встали из-за стола, чтобы уйти. Но ветер, который дул с моря весь вечер, усилился настолько, что весенние воды хлынули на улицы Галерной гавани. Молодой хозяин выглянул в окно и сказал:

— Кто хочет ехать на ловлю?

У высокого крыльца колыхалась на волнах лодка. Вооружившись баграми, жители Галерной гавани выехали на ночную ловлю.

Во время наводнений дрова, доски и хворост, сложенные у взморья, всплывали и устремлялись по направлению к Галерной гавани. Иногда вместе с бревнами неслись обломки разбившегося судна. Это была законная добыча обитателей гавани — даровое топливо.

Почти всю ночь, при свете луны, Федотов и его друзья вылавливали бревна и, продрогшие, с богатой добычей вернулись в домик на сваях.

Весной 1838 года началось ежедневное движение поездов по Царскосельской железной дороге, соединившей Петербург с Павловском.

Зрелище это казалось сказочным. Железную дорогу называли знаменем времени.

На сцене Александринского театра играли водевиль — «Поездка в Царское Село», в котором главная роль принадлежала паровозу.

Новый способ передвижения — в паровой карете — не все признавали безопасным. Для привлечения пассажиров приказано было устроить в Павловске увеселительный «воксал», с рестораном и цыганским хором, которым руководил знаменитый Илья, воспетый Пушкиным и Денисом Давыдовым. Павловский «*Salon de musique*» окрестные крестьяне называли «соленым мужиком».

Летом генерал Офросимов предложил Федотову поселиться в одном из лагерных бараков — местопребывание полкового начальства. Внимательный начальник хотел помочь офицеру-художнику: в палатке он не мог бы заниматься рисованием.

В лагерь неожиданно приехал офицер гвардейского Волынского полка Петр Лебедев, окончивший Московский кадетский корпус тремя годами позже Федотова. На стенах барака висели гипсовые головы и кисти рук. Гость был изумлен: неужели автор картины «Приезд Михаила Павловича в лагерь Финляндского полка», как ученик, рисует гипсы?

— Не дивись, друг, — ответил Федотов. — Надобно изломать хорошенько свою неэстетическую натуру, чтобы стать художником. Я должен достигнуть до искусства изображать красоту в линиях...

На одном из своих набросков он записал слова Микеланджело, говорившего, что циркуль надобно иметь в глазу, а не в руке: рука работает, а глаз оценивает.

Микеланджело не любил подражать с точностью природе, если она не представляла совершенства.

Катенька и ее мать приехали в столицу в начале зимы. Через неделю после их приезда Федотов произвели в поручики. Повышению в чине он был рад, ему казалось, что это ускорит его свадьбу с Катенькой.

Она была приветлива и даже ласкова: ей нравился этот странный гвардеец-художник, не научившийся танцевать кадрили. Но ее всегда стерегло всевидящее око маменьки.

Вдова Головачева вздумала присутствовать и при их прощальной встрече. Он был оскорблен. Прощание с любимой при свидетелях! Он сказал, что ему надо торопиться на службу, и простился спокойно, как будто «до завтра».

Катенька бросилась за ним и закричала, упрекая в равнодушии и черствости, но он ушел и не оглянулся.

Петербургская весна 1839 года была ранней и жаркой. Река вскрылась в конце марта. Невский лед как бы нехотя двинулся к морю. Деревья преждевременно окутаны зеленой дымкой.

Зимний дворец в небывало короткий срок (пятнадцать месяцев) был восстановлен архитекторами Василием Стасовым и Александром Брюлловым. Царь назойливо вмешивался в их работу, вносил собственноручные поправки в чертежи дворцовых зал и рисунки стеновых украшений.

Строили крепостные, присланные из усадеб и военных поселений. Восстановление дворца стоило многих жизней. Обессиленные трудом и голодом, строители нередко падали с лесов и разбивались насмерть.

26 марта, в первый день пасхи, в восстановленном

дворце был парад по случаю пожалования орденских лент на знамена и штандарты гвардейских полков.

В блистающих новой позолотой дворцовых аванзалах выстроились первые взводы всех первых рот и эскадронов.

Во главе взвода Финляндского полка стоял поручик Федотов. Рядом — взвод Павловского полка.

Всеми парадирующими взводами командовал Михаил Павлович.

После церемонии и прохождении взводов мимо царя знамена были отнесены на свои места — в Зимнем, Собственном и Михайловском дворцах.

«Освящение знамен в обновленном дворце» — сюжет второй картины «в лицах», задуманной Федотовым.

Он закончил первый план — двух усачей-финляндцев в черных киверах, с ружьями и самого себя. Далее — в глубь зала — строй павловцев: высокие, остроконечные кивера с красными помпонами. В центре — рыжеусый Михаил Павлович и начальник штаба гвардейского корпуса генерал Веймарн.

Справа — четыре генерала в парадных мундирах с красными и голубыми лентами. Крайний справа — командир Финляндского полка Офросимов.

Докончить эту картину поручику Федотову не удалось.

Его покровитель генерал Офросимов заболел и получил отставку. Командиром Финляндского полка был назначен генерал-майор Вяткин, знаток строевой службы, весьма ценимый Михаилом Павловичем.

Рослый, но сутуловатый и кривоногий, с лицом, изуродованным оспой, Вяткин славился грубыми шутками, крепкими кулаками и еще более крепкими ругательствами.

Новый начальник командировал Федотова в учебную команду. Тут нужно было удвоенное внимание к службе. Утром — ученье в манеже, вечером — возня с

недоучками в казармах, в праздник — пригонка амуниции.

Прощай, картина! Прощай, рисование, гитара и флейта!

22

Писем от Катеньки он не получал. Катенька безмолвствовала. Обида на невиноватого? Но ведь проститься иначе он не мог. Быть может, она его забыла и вышла замуж? В таком случае он должен равнодушно простить. И он написал ей, прося объяснить причину молчания. Но кого он умолял откликнуться: ту, которая ему снилась держащей в руке его сердце?

Финляндский полк участвовал в майских маневрах и параде в самом живописном из окрестностей столицы — холмистом Парголове, называемом русской Швейцарией.

Во время маневров царь, одержав «победу», круто осаживал взмыленного коня и издавал торжествующие крики. В эти мгновения он ничего не видел и был похож на безумного.

В парголовской деревне Заманиловке, где жил Федотов, самые обыкновенные избы, с печкой и лежанкой, с тесовыми воротами и несколькими деревьями перед окнами, торжественно назывались дачами. Парголовские дачи были дешевы. Здесь наслаждались сельской жизнью мелкие чиновники. Они совершали уединенные прогулки, чтобы запастись здоровьем на зиму: кто в домашнем сюртуке, а кто просто в халате.

Федотов ответил на письма, полученные из Москвы. Сестра Любочка просила денежной помощи. Ровесница Катеньки Головачевой, она решила выйти замуж за молодого человека, жителя города Твери. После замужества Любочка должна была переехать в Тверь. Поэтому Федотов посоветовал прибить к стене дома

объявление «продается», поручив отцу хозяйничать до продажи.

Это была вестъ приятная. Зато другую он сравнил с застрявшей в горле щучьей косточкой: суровый Андрей Илларионович, на исходе седьмого десятка лет, вздумал жениться. Сумасбродство старика было достойно кисти Хогарта! Федотов написал Любочке, что, получив известие о женитьбе отца, он немедленно отслужит по нем панихиду.

Последующие весты из родительского дома были поутешительны: Андрей Илларионович от безумного поступка воздержался, но не состоялось и супружество Любочки.

23

Ты любишь тяжело и трудно,
А сердце женское — шутя...

Пушкин

Переписка с Катенькой возобновилась. Ему казалось, что продолжительные разлуки только укрепят их дружбу. Утешая себя, он сравнивал разлуки и встречи со сломанным и вновь спаянным железом: «Железо надобно сломать да спаять, чтобы на этом месте было крепче и впредь не ломалось». Но его «сердечная драма», продолжавшаяся три года, окончилась печально.

В своем последнем письме он был тверд и непреклонен: «Встал, встряхнулся — весь тут налицо, без ущерба. Сердце мое, попросту сказать, не мелочная лавочка: по золотничкам не за продано. Оно — все тут. Но от огня и пожара застрахованное... А вот развязка. Хоть не в красном камзоле, да на воле! Променяет ли птица осиную ветку на золотую клетку?»

Вдова Головачева выдала Катеньку замуж за сорокалетнего екатеринославского помещика.

Бедная отвергнутая любовь! По всему телу озноб, в глазах — туман, в голове шум оглушительный.

Но он встал и встряхнулся.

Он даже попытался себя развеселить. Ведь у него ум комика, в котором, как в косом зеркале, даже красота отражается карикатурой.

Задумчиво, неторопливо водил он пальцем по лбу (привычка!), как бы следя за движением мыслей. Одна из них заставила его улыбнуться, он записал: «Бог создал человека по образу и подобию своему. Кто же больше на него похож: мужчина или женщина?»

Через десять лет в альбомном послании, написанном по просьбе юной москвички, которую тоже звали Екатериной, он вспомнил о своей первой любви:

...И все ответят вам — на ком,
На первом имени каком
Я научился вдохновляться,
Душой стремиться, развиваться,
То имя — Катенька, ей-ей,
За весь успех обязан ей...

Он называл память даром драгоценным, но недобрым.

Впрочем, это были воспоминания, уже обезболенные временем. Расставшись с Катенькой, он более всего боялся нравственного застоя. Он знал, что с человеком делается то же, что со стаканом воды. Оставьте стакан: сначала пойдут пузырьки — и свежести уже нет, потом потускнеет прозрачность, а потом, если взглянете в микроскоп, руками всплеснете!

От нравственного застоя его спасла страсть к искусству.

Он ни на кого не надеялся и не утешал себя мечтами о будущем. Он ненавидел русское слово «авось», а надежду называл «богиней дураков». Его любимой заповедью была «одиннадцатая»: не откладывай на завтра того, что можно сделать сегодня.

Глава третья

1

...десять лет
Без пуль, картечь и разных бед
Возился с службой гарнизонной.

Федотов

Ранней весной 1840 года он был освобожден от занятий в учебной команде.

За отличное исполнение служебных обязанностей он получил благодарность от начальника штаба Гвардейского корпуса Веймарна. Это был нестарый, сорокапятiletний генерал. Юным офицером он участвовал в трех

сражениях: при Бородине, у Бауцена и Гохкирхена.

В двух акварельных картинах Федотова он изображен рядом с Михаилом Павловичем. Генерала Веймарна называли его «правой рукой».

Веймарн решил представить исправного офицера великому князю: пусть покажет ему недоконченную картину «Освящение знамен в обновленном дворце» как доказательство того, что в свободное время не прекращает занятий живописью.

Продавцы картин и эстампов охотно приобретали у него маленькие акварельные портреты Михаила Павловича: он изображал великого князя с бóльшим сходством, чем другие художники.

Великий князь не видел федотовских карикатур — они были еще более правдивыми портретами, высмеивающими его парадоманию, самодурство и донжуанство.

Тщеславному Михаилу Павловичу картина чрезвычайно понравилась: он был «героем» и второй картины офицера Федотова.

В тот же день Михаил Павлович показал «Освящение знамен» своему самодержавному брату, который считал себя знатоком живописи. Впрочем, самодержец признавался, что больше всего понимает живопись баталическую. На выставках его всегда сопровождал вице-президент Академии художеств граф Федор Толстой, который «показывал глазами» на те картины, которые достойны приобретения.

Царь изволил похвалить работу Федотова: поручик мог бы стать отличным живописцем военных церемоний и парадов, не хуже придворных баталистов — немца Зауервейде и француза Ладюрнера. Этого даровитого француза прислал в Петербург его учитель Орас Верне, по мнению которого Ладюрнер «чертовски владел карандашом». На маневрах он стоял позади императора и набрасывал эскизы будущих картин.

Федотов пришел в Михайловский дворец. По дворцовым залам бегали скороходы с курильницами в руках, чтобы не пахло казармой: накануне Михаил Павлович осматривал в своем дворце рекрут и нижних чинов.

Ливрейный лакей, важный, как сановник, распахнул огромные двери из карельской березы, и Федотов вошел в раззолоченный кабинет великого князя. Михаил Павлович снова похвалил его за умение писать «картины в лицах», а затем сделал замечания и о некоторых недостатках картины.

Федотов сказал, что он невысокого мнения о своей работе: его дарование нуждается в дальнейшем развитии.

Михаил Павлович с неудовольствием спросил:

— Уж не желаешь ли ты для этого заявить в отставку? Если так, я с тобой и зняться не хочу!

Того, кто мог променять шпагу на палитру, Михаил Павлович презирал: России не нужны ни ученые, ни художники, нужны только офицеры.

— Если хочешь заниматься в свободное от службы время, то говори, что тебе нужно.

Федотов ответил коротко:

— Учителя.

— Кого?

— Брюллова.

— Хорошо. Узнай, что он за это хочет.

Затем Михаил Павлович спросил:

— А что, тебе тугο приходится?

Федотов сказал о бедности своего семейства.

— Только не смей думать об отставке,— строго повторил Михаил Павлович.— А все свои желанья объясни в докладной записке.

Аудиенция была окончена. Федотову казалось, что он приближается к желанной цели.

Брюллов рисовал эскизы к картине «Осада Пскова». Сюжет картины — эпизод из пятимесячной осады Пскова польским королем Стефаном Баторием, осады, окончившейся поражением стотысячной королевской армии. Брюллов хотел создать большую картину, прославляющую силу и величие русского народа.

Приступая к работе, Карл Павлович решил снова прочесть «Историю государства Российского», но вскоре отбросил книгу, сказав, что в «Истории» Карамзина нет народа.

Он поехал в Псков, осмотрел древнюю крепостную стену с проломом: здесь 8 сентября 1581 года русские яростно сражались с латниками Батория.

Подготовительная работа была длительной. Брюллов сделал множество рисунков. Он любил чертить пером, размазывая чернильные кляксы пальцем, — это были мгновенные виртуозные наброски.

Масляным краскам нетерпеливый Брюллов предпочитал акварель. Медленное ежедневное писание масляными красками его утомляло. Он говорил, что завидует великим живописцам — они работали так, словно их никогда не покидало вдохновение.

Но, увлекшись работой, Брюллов забывал о еде и трудился до обморока.

Окончив большой рисунок, он написал маленький эскиз масляными красками.

Сквозь пролом в крепостной стене светило солнце.

Солнечный луч раздробился мелкими отблесками на шлемах, панцирях, мечах и секирах.

Брызги света усиливали яростную суматоху сечи.

Но работой над картиной Брюллов был недоволен. Льстивым почитателям он отвечал, прикасаясь рукой ко лбу и груди:

— А тут и тут гораздо лучше!

Он жил по-студенчески в своей огромной мастерской при Академии художеств. От назойливых посетителей его охранял слуга, украинец Лукьян. Повара у Брюллова не было. Лукьян приносил обед из ближайшего трактира — обед из трех блюд за двадцать копеек серебром.

Брак Брюллова с юной красавицей Эмилией Тимм был кратковременным. На нее обратил благосклонное внимание царь. От высокой чести быть мужем царской наложницы Брюллов отказался.

Подобно Глинке, он не посещал аристократических салонов. Композитор и художник встречались в небольшой квартире литератора Нестора Кукольника, где шумно пировали любители подогретого красного вина, музыки и веселья.

О своей дружбе с Глинкой и Брюлловым славобивый Нестор Васильевич всюду говорил как о триумвирате гениальных представителей трех искусств: музыки, живописи и поэзии.

Он умел льстить и Брюллову, и Глинке.

Наброски Брюллова он сравнивал с рисунками Микеланджело. После пьяных кукольниковских пиршеств Брюллов иногда приходил «очищаться» к Алексею Гавриловичу Венецианову.

Композитор называл Кукольника «порядочным брехуном», но этот застольный балагур любил и понимал музыку.

Неутомимый импровизатор, Кукольник превосходно играл на фортепьяно. У него было «музыкальное ухо». Он даже изучил контрапункт. С Кукольником Глинка нередко проверял свои этюды и работал над инструментальной оперной нумеровкой.

На слова Кукольника Глинка писал романсы.

На кукольниковских пирушках Брюллов нарисовал множество карикатур на Глинку: «Глинка, поющий без

голоса и без фрака», «Глинка в восторге от своих произведений», «Глинка обожаемый», «Глинка самолюбивый», «Глинка на бале в Смольном», «Глинка задумывает новую чудовищную оперу»...

Рисуя, приговаривал:

— Я это отпечатаю, а вот еще... Сюжет неистощимый!

Глинка пел, перебирая своими маленькими, но крепкими руками струны гитары.

Он пел звучным грудным тенором, четко произнося каждое слово.

Пением Глинка Брюллов восторгался, но его музыки не любил, навсегда очарованный сладкозвучными итальянцами.

3

В начале 1840 года был подписан приказ о преобразовании Академии художеств, о закрытии казенного воспитательного училища.

Учащимся предоставили право свободного выбора сюжетов.

Каждому ученику, достигшему определенного умения, дозволялось и самостоятельно выбрать учителя. Нужно было только получить согласие самого профессора.

Инспектор рисовального класса представил поручика Федотова Брюллову.

Робко вошел он в мастерскую «Карла Великого». Там стоял орган, но в огромной мастерской он не казался большим.

И стены, и диван, и занавески, все было красным — любимый цвет Брюллова. И сам Карл Павлович был в красном халате.

На постаменте стоял вызолоченный бюст Пушкина.

На стенах висели портреты светских брюлловских красавиц, не вполне оконченные, и эскизы к «Осаде Пскова».

Узнав о возрасте офицера, желающего посвятить себя живописи, Брюллов нахмурился:

— Не советую! Вам двадцать пять лет, поздно приобретать механизм, технику искусства, а без нее что же вы сделаете, будь у вас бездна воображения и таланта?

Федотов показал свои рисунки — академические и с живой натуры. Он ждал приговора как обвиняемый.

Брюллов одобрительно улыбнулся: поручик рисовал весьма неплохо — у него крепкая, уверенная, гибкая линия.

— Попробуйте, пожалуй, — сказал Брюллов и слегка толкнул его в бок. — Чего не может твердая воля, постоянство, труд! Помните: одного старания мало, вы должны беречь каждую минуту времени, свободного от службы...

И, обращаясь к инспектору, сказал, что почтет за счастье выполнить желание великого князя и принять поручика в число своих учеников.

Михаил Павлович разрешил ему изъяснить докладную запиской, что ему необходимо для достижения цели.

Он написал, что прежде всего он должен отказаться от тех занятий, которые дают ему возможность увеличивать недостаточное для жизненных потребностей жалованье, и что неопределенность свободного времени не позволяет ему в урочные часы посещать рисовальный класс, поэтому на приобретение гипсов и различных рисовальных материалов потребно ежегодно от 759 до 1000 рублей.

Не забыл он упомянуть и о том, что военную службу ни под каким видом не желает оставить.

Его вызвали к генералу Веймарну, временно исполнявшему обязанности начальника штаба Гвардейского корпуса вместо своего брата, уехавшего за границу. Генерал Веймарн-второй встретил Федотова приветливо.

— Великий князь, — сказал он, — представил вас к следующему: ежегодно, кроме жалованья, тысяча рублей на издержки рисованья.

Но царь решил уволить офицера, который так упрямо стремился стать художником: не лучше ли для него будет оставить военную службу и посвятить себя живописи. Милость коварная: тогда бы он лишился офицерского жалованья и получал бы только сто рублей ассигнациями в месяц.

Ему приказано было обдумать и дать письменный ответ.

Он написал отцу: что бы ответил на вопрос царя Андрей Илларионович? Впрочем, ответ отца был ему ясен: каждый бедный дворянин должен стать или офицером или чиновником, живопись — не занятие для гвардейского офицера.

Поручиком он уже стал. Станет ли он настоящим художником? Быть может, Брюллов прав и поздно в двадцать пять лет изучать тонкости живописной техники?

Судьба — неразмотанный клубок. Не знаешь, длинна ли нитка, цельная или с узлами, на чем конец намотан, — ничего не знаешь.

Он должен себя испытать, постоянно ли его стремление к искусству.

И он ответил, что просит дать ему срок — год или полтора — на испытание.

Он написал акварелью третью картину «в лицах»: генерала Вяткина и его семью среди офицеров Финляндского полка.

В отличие от первых двух — торжественной «встречи» и военной «церемонии» — он изобразил случайную, непарадную сцену в Красносельском лагере: у генеральской палатки Вяткин, его жена, дочь и группа офицеров рассматривают его рисунки и акварели. Художник стоит тут же.

На фоне белой палатки — черные мундиры офицеров, а среди них, как цветник, яркие наряды генеральши, ее дочери и гувернантки — синее, серое, голубое, лиловое, красное.

Направо, поодаль от группы, стоит полковой адъютант, которому о чем-то докладывает писарь.

В траве лежат два генеральских мопса, белый и коричневый.

На заднем плане — музыканты с медными трубами, они возвращаются к своим палаткам.

Финляндский полк гордился искусством своего художника. Товарищи предсказывали ему блестящую будущность.

Наименьшую часть свободного времени поручик Федотов посвящал писанию стихов, которые называл безделками. Записывал и свои мысли. Однажды записал: «Где конец вселенной знает только бог. Но мысли бога о мире, конечном для его разума, короче мыслей человека, который простирает мысль далее бесконечности».

Стихи были его отдыхом.

Весной 1841 года он начал писать поэму «Чердак», оставшуюся неоконченной.

В этой поэме он прощался со своей юностью и вспоминал тех товарищей, которых уже не было в полку.

Кончилось буйное чердачное веселье. Кончилось кипение молодой крови. По вечерам на «чердаке» было тихо,— ни хвастливых рассказов офицеров-хрипунов, освещенных пламенем жженки, ни визга уличных «венер». Стояла пустой ромовая чаша.

Умер подпоручик Александр Руин, перевели в другие полки капитана Киновича, капитана Фацарди, подполковника Боасселя, прослужившего в Финляндском полку восемнадцать лет.

Стал титулярным советником уволенный к статским делам поручик Шевелев, один из ближайших друзей Федотова.

Лучшие строки своей поэмы он посвятил «жильцу квартиры смежной» — поручику Мельхиору Стакельбергу. Длинноносый Мельхиор, горлан, гуляка, любитель амурных дурачеств, был добрым товарищем. Этот пасынок здравого рассудка хорошо играл на гитаре и еще лучше пел озорную песню о поповне. Пел с подлинным чувством, поэтому вокруг поющего все умолкали.

Отец Мельхиора, спесивый барон, гордившийся своим старинным родом, хотел, чтобы сын прославился военными подвигами, и отправил его на Кавказ.

...Он рад был прихоти отца
И, распротясь, надежды полный,
Вплоть до кровавого конца
Не забывал своей «Поповны».
Ему всегда «Поповна» пелась,
Всегда чего-то все хотелось,
Давно душа уже рвалась,
Давно кидала жадно взоры
На поэтический Кавказ,
В его заоблачные горы —
Жилище летнее снегов,
Престол и родина орлов..

Мельхиор Стакельберг был убит 4 октября 1840 года в деле при крепости Грозной.

Остались в полку Иван Родивановский, Александр Гусев, Владимир Своев — друзья Федотова.

Остался немолодой капитан Шмидт, обжора, мечтавший о делах статских: живая федотовская карикатура.

Остался бы и командир первой егерской роты Александр Ган, но начальство было вынуждено перевести его в другой полк.

Гана презирали и рядовые, и офицеры Финляндского полка. Он был виновником гибели рядового первой роты Иванова.

Измученный муштрой, солдат сорвал с Гана эполеты и швырнул их на землю.

За сопротивление ротному командиру начальство приговорило рядового Иванова к наказанию шпицрутенами «через тысячу человек три раза».

У солдат не было никакого досуга. На досуге чистили амуницию — труд беспрестанный.

— Эх ты, жизнь наша каторжная! — горюя, говорили они. — Учишься, учишься — и все не доучишься, чистишь, чистишь — и все не вычистишь.

Амуницию, натертую смесью клея и мела, сперва сушили, а затем глянцевали. Политура была непрочной: от жары трескалась, от сырости растворялась. Зато в строю крестообразные солдатские вериги блестели, как слоновая кость.

Солдат бывал в амуниции, с тяжелым ружьем, часов десять в сутки. Сапоги, пригнанные на прямую колодку, — одинаковы: надевай на любую ногу!

Поручик Федотов написал песню о пехотинцах-егерях (Финляндский полк входил в состав легкой пехоты):

...Егерь ростом невелик,
Мал, да дорог золотник,

Егерь мал,
Да удал.
То ли дело, то ли дело,
То ли дело егеря, егеря, егеря.
То ли дело, то ли дело,
То ли дело егеря, егеря, егеря.

...Тяжелы и гренадеры,
Мы ж на разные манеры,
Где ползком,
Где прыжком.
То ли дело, то ли дело,
То ли дело егеря, егеря, егеря.
То ли дело, то ли дело,
То ли дело егеря, егеря, егеря.

Солдатская песня Федотова стала любимейшей песнью Финляндского и Егерского гвардейских полков.

Старый финляндец генерал-майор Марин поместил песню о егерях в «Кратком очерке истории лейб-гвардии Финляндского полка», изданном в 1846 году. К Аполлону Никифоровичу Марину Федотов относился с особой почтительностью. В Бородинском сражении Марин был контужен в грудь, а в сражении при Лейпциге — ранен в плечо и ногу. Он любил вспоминать о своей походной жизни и даже написал стихи о Бородинской битве. С ним дружил Иван Андреевич Крылов.

Старший единокровный брат Аполлона Никифоровича, известный стихотворец-острослов и пародист Сергей Марин был другом и Крылова, и Дениса Давыдова, и Батюшкова, и Орловского, и Кипренского.

В ночь на 12 марта 1801 года, когда «скоропостижно» скончался император Павел, Сергей Марин командовал особым отрядом телохранителей-преображенцев, которые, по его приказанию, стояли неподвижно.

У Аполлона Никифоровича хранилась тетрадь с злослычными стихами его старшего брата, умершего в 1813 году, а у их племянника, молодого офицера Александра Марина (он был приятелем Федотова), на

стене висела семейная драгоценность — портрет 44-летнего Крылова, нарисованный быстрым карандашом Орловского. На рисунке, в правом углу вверху, — ребусоподобная надпись: изображение крыла с буквой «в», тут же и подпись художника арабским шрифтом, не вполне правильным.

6

Денщиком Федотова был Аркадий Коршунов, невысокий, коренастый, смуглолицый. Этого угрюмого, номышленого ярославца он называл своим слугой и другом.

Преданность и заботливость Коршунова были безупречны, но однажды Федотов едва с ним не расстался.

Отряд Финляндского полка стоял в Парголове.

По вечерам Федотов пел, аккомпанируя на гитаре, романсы Титова, Варламова и свои собственные.

В Парголове Коршунов удивил своего начальника обедом: вместо обычных щей и каши на столе жареная курица. Федотов спросил, откуда это и уж не воспользовался ли Коршунов какими-нибудь нечистыми средствами. Слуга, который был и другом, ответил, что Павел Андреевич иногда обедает у друзей, вот и остаются неизрасходованные деньги. Через несколько дней Коршунов снова удивил «экономией» — колбасой, сыром. На сей раз Федотов посмотрел на Коршунова молча и вскоре получил новое доказательство его бережливости — бутылку вина. Тогда он строго сказал, что если Коршунов не признается, откуда у него деньги, то будет немедленно отослан и заменен другим денщиком.

И Коршунов признался: он воспользовался вечерними концертами своего начальника для его же пользы.

Парголовские дачники, прогуливавшиеся около

избы, где квартировал Федотов, просили Коршунова впускать их в садик, чтобы лучше слышать пение. Он и впускал, приговаривая: «А не дадите ли на чаек?»

В поэме-предисловии Федотова к его картине «Сватовство майора» главный герой говорит своему денщику:

Ты, я знаю, брат, неглуп...
Например: откуда суп
С курицей у нас являлся?
Я тогда уж притворялся
И молчал. Ведь денег я
Не давал.. Казна моя
Чуть стает на щи да кашу.
Помнишь, как-то простоквашу,
Как-то жареный петух
Да во всех подушках пух...

С Коршуновым он не расстался, но вечерние концерты прекратил.

Парголово с его озерами, столетними соснами, огромным садом графов Шуваловых и горой Парнас было любимым местом художников-видописцев.

Не случайно герой повести Алексея Тимофеева «Художник» называет Парголово своей резиденцией.

Этого художника выгнали из квартиры. У него отняли все — картины, краски, одежду, мебель. Ему оставили только несколько рисунков и старый комод.

Безумная мысль мелькнула в голове у бедняги. Он нанял на последний рубль извозчика и перевез комод на одну из отдаленных площадей столицы.

Написав на клочке бумаги два слова, художник привязал его к шесту, а сам отправился бродить по улицам.

Вокруг комода собралась толпа любопытных. Все хохотали, читая надпись: «Квартира художника».

Весь день художник бродил голодный — бесплатной была только невская вода!

Вечером, когда он вернулся в свою «квартиру», у комода стоял часовой с ружьем.

Часовой увел его в участок.

Об этом происшествии узнали некоторые благотворители, и через неделю художник получил тысячу двести рублей. Поэтому он советовал своим голодающим братьям запастись старыми комодами!

В Парголове Федотов совершал длинные прогулки верхом на лошади. Парголовские обитатели часто видели странного всадника — офицера в гвардейском мундире, с саблей и с большим альбомом для рисования.

В конце лета 1841 года он снова начал посещать академию — его перевели в класс гипсовых голов. 6 декабря поручик Федотов был произведен в штабс-капитаны, а в конце месяца он сдал третней экзамен в академии. Академические товарищи восхищались его карикатурой, нарисованной тушью: подгулявшие юноши срисовывают вместо Бельведерского торса Геркулеса — полштофа водки.

Карла Павловича он видел только издали. Он был уверен, что Брюллов уже забыл офицера, который слишком поздно вздумал стать живописцем.

Огромная картина «Осада Пскова» была почти окончена, но Брюллов никому не разрешал входить в мастерскую. Когда его спрашивали, скоро ли покажет новое свое творение, он отвечал отрывисто и сердито:

— Картины нет еще... До конца еще очень далеко. Показывать неоконченную картину — все равно что ходить без сапог.

Его недоброжелатели переименовали картину в «Догаду от Пскова». А он говорил своим друзьям, что под войлочным петербургским небом ему не хочется брать в руки кисть.

...Цепями с модой скованный,
Изменчив человек —
Настал иллюстрированный
В литературе век.

Некрасов

Андрей Илларионович Федотов получил известие о смерти своего старшего сына Михаила, штабс-капитана Украинского егерского полка. Штабс-капитана Павла Федотова назначили командиром пятой егерской роты. Его друзья-финляндцы Иван Родивановский, Александр Гусев, Владимир Своев тоже стали командирами егерских рот.

Петербургская зима 1841—1842 года была несуровой и бесснежной. Морозы не превышали десяти градусов. Жители столицы называли зиму нерусской и жаловались на дурные пути, из-за которых не было подвоза.

В книжных лавках продавали новинку — иллюстрированное издание Александра Башуцкого «Наши, списанные с натуры русскими» — бытовые очерки издателя, Основьяненки и Даля. Цена за каждый выпуск «Наших» (восемь — двенадцать страниц) была высока — сорок копеек серебром, а число подписчиков после восьмого выпуска увеличилось до девятисот.

Башуцкий предполагал перевести на русский язык парижскую «Энциклопедию нравов XIX столетия» — «Французы, изображенные ими самими», — но потом решил издавать иллюстрированные очерки нравов отечественных.

Авторами двухтомной «Энциклопедии нравов XIX столетия» были известные писатели, возглавляемые Бальзаком: Жюль Жанен, Петрюс Борель, Фредерик Сулье и другие. Это издание иллюстрировали искуснейшие рисовальщики Гаварни и Шарле.

Своим успехом сатирические очерки, изданные

Башуцким, были обязаны иллюстрациям Вильгельма Тимма. Этот двадцатилетний баловень удачи, русский немец, ловко подражал французу Гаварни.

Бывший ученик профессора Зауервейде, Тимм оставил баталическую живопись, чтобы изображать столичную жизнь и светские нравы. Он сразу стал модным. Расчетливый литературный торговец Булгарин пригласил его в сотрудники, и они начали издавать маленькие изящные книжки — их называли конфетными — «Картинки русских нравов».

Успех первой «конфетной» книжки был небывалый.

Столичной публике легкомысленный Тимм нравился тем, за что его осуждал Федотов: фигурами и физиономиями тиммовские «наши» были похожи на парижан.

Впрочем, все петербургские франты подражали красивым негодяям Гаварни. Публика, восхищавшаяся парижской ловкостью Тимма, не оценила работ Игнатия Щедровского, рисовальщика, литографа и живописца.

Еще в 1839 году Щедровский издал тридцать шесть литографий — «Сцены из русского народного быта».

Этот мастер точного чеканного рисунка не был ни сатириком, ни карикатуристом.

Он добросовестно изображал петербургских мастеровых. Его героями были простые люди труда — плотники, штукатуры, стекольщики, трубочисты.

В его многофигурных композициях отсутствовало действие, но зато все было достоверно — и типические особенности человека, и каждая складка тулупа и армяка.

8

Офицеры Финляндского полка заказали профессору баталической живописи Адольфу Ладюрнеру картину, которую они решили поднести бывшему командиру генералу Офросимову.

Ладюрнер изобразил генералов Офросимова и Вяткина среди офицеров, весьма искусно разместив группы.

Офицерам Финляндского полка было бы приятнее, если бы эту картину написал «их» художник, но Федотов еще не начал писать масляными красками.

Его «Бивуачные сцены» пожелал иметь престолонаследник Александр, назначенный командиром Второй гвардейской пехотной дивизии. Под его начальством был и Финляндский полк.

Тщательно написав акварелью «картину в лицах» — «Бивуак лейб-гвардии Павловского полка», — Федотов начал рисовать эскизы для второй картины — «Бивуак лейб-гвардии Гренадерского полка».

Мансарда командира пятой роты — мастерская художника. На стенах — гипсовые головы, носы, руки и ноги.

У двери — черная доска: он любил делать наброски мелом.

На диване — семиструнная гитара и флейта. И повсюду — на столе, на этажерке, на полу — книги: сатиры Кантемира, крыловская «Почта духов» и его басни, Фонвизин, Пушкин, Гоголь, Ирвинг, Бальзак, Байрон, журналы, взятые в полковой библиотеке, английские учебные книжки.

Изучение английского языка он прекратил. В свободное от службы время он работал над второй «бивуачной сценой», ходил в класс гипсовых фигур, успешно сдавал экзамены.

В рисовальном классе он встречался со своими друзьями: Александром Агиным, Евстафием Бернардином, Александром Козловым, юным архитектором-итальянцем Петром Карлони, потешно коверкавшим русский язык, и еще более юным Александром Бейдеманом, русским греком с онемеченной фамилией. Федотову нравился этот худощавый темно-волосый юноша со сверкающим взглядом и стремительным поворотом головы. Саша Бейдеман восторженно

говорил об искусстве, и у него была федотовская способность рисовать по памяти. Бейдеман, его мать, брат-подросток и две сестры жили в 13 линии Васильевского острова. Они были бедны.

В один из последних августовских дней 1843 года к Федотову пришел юноша в мундире прапорщика Финляндского полка — девятнадцатилетний Александр Дружинин, окончивший пажеский корпус. Его старшие братья Григорий и Андрей были офицерами Финляндского полка. Федотов впервые увидел Александра, когда тот был мальчиком. Саша Дружинин любил слушать рассказы Федотова о его уличных наблюдениях. Федотов рисовал ему «картинки», водил в Эрмитаж.

Ему исполнилось семнадцать лет, когда Федотов написал акварельными красками миниатюрный портрет братьев Дружининых.

Это «портрет с аксессуарами», портрет — «домашняя сцена».

Слева в расстегнутом — по-домашнему — мундире сидит Андрей Дружинин. Он держит в правой руке карандаш и смотрит на две гипсовые маски, которые приготовился нарисовать. Перед ним на ломберном столе — лист бумаги.

В центре композиции, глядя на зрителя, сидит Григорий Дружинин, любитель балов и маскарадов. У него красивое бледное лицо. Он тоже в мундире Финляндского полка.

Рядом с Григорием — младший брат Александр, в черном штатском костюме. Юноша чуть насмешливо смотрит на рисующего Андрея.

Младший Дружинин хотел стать литератором. Он изучил три языка — французский, английский, итальянский — и писал шуточные стихи.

На вопрос Федотова, знаком ли он с новыми товарищами, Александр ответил, что уже успел познакомиться со всеми. Тогда Федотов протянул ему свой альбом:

— Теперь он будет для вас понятнее...

В альбоме было множество карикатур на полковое начальство: генерал Вяткин на смотру; Вяткин на маневрах; Вяткин перед полком; Вяткин, бешено размахивающий плетью... Другим героем карикатур был командир второго батальона — долговязый узколицый Фридрикс, педантичный служака: полковник Фридрикс в туфлях, придерживая спадающие очки, бежит встречать начальство; Фридрикс показывает, как надо маршировать, и кричит: «Суетливо! Спокойствия нет!»; Фридрикс, наклонясь, тычет обеими руками: «Где нога?»; Фридрикс, стоя на носках, вопит: «Морды выше! У меня!»; обалдевший от собственного педантизма Фридрикс схватился левой рукой за вспотевший лоб: «Это ужасно, пятая рота! Носки потеряла! Пятая!..» (пятой ротой командовал Федотов). Как только полковника вгоняло в пот, он свирепел и начинал награждать солдат зуботычинами. Фридрикс был изображен и с лошадиной мордой — в очках и кивере.

Карикатуры на товарищей офицеров были не столь язвительны. Федотов дружески высмеивал их слабости и страстишки. Не щадил и самого себя.

Дружинин спросил, не обижаются ли на него товарищи.

— Только один принял шутку к сердцу, да и тот старается не показывать!

В альбоме были и сатирические «сцены», написанные акварелью, и карандашные наброски, показавшиеся Дружинину странными: Федотов изобразил своих товарищей, кого в мундире Финляндского полка, а кого в доспехах славянского витязя. На одном из рисунков — поле, усеянное пустыми бутылками и обглоданными костями, среди них лежит обнаженный «труп» одного из офицеров Финляндского полка. Слева — исполинская голова другого офицера, юная и безусая, в шлеме, украшенном игральными картами, а справа — сам художник, играющий на гитаре.

Федотов объяснил Дружинину, что это сцены из оперы «Руслан и Людмила», которую он, почитатель Глинки, осмелился переделать. И, взяв гитару, он спел несколько арий из своей оперы-шутки.

Столичные «знатоки» называли новую оперу Глинки «кучерской» музыкой, а великий князь Михаил Павлович советовал военному начальству посылать провинившихся офицеров не на гауптвахту, а в оперный театр.

Могучим мелодиям Глинки светские «знатоки» предпочитали слащавые кантилены Беллини и Доницетти, рулады и трели итальянских певунов. Итальянскую оперу усердно посещал царь.

В зале дворянского собрания восторженно приветствовали знаменитого певца Джованни Рубини, почти утратившего голос и виртуозно певшего фальцетом. Косматоволосый итальянец пел с искусственной горячностью, потрясая правой рукой и как бы грозя публике. За свои концерты он получал огромные суммы.

Над оперой Глинки неутомимо издевался в своей «Северной пчеле» Фаддей Булгарин:

— Иван Иванович, были ли вы на первом представлении «Руслана и Людмилы»?

— Был.

— А что вы скажете?

— Декорации превосходные!

В своей газете Булгарин предпочитал восхвалять первоклассные произведения тех кондитеров и сигарочных фабрикантов, которые хорошо ему платили.

Опера Глинки была ошикана не только публикой, но и артистами и оркестрантами.

После провала первого представления «Руслана и Людмилы» была ошикана «Женитьба» Гоголя. Актеры Александринского театра старались смешить публику, шаржируя и кривляясь. Булгарин снова злорадствовал, доказывая, что пьеса «никуда не годится». Вообразив себя высшим судьей, он поучал даже Листа, который, по его мнению, неправильно играл мазурку Шопена.

Престолонаследником Александром две «бивуачные сцены» были приняты благосклонно. Федотов получил денежную награду.

Он решил наконец оставить военную службу. Ему уже исполнилось двадцать восемь лет. Испытание было достаточно длительным. О своем решении он сообщил престолонаследнику.

Александр просил своего «августейшего родителя» предоставить будущему баталисту те же пособия, какие были даны при отставке скульптору Клодту: квартиру в Академии художеств и ежемесячное жалование — сто рублей ассигнациями или двадцать восемь рублей шестьдесят копеек серебром. Царь изъявил согласие. Но президент Академии художеств герцог Лейхтенбергский (красавец и кутила, женатый на дочери царя) считал, что предоставить казенную квартиру офицеру, начинающему заниматься живописью, «неудобно», — барон Клодт получил квартиру в Академии художеств как лучший мастер литейного дела.

Накануне 1844 года штабс-капитан Федотов был уволен «по домашним обстоятельствам» капитаном, с мундиром и ежемесячным жалованьем: десятилетняя полковая служба кончилась.

Вместе с Федотовым получил отставку его слуга и друг Аркадий Коршунов.

Отставной капитан совершил длинную прогулку по линиям, чтобы найти квартиру поближе к Академии художеств. Начиная с четвертой линии, все дома были деревянные. Федотов останавливался у ворот с ярлычками, извещающими о сдаче жилья внаем, и нанял квартиру за Малым проспектом, в 9-й линии. При его переезде на новую квартиру черная доска с меловыми набросками целое утро стояла на улице, забавляя прохожих.

Глава четвертая

1

Художник, странно, из кадет,
Из фронтового офицера,
Какого не было примера...
Федотов

Полковые товарищи простились с ним на обеде у Родивановских. Пение, танцы, тосты, пожелания... Федотов, впервые надевший мешковатый черный сюртук, был весел и подшучивал над собой.

Товарищам Федотова его любовь к искусству каза-

лась залогом успеха. Они не сомневались в том, что он станет лучшим из отечественных художников-баталистов и приобретет крупное состояние. Баталическая живопись — самая доходная, хотя угодить придирчивым заказчикам нелегко.

Некогда Александр Орловский написал для Николая I картину «Переход Суворова через Альпы».

Начальник Главного штаба князь Волконский не мог оценить художественные достоинства картины, но зато заметил весьма важный недостаток: лишнюю дуговицу на каждом мундире! Такую картину никто не осмелился бы поднести его величеству.

Волконский сделал художнику строгий выговор. Гордый и вспыльчивый, Орловский тут же искромсал свою картину, над которой работал несколько месяцев.

Баталическая живопись была скучна, как формуляр. Вычерченная, вылизанная живопись!

Ровные ряды манекенов, одетых в гвардейские мундиры. Блестят голенища, блестят кивера, вылощены кони.

Капитан Федотов получил отставку и ежемесячное пособие для занятий баталической живописью. Поэтому он должен был стать учеником профессора Зауервейде.

Профессор-баталист обучал детей царя и был при дворе почти домашним человеком.

Писатель Бестужев-Марлинский, восхваляя неуклюжих, косматых коней Орловского, высмеивал тонконогох, кокетливо бьющих копытцами и как бы причесанных парикмахером лошадок Зауервейде.

Для учеников академии Зауервейде изготовил литографированную «Анатомию лошади», которую должен был изучить и Федотов.

Весной 1844 года его наконец перевели в последний,

натурный и рисовальный класс. 21 мая он сдал месячный экзамен и получил за рисунки с натуры № 21. В этот день сдал экзамен и Тарас Шевченко, получивший за свои рисунки № 7. Это была единственная встреча Федотова с тридцатилетним автором «Чигиринского кобзаря» и «Гайдамаков», который называл себя мужицким поэтом (в том году Шевченко окончил Академию художеств). Федотов навсегда запомнил его крепкую широкоплечую фигуру, смуглое, окаймленное пушистыми бакенбардами лицо и взгляд — зоркий и какой-то грею щ и й.

Шевченко тосковал по своей родине. Об этом свидетельствовали его рисунки и акварели: украинские хаты, парубки, хлопчики, дивчины, чабаны, бандуристы. И тут же — акварели «брюлловские» — одалиски с атласными телами, турки, негритянки.

Некоторое время Шевченко жил в роскошной мастерской своего учителя. Но пребывание в этом «святитище искусства» не мешало ему писать стихи на родном языке. Перед мужицким поэтом всегда расстилалась бескрайняя степь с ковылем и курганами. Живопись была только профессией, владело же им всемогущее неодолимое призвание.

Над картиной «Осада Пскова» его учитель уже не работал.

Картина была пестра, а Брюллов говорил ученикам, что яркие колеры, если не подчинены общему тону, хлещут по глазам, как разноцветные лоскутки на дверях у красильщика. Друг Брюллова, художник Солнцев, сказал, что его картина не осада, а крестный ход: посреди холста Брюллов изобразил псковское духовенство и монаха в черной рясе, сидящего на коне и благословляющего ратников крестом.

Выслушав неприятное, но справедливое замечание Солнцева, Брюллов прекратил работу над картиной и больше к ней не прикасался.

Отставного капитана Федотова более всего тревожили мысли о слабости дарования. Не сказать ли «пас»? О нет, это заставляло его удваивать усилия в работе.

А вокруг столько беззаботных дилетантов, этих кудрявых юношей, в курточках à la Ван Дейк. С преувеличенной восторженностью толковали они об искусстве. У этих юнцов было огромное самомнение. Они мечтали о колоссальных композициях à la Брюллов — верный признак бездарности, завидовали малейшему чужому успеху и гордились своей мнимой артистической бедностью.

— За каждым из них кто-нибудь стоит с полным карманом, — сказал Федотов Дружинину, — а они толкуют о веселой бедности. Им кажется, что отклонению от приличий сопутствует гениальность, а тихий, непрерывный труд — достоинство «бабье». Они хотят жить скачками, совмещая работу с увеселениями. Беда в том, что, сделав пять или шесть скачков, они изнуряются и всю страсть берегут только для увеселений...

Художников малоодаренных, но трудолюбивых он не осуждал. Хуже были художники-скорписцы. Подобно гоголевскому Чарткову, они богатели, угождая заказчикам. Но хуже всех были празднолюбивые гуляки.

— Я знаю, — сказал он Дружинину, — что человек без занятий враг каждому трудящемуся человеку!

Он сделал множество рисунков для двух небольших композиций — «Французские мародеры в русской деревне» и «Переправа егерей вброд на маневрах».

Первый эскиз — сцену рукопашной схватки русских крестьян с солдатами Наполеона — он закончил летом 1844 года. Эта многофигурная композиция, написанная сепией, была одобрена профессором Зауервейде, но Федотов видел все ее недостатки.

Русские крестьяне слишком похожи на академических «пейзан». Священник (в ракурсе) и женщина, склонившаяся над раненым, кажутся заимствованными из брюлловской «Осады Пскова». Конь на первом плане справа — почти точная копия одного из римских коней Клодта на Аничковом мосту.

Разве этот прелат, увещающий крестьян не убивать мародера, похож на русского священника? Так нарисовать могли бы и другие ученики профессора Зауервейде.

Ему удалось, пожалуй, изобразить французских всадников на заднем плане — ужасы и комизм бегства. Еще лучше — во всей истине характеристических черт — он изобразил дряхлого старца, грозящего «мародерам» кулаком, и такую же дряхлую старуху, которая пытается втащить своего храброго супруга в избу.

Более удачной была вторая композиция — цветистая акварель, воспоминание о недавней службе художника. Он хорошо изобразил общее движение отряда егерей, ловко вскарабкивающихся на темно-бурый обрывистый берег.

Его новых замыслов — «Вечерние увеселения в казармах по случаю полкового праздника» и «Казарменная жизнь» — профессор Зауервейде не одобрял: казарменные уголки, фигуры, срисованные как бы врасплох, полное отсутствие военной дисциплины.

Профессор Зауервейде понял, что отставной капитан, любитель гравюр Хогарта, никогда не станет настоящим баталистом.

Сюжет «Казарменной жизни» ничем не отличался

от живописи «домашних сцен»: к двум офицерам приходят соседи с картами.

Сюжеты капитана Федотова можно было увидеть, заглянув в любое окно.

Они ходили под окнами.

Они были везде, будничные, трогательные, страшные, смешные. Обыкновенная жизнь!

Такого ученика профессор Зауервейде не мог научить ничему.

4

...Гусиное перо много
Отправило за Енисей,
Гусиное перо Крылова
Задело под крыло гусей.
Федотов

В один из дождливых летних дней 1844 года Федотов получил письмо, написанное трудночитаемым старинным почерком. Оно было написано Иваном Андреевичем Крыловым, которому старый финляндец генерал-майор Марин показал рисунки отставного капитана. Иван Андреевич захотел познакомиться с художником. Крылов любил рисунки более, чем живопись, и сам недурно рисовал пером.

Он жил на Васильевском острове, в I линии, в большом каменном доме купца Блинова.

При Крылове жила семья его дочери, которую он называл «приемной». Он любил, чтобы около него играли дети. Неторопливо готовил он к изданию полное собрание своих басен.

Он стал очень тучен и уже не мог совершать длинные прогулки, которые так любил. И он уже не писал басен. Когда его спрашивали, отчего не пишет, он отвечал:

— Предпочитаю, чтобы меня упрекали за это, чем дописаться до того, чтобы начали спрашивать, для чего пишу.

Уважение, которое оказывали знаменитому баснописцу при дворе, было лицемерным. Там никогда не забывали, что Крылов автор слишком вольнодумных басен «Пестрые овцы», «Рыбьи пляски», «Воспитание льва» и что 14 декабря 1825 года он осмелился прийти на Сенатскую площадь (из каре ему закричали, чтобы он не подвергал себя опасности и поскорее отправился домой).

Он помнил раскаяние Фонвизина, пожалевшего в своем «Чистосердечном признании» о том, что был чересчур умен. Крылов ни в чем не раскаивался. Он умел молчать.

После декабрьских событий его вызвали в Зимний дворец. Объяснения Ивана Андреевича, весьма краткие, явно уклончивые и слегка насмешливые, царю не понравились: Крылов хотел взглянуть на участников восстания, но ему удалось увидеть только Кюхельбекера со шпагой в руке (в действительности Кюхельбекер целился в великого князя Михаила Павловича, но пистолет дал осечку).

Через два года Иван Андреевич написал басню «Паруса и пушки». В этой басне он предсказывал поражение кораблю без парусов — самодержавно-крепостническому государству Николая I.

Федотов у Крылова! У Ивана Андреевича Крылова, ставшего его кумиром с тех пор, как научился он читать! Большая голова, мягкие седые волосы, нависшие брови, пристальный взгляд и широкая улыбка — вот оно, простое и величавое лицо народного русского поэта.

А Иван Андреевич, перелистывая альбом Федотова, думал о том, что этого союзника он нашел слишком поздно. Такой художник нужен России. Его сцены из

обыденной жизни потешны, правдивы и назидательны, как фонвизинские комедии, как басни Крылова!

Свои мнения Иван Андреевич не любил высказывать. Он предпочитал казаться полусонным ленивцем. Но на сей раз своего мнения не утаил.

Он сказал Федотову, что эти «сцены» и есть конек его, а не лошадки да не солдатики в строю.

И, сурово сдвинув косматые брови, старик прибавил, что дает ему благословение на чин народного нравописателя.

5

Таланты тогда развиваются,
когда они ведутся по тем путям, к
которым их природа назначила.

Венецианов

После беседы с Крыловым он перестал рисовать скелет и мышцы коня. Иван Андреевич понял истинное его призвание.

Он задумал серию сатирических сцен, картин-комедий.

Отказ от карьеры художника-баталиста весьма огорчил его полковых товарищей. Они считали это непоправимой ошибкой. Лицо его стало бледным, волосы поредели: он не был таким полгода назад, когда командовал ротой.

Со своими однополчанами он почти не встречался. Работал без отдыха,— утром, вечером и ночью, при дневном свете и при лампах.

Ему двадцать девять лет. Он помнил слова Брюллова, сказанные четыре года назад. Нельзя терять ни минуты!

Он чертил «заметки с натуры», делал предваритель-

ные наброски, сочинял эскизы. Рисовал кистью. Это была подготовка к работе над живописью.

Он всегда был недоволен компоновкой и каждую фигуру варьировал в многочисленных набросках.

«Утро чиновника, получившего накануне первый крестик» — так он назвал свою первую сатирическую сепию.

Чиновник был главным героем писателей молодой «натуральной школы». Чиновники, чиновники, чиновники! В повестях, комедиях, водевилях!

Сепия Федотова напоминала давний замысел Гоголя — пьесу о помешательстве чиновника Барсукова, мечтающего об «орденке на шею». Начальная сцена из этой пьесы «Утро делового человека» была напечатана в пушкинском «Современнике» в 1836 году.

Пьесы «Владимир третьей степени» Гоголь не написал. Он был уверен, что цензура ни за что не пропустила бы ее на сцену: сошедший с ума чиновник Барсуков вообразил, что он сам и есть Владимир третьей степени.

Один из знакомцев Федотова, статский советник Степан Кузьмич Михайлов тоже мечтал об «орденке на шею».

Статский советник жил в собственном доме в Косой линии Васильевского острова. Когда Степан Кузьмич получил награду, Федотов его нарисовал: на одном рисунке он читает указ о высокой награде, на другом — танцует на бале по случаю получения ордена.

Но в своей первой сатирической сепии Федотов изобразил глупое тщеславие молодого чиновника.

О таких чиновниках упоминал Гоголь в «Петербургских записках 1836 года», напечатанных в шестом томе пушкинского «Современника»: «чиновники, которым чистят сапоги кухарки и которым некого послать за билетом в Александринский театр».

Приколов орден к халату, чиновник в папильотках задорно подмигивает своей сожительнице-служанке с

округлым животом. Он лихо подбоченился. Указательным пальцем левой руки он многозначительно тычет на полученную награду. Даже пальцы его босых ног, слегка растопыренные, кажутся горделивыми. Он торжествует!

Служанка, ухмыляясь, уносит в кухню сапоги «свежего кавалера».

В полуоткрытую дверь видна часть кухни, кипящий самовар, огонь в печи, стайка цыплят, белье, висящее на веревке. В комнате все свидетельствует о буйной ночной пирушке: поломанный стул, покосившийся стол, пустые штофы, гитара с лопнувшей струной, разбитый чубук, разбитая бутылка.

На полу — раскрытая книга, русский перевод романа Поль де Кока «Мусташ». Чиновник — любитель «легкого чтения».

Среди пиршественных объедков и обломков резвится кот. Невыспавшаяся собака, повернувшись задом к своему хозяину, чешется лапой и зевает. У собаки грустный, умный взгляд. Кажется, что она сейчас вздохнет и скажет: «Скучно на этом свете, господа!»

Еще больше набросков он сделал ко второй сепии «Магазин». В этой композиции пятнадцать фигур и две собачки: собачка комнатная, одетая — по случаю холодной погоды — в кацавейку, и собачка-дворняжка, испуганная франтоватым видом первой и прячущаяся под салоп своей хозяйки.

(Собаки и кошки — постоянные участники его «человеческих комедий».)

Важный отставной военный, вздыхая, достает из бокового кармана деньги, чтобы расплатиться за обновы, купленные его молоденькой женой (обстоятельства заставили ее выйти замуж за старика). Обнов столько, что ливрейный лакей едва может их обхватить. Малолетний сынок военного, увидев в шкафах игрушки, просит маменьку что-нибудь купить, но

она его отталкивает: в этот момент она ловко вручает записку молодому улану.

Сиделец полез на полку, чтобы достать какие-то вещи. Воспользовавшись его отсутствием, толстая полубарыня сует что-то в огромный свой ридикуль.

Полковница недовольна: муж купил ей обнову не по чину. Она швыряет ткань на пол, а полковник показывает моднице супруге долговую книжку.

Между адъютантом, покупающим чулки по поручению своей командирши, и полуувядшей красавицей, которая, приложив указательный палец к щеке, безмолвно просит снабдить ее «эликсиром молодости» — белилами, Федотов изобразил еще одного покупателя — самого себя в виде косматоволосого художника.

На одном из упавших с прилавка эстампов изображена длиннохвостая мартышка в шляпе, сидящая на деревянной лошадке. В правой лапе мартышка держит книгу с надписью «Наши», а в левой — книгу с заглавием на французском языке: «Les français... par eux mêmes». Под рисунком написано: «Экран для новейших литераторов».

Это был выпад против издателя сборников «Наши, списанные с натуры русскими» Александра Башуцкого и его сотрудников, подражавших сатирическим очеркам Бальзака и Жанена и иллюстрациям Гаварни и Шарле.

Это был выпад против «обезьян»-французоманов.

Главный сотрудник Башуцкого, русский Гаварни, Тимм уехал в Париж, чтобы завершить свое художественное образование под руководством бравурного живописца Ораса Верне.

Вскоре Федотов прочел литературный сборник «Физиология Петербурга», изданный под редакцией двадцатидвухлетнего поэта Николая Некрасова. Во вступлении к этому сборнику «Нашим» Башуцкого дана такая же оценка, как в эскизе Федотова:

«Наши, списанные с натуры русскими», явившиеся

вследствие «Les français peints par eux mêmes», несмотря на некоторые неловкие ошибки, представили несколько статей более или менее удовлетворительных, но они появлялись медленно, а наконец и совсем исчезли. Бог знает отчего? Какая причина всех этих неудач? Причина не одна; но главнейшая из них — отсутствие верного взгляда на общество, которое все эти издания взялись изображать».

Предисловие к сборнику «Физиология Петербурга» написал Виссарион Белинский.

6

...Причина этого комизма, причина этой карикатурности изображений заключается не в способности находить во всем смешные стороны, но в верности жизни...

Белинский

В эскизе «Первое утро обманутого молодого» он изобразил «комедию брака».

Обманутой молодой в отчаянии схватился за голову. Новобрачная на коленях просит прощения — и за редкие волосы, и за гнилые зубы, которые под венцом были не так заметны, и за мебель, которая была взята напрокат, и, наконец, за то, отчего спальная собачонка, не лая, встала на задние лапки перед офицером (это — Федотов). Офицер стоит за окном и протягивает записку старухе няне, которая собралась оправить постель новобрачных, с голубем в руке.

Старый дядька новобрачного стоит в горестном оцепенении. Полотенце и щетка уже не нужны: мести и обтирать нечего — уже пришел лавочник со своей командой, рыночными и площадными бродягами. Они уносят все вещи, взятые напрокат.

В общей суматохе носильщики опрокидывают статуэтку Гименея, покровителя новобрачных. Крылатый божок, вооруженный луком и стрелами, падает и вот-вот разобьется вдребезги.

Бородатый лавочник, запустив палец в табакерку с нюхательным табаком, насмешливо смотрит на молодого, обманутого фальшивой красотой и мнимым богатством невесты.

На маленьком круглом стуле лежит счет: «В лавке купца Шишиморина взято напрокат мебели на 15 000 рублей».

В другом эскизе «Офицерская передняя» среди пирующих гвардейских офицеров Федотов снова изобразил себя.

Из передней видна комната, где веселятся три офицера и молодая женщина.

Камердинер (француз с эспаньолкой) вносит в комнату шампанское и трубки.

В передней — пять кредиторов. Один из них угрожающе размахивает распиской, за что получает от денщика в шею. На этого же самого назойливого кредитора лает большой пес.

Разносчик, у которого фрукты взяты на кухню, записывает счет.

Крендельщик отмечает на стенке.

Осторожные кредиторы-немцы, пожимая плечами, решают мирно удалиться.

На первом плане справа — узкий стол, на котором лежит программа с названиями модных опер — «Феллелла» Обера, «Лючия» Доницетти и балета «Восстание в серале».

Федотов мечтал о том, чтобы сепии увидел Иван Андреевич Крылов, наградивший его званием народного правописателя: он непременно посетит Крылова по окончании работы над двумя композициями, посвященными истории собачки Фидельки.

Но вторая встреча не состоялась: 9 ноября 1844 года Иван Андреевич умер. Умирая, он изволил пошутить.

— Ты, милая, не плачь,— сказал он рыдающей дочери.— Пора мне на покой. А ты и без меня проживешь, разумеется, с условием не ездить, не ездить, не ездить в Английский клуб.

На две недели ранее Крылова умер академический «учитель» Федотова, профессор Зауервейде. Царь был чрезвычайно опечален смертью любимого баталиста, который точнее всех рисовал образцы мундиров.

7

...живописец, желая написать на своей картине различные страсти, рисует человека во всех правилах естества, но ничьего прямо лица не изображает...

Крылов

В одной из книг «Вестника Европы» за 1819 год Федотов прочел шуточные заметки под заглавием «Признаки»:

«Когда художник нашил себе достаток — знак, что он чужестранец.

Когда купец притворяется святошею — знак, что скоро объявит себя несостоятельным и невинно разорившимся.

Когда пожилая дама не хочет ни есть, ни пить с печали — знак, что умерла ее моська».

Ничтожный случай — смерть моськи. Домашний переполох. Самодурство богатой барыни-крепостницы. Ужас челяди. Хороший сюжет для художника-сатирика.

Сперва он изобразил «Кончину Фидельки».

Утром, во время чаепития, захворала одна из дюжины собачонок хозяйки.

Чай со стола прочь! Вместо самовара на столе — подушка, а на ней — забинтованная Фиделька.

Разъяренная барыня расправляется со всеми домочадцами. С башмаками в руках, она грозит горничной, уже вытрепанной. На горничную ябедничает старуха нянька.

Домашний казачок тоже не обойден благоволением хозяйки.

Сын поставлен на колени (с учебной тетрадкой). Вырезав из тетради лошадок, он хватает собачонку, чтоб навязать ей на хвост бумажку, которая уже болтается на нитке.

Оставив куколку, которую поила чаем, дочка с надранными ушами прибегает под покровительство отца, но он и сам спасается от семейного содома, не забыв, однако, взять бутылку пунша. В дверях попалась ему собачонка. Озлобленный, он подшвырнул ее ногой.

В комнату входит молодой ветеринар, но, изумленный зрелищем, останавливается в нерешительности: входить ли?

Вторую сцену, заключительную, Федотов назвал «Следствием кончины Фидельки» (в эскизе семнадцать фигур, размещенных в глубоком пространстве комнаты).

Фиделька околела.

Хозяйка с горя занемогла и лежит в постели. Созван консилиум врачей. Военному лекарю, русаку, за смелость иметь свое мнение монополисты-немцы изъявляют негодование. Самый молодой врач пристально смотрит на хорошенькую горничную, которая курит благоволениями вокруг уже не совсем свежей Фидельки.

Две дамы пришли навестить больную. Питомицы ее, Розка и Аделька, стоят на задних лапках, завидуя

участи Мими, которая одна удостоилась лежать у сердца хозяйки. Муж грозит Розке и Адельке подсвечником.

Лакей несет врачам бумагу и перья. Ему сует в руку деньги бородастый гробовщик: чтобы лакей не замедлил сообщить о смерти хозяйки.

Художники приглашены увековечить кончину Фидельки. Покойнице портретист явно льстит.

Сын хозяйки роется в папке архитектора, который показывает живописцу проект монумента Фидельке. Тут же знаменитый образец: «Монумент догу лорда Байрона». Памятник, на котором по приказанию поэта высечено: «Этот камень поставлен над прахом друга — я имел только одного, и он лежит здесь!»

Живописец — неудачник. Он в рваном сюртуке и в рваных брюках. Федотов снова подшутил над собой. Ведь совсем недавно он сомневался в своих силах, и его тревожила мысль о подобной участи.

В другом эскизе «Художник, женившийся без приданого, в надежде на свой талант» — он изобразил себя лысым и преждевременно состарившимся. Подобно герою рассказа Владимира Одоевского «Живописец», он малюет вывеску с сахарными головами.

По стенам висят его картины, которых никто не купил. Поэтому он и вынужден писать вывески.

На столе — умерший младенец, около него — икона, с которой уже снята риза.

Дворник вынул из печи вьюшки, чтобы выжить бедняков холодом.

Рамки — на топку!

А дети? Сын принес матери серебряный чайник, который показывает робко из-под полы, — краденый. А юную дочь тут же, за дверью, обнимает распутный купчик, вручающий ей подарок — ожерелье.

Тощая белая кошка и костлявый пятнистый пес так же голодны, как все семейство неудачливого художника.

Семь «нравственно-критических сцен из обыкновенной жизни», задуманных как эскизы будущих картин, — таков был первый итог его работы.

Эти сатиры на несообразности людские как бы сами смеялись над своим содержанием и заставляли смеяться зрителей.

Слухи о его многофигурных сепиях дошли до директора почтового департамента и вице-председателя общества поощрения художеств Федора Ивановича Прянишникова, владельца лучшего в России собрания русской живописи.

Посетив Федотова, Федор Иванович пригласил его осмотреть новоприобретенные картины — честь, о которой мечтали многие молодые художники.

Директор департамента жил в двадцатикомнатной квартире-музее, среди произведений Венецианова, Тропинина, Кипренского, Сильвестра Щедрина, Михаила Лебедева, Брюллова... Сто пятьдесят холстов! Галерея русской живописи в Эрмитаже была не столь богата.

Человек светский, Федор Иванович умел обласкать каждого художника. Посещая мастерские, он приобретал еще не оконченные работы. Такие картины стоили дешевле, а на выставке висели с этикетками: «Куплена Прянишниковым». Федор Иванович покровительствовал художникам, находящимся в положении бедственном. Это был наилучший способ обогащать коллекцию. Директор департамента считал, что художник достаточно вознагражден тем, что его работа висит в доме столь прославленного мецената.

В живописи он не понимал ничего, но был весьма тщеславен: весь светский Петербург ездил к нему — восторгаться его домашним музеем.

...Что один не подметит в живом слове, то другой доскажет карандашом.

Некрасов

Федотов посещал натуральный класс до середины 1845 года. Сдавал экзамены, месячные и третные, получая отличные отметки. Но ему, автору многофигурных композиций, рисовальный класс был уже не нужен. 23 июня он сдал последний месячный экзамен и объявил Саше Бейдеману (экзаменовавшемуся в тот же день), что посещения рисовального класса прекращает.

Через каждое трехлетие Академия художеств открывала свои залы для посетителей.

Большая трехгодичная выставка! Это была радостная весть для жителей столицы. На годичные выставки посторонних зрителей (не художников и не знатоков) не пускали. Годичная выставка была экзаменом для художников, желающих получить академические звания.

Во время трехгодичных выставок у парадного подъезда Академии художеств ежедневно останавливались и сверкающие, как черные зеркала, кареты на рессорах, и неуклюжие извозчицьи экипажи.

Тяжелые парадные двери академии были открыты не для всех. На выставку впускали по билетам, выдаваемым вахтером из окна подвального этажа. Было приказано выдавать билеты только чистой публике. Черный люд билетов не получал.

На выставках наибольшей щедростью на похвалы отличались молодые девушки, восклицавшие перед каждой картиной:

— Charmant! Délicieux! Прелестно! Бесподобно! Чудесно!

Знатоков легко можно было узнать по пристальным

взглядам (они смотрели на каждую картину «в кулак») и по неторопливой речи:

— С каким вкусом сочинены эти портреты!

— Сколько жизни в лицах и какой рельеф!

— Хороши аксессуары — серебро на эполетах, сукно, шелк, мебель!

— Этюды недурны, но, знаете ли, не мешало бы сделать получше освещение.

Иначе судили купцы и мелкие чиновники:

— Знатное писание... Итальянская живопись.

— Ну, батюшка, нарисовано-то — так просто, прелесть! Брюлловская штука, я вам скажу.

— Да! Зато и денег стоит... Рублев сто, поди-ка..

Трехгодичную выставку 1845 года открыли в мае следующего года. Выставка была отложена, чтобы русские художники, посланные за границу, успели выставить новые свои произведения.

В залах академии было выставлено пятьсот произведений.

Один из залов (вдоль 3 линии) почти весь предоставили придворному баталисту Адольфу Ладюрнеру выставившему тринадцать картин — изображения гвардейских полков.

Брюллов, Бруни и Басин выставили большие кар-
тоны — эскизы образов для Исаакиевского собора

Зрители толпились у маленькой картины Павла Риццони «Внутренность харчевни». За эту работу юный художник, уже получивший серебряную медаль за свою первую картину «Игра в кости», был награжден золотой медалью второго достоинства.

После преобразования Академии художеств ее руководители признали (наконец-то!) «живопись народных и домашних сцен» официально существующей.

Картина Риццони была написана очень тщательно: манера, свойственная «живописи домашних сцен». Зна-
токи называли его «русским Мирисом». Аксессуары

маленькой картины можно было рассматривать сквозь увеличительное стекло. Мастерски написанная картина Риццони нравилась и Федотову. Но собственного лица подражатель Мириса не имел.

Куда живее были иллюстраторы-карандашисты, эти верные союзники писателей «натуральной школы»!

Александр Агин иллюстрировал повесть Гребенки «Злой человек», рассказ Панаева «Петербургский фельетонист», поэму Тургенева «Помещик». Белинский противопоставил «пахнущие Русью» сатирические иллюстрации Агина подражательным рисункам «русского Гаварни» Василия Тимма.

Другой даровитый рисовальщик князь Григорий Гагарин иллюстрировал веселую повесть графа Соллогуба «Тарантас», которую Федотов прочел с удовольствием. Гагарин совершил длительное путешествие по России, он хорошо знал родину. Поэтому он так правдиво изобразил крестьянские избы, мужиков, баб, цыган, купцов, помещиков...

По повелению царя и вопреки своему призванию, Гагарин надел мундир лейб-гвардии гусарского полка.

На одну из его иллюстраций к повести Соллогуба, на инициал «К» в главе «Станция», почему-то не обратила внимания цензура: две жилистые мужицкие руки, высунувшиеся из окон убогой избенки, поддерживают прекрасную античную колоннаду — пышный, но фальшивый фасад крепостнической империи Николая I.

Самого самодержца поэт Тютчев называл «фасадом великого человека».

Эта механика искусства долго не покорялась мне, потому что я самовластно требовал ее покорности, а не рабски торговался с нею на маленькие уступки.

Н. Полсвой

Прежде чем приступить к работе над первой картиной, Федотов написал масляными красками миниатюрные портреты своих друзей Ждановичей — «для практики».

Ждановичи жили на Васильевском острове, в 6 линии.

Петр Владимирович Жданович начальствовал над первым отделением Строительного департамента Морского министерства. Он был потомком полковника Антона Ждановича, одного из ближайших сподвижников Богдана Хмельницкого. В украинской думе на смерть Хмельницкого Антон Жданович воспет под именем Антона Волочая.

Петр Владимирович возглавлял целый род: от первой жены три дочери, Александра, Елизавета, Анна, и три сына, Николай, Павел, Михаил. Вторая его жена Ольга Петровна Чернышева, добрейшая мать всего семейства, родила двух дочерей: Надежду и Ольгу.

Все сыновья Ждановича были военными. Старший сын Николай, поручик-кирасир, в качестве дежурного офицера служил в Павловском кадетском корпусе. Весной 1846 года его перевели в Воронежский кадетский корпус. С ним дружил Федотов. А с Павлом Ждановичем, самым неукротимым шалуном Финляндского полка, дружил и пировал Александр Дружинин.

Ждановичи любили литературу, музыку, живопись. Поэтому Федотов был желанным гостем. В доме Жда-

новичей он встречался с их друзьями и родственниками, приезжавшими из разных мест России. Житель Москвы и Петербурга, он любил слушать их рассказы о нравах захолустья.

К Ждановичам часто приходил чиновник Межевого департамента Николай Антонович Войцехович, влюбленный в родной черниговский край, где он владел небольшим хутором. Долговязый, плешивый, большеносый Войцехович был добряк, развлекавший своих друзей простодушными шутками и украинскими словечками. Его радовало, что Федотов нарисовал старую няню Ждановичей Домнушку, украинку из Черниговской губернии. Он не обижался на художника, нарисовавшего целую серию карикатурных портретов Николая Антоновича. Федотов изобразил его и в поздравительных стихах:

...Телом сух ты, сердцем жирен,
Лыс башкой, да юн душой,
То орешь, то очень смирен,
То смешить мастак большой.
...То вдруг охает, горюешь
И на наш на Питер плюешь,
И бранишь наш скудный край,
Что Хохландия лишь рай,—
А меж тем заметна страсть
Здесь в ассессоры попасть...

Долгожданный чин Николаем Антоновичем был получен. Этот чин давал право на личное дворянство.

Жене Ждановича Ольге Петровне всегда хотелось чем-нибудь помочь Федотову: расходы его увеличились, ему надо покупать краски и холст, платить натурщикам и брать напрокат костюмы и мебель, а большую часть своего жалования он посылает отцу и сестрам.

Однажды Ольга Петровна послала ему деньги. Его ответ был краток: делать приятное друзьям — удовольствие, поэтому он просит не «переплавливать» дружбу в деньги.

Все портреты Ждановичей были его дружескими подарками.

С портрета главы семейства смотрит большелобый, седеющий мужчина с умными светло-серыми глазами. На нем черный фрак, жилет с темно-синими и красными полосами и Владимирский крест на темно-красной ленте. Он сидит в своем кабинете, на фоне зеленой стены. Перед ним на письменном столе книга с гравюрами, которые он только что рассматривал, футляр для очков, книги, бумага, карандаш и гипсовая статуэтка Наполеона. Чтение исторических материалов было любимым занятием Петра Владимировича в часы досуга.

Его старшая дочь, Александра Петровна, уже немолода (она на двадцать пять лет старше младшей, Ольги). На ней черное шелковое платье с белым воротником и розовым бантом. Она сидит у стола. Взгляд добрый и страдальческий.

— Вы как будто спрашиваете, — сказал Федотов, — нет ли о ком погоревать...

Его первые опыты писания масляными красками были весьма удачны. На его портретах никто не позирует. Он изображал людей в их обычной, домашней обстановке.

Глава пятая

1

В сатире праведной порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу.

Пушкин

Для первой своей картины он использовал сепию «Утро чиновника, получившего первый крестик», наименее сложный из его эскизов — двухфигурный.

Живопись масляными красками не позволяла ни слишком робкого, ни слишком длительного исполнения. Частые переписки были вредны, а отдельные поправки по сухой живописи — почти невозможны:

краски тускнели, выступали пятна, нарушалась гармония лепки и колорита.

Почти девять месяцев работал он над картиной, которую называл своим «первым птенчиком».

Первоначальную композицию он упростил: вписал две фигуры в равнобедренный треугольник, замкнув его вершину птичьей клеткой, подвешенной к потолку.

Он изменил не только композицию, но и образ главного героя: вместо молодого честолюбца, ребячливо радующегося награде, — мужчина средних лет с омерзительно-чванливой гримасой — сама пошлость в величественно-шутовской позе.

Залитый утренним светом, блестит полосатый халат с голубыми отворотами.

Халат похож на тогу, нога горделиво выставлена вперед — это злая хогартовская пародия на статуеобразных «римлян» в академических композициях.

Фигура служанки почти сливается с общим коричневато-золотистым тоном. Насмешливый ее взгляд очень выразителен. Показывая «свежему кавалеру» продырявленные сапоги, она как бы просит денег на покупку новых.

На столе остатки вчерашнего пира и приготовления к сегодняшнему туалету — пустой штоф, куски колбасы, графин, продолговатая бутылка с ярлыком «Донское», помадная банка с мылом, кисточка для бритья, круглое зеркальце и дамские щипцы для завивки волос (голова кавалера — в папильотках). Тут же измятый листок «Ведомостей московской городской полиции» с известием о награждении «свежего кавалера». Под столом около опрокинутой бутылки видны передние лапы лежащей собаки.

В левом углу картины, под стулом, на который вскочила кошка, лежит раскрытая книга. Это не «Мусташ» Поль де Кока, как в эскизе, а роман Булгарина «Иван Выжигин».

Для таких верноподданнических читателей, как «све-

жий кавалер», и сочинял свои нравоописательные романы Булгарин, враг Гоголя и «натуральной школы».

Все предметы говорят: они участники живописной комедии о тщеславии «свежего кавалера».

В глубине картины, в тесном пространстве под ломберным столом находится третий участник торжества — квартальный надзиратель, проснувшийся на полу, среди объедков и осколков.

Этот лежащий под столом гость — портрет с натуры. Федотов много дней искал квартального с такой физиономией и наконец встретил. Знакомство завершилось предложением распить бутылочку, после чего, рисуя портрет нового приятеля, Федотов хорошо изучил его лицо. Получив портрет в подарок, квартальный радостно распрощался с художником. А он на свежий глаз «всадил» квартального в картину.

2

Естественное следствие такого расположения духа есть горькая улыбка.

А. Галич

Вторым «птенчиком» была «Разборчивая невеста». Сюжет, подсказанный заключительной частью одноименной басни Крылова:

...Красавица, пока совсем не отцвела,
За первого, кто к ней присватался, пошла.
И рада, рада уж была,
Что вышла за калеку.

Хорошо меблированная гостиная в доме зажиточного чиновника.

Малиновые обои, камин с зеркалом (в зеркале отражены окно и красный занавес), ковер, зеленый попугай в золоченой клетке и симметрично висящие картины (копии) — неперемнное украшение подобных гостиных:

«Девушка с тамбурином» Алексея Тыранова и «Невеста, задумавшаяся над обручальным кольцом» Федора Моллера — две юные красавицы, столь непохожие на сорокалетнюю жеманницу в платье из переливчатого зелено-вато-голубого шелка. У нее поредевшие волосы, поэтому пробор прочесан сбоку.

Она сидит в кресле и, прижимая к груди букет, протягивает руку упавшему на колени жениху. Падая на колени, плешивый горбун в голубых брюках бросил на пол цилиндр, трость и перчатки.

На него с любопытством смотрит белая болонка.

В смежной комнате притаились родители. Мать подслушивает пылкие признания жениха, а отец в восторге крестится. Они наконец-то могут исполнить свою родительскую обязанность и избавиться от перезрелой невесты.

Федотов сочинил стихотворный диалог родителей, полуогорченной матери и осчастливленного отца:

О т е ц
Что же Машенька?

М а т ь
Сдается,
И хоть слова не дает,
Моего согласия ждет,
А меж тем ему сказала,
Что всегда о нем мечтала.

О т е ц
Вот дождалась идеала!
Хá, ха, хá, ха! Вот зачем
Так отказывала всем,
И красавцам, и богатым,—
Быть хотелось за горбатым.
Вот что! Пусть себе идет,
Я согласен...

М а т ь
Да урод!
Стыдно в церковь показаться.

Нет! Уж лучших не дожидаться.
К девке в сорок лет, друг мой,
Не придет жених прямой...

Над своей второй картиной он работал почти восемь месяцев.

Подобно первой картине, вторую тоже нельзя было признать произведением в «улыбательном роде»: полукомедия, полудрама.

3

К нему часто приходил Александр Дружинин. Он ненавидел безлюдье и умел любить своих друзей. Военная карьера его не прельщала, и в начале 1846 года он вышел в отставку. Отставной поручик Финляндского полка служил в канцелярии военного министерства и работал над повестью. Он продолжал писать шуточные, не совсем благопристойные стихи, называемые им чернокнижием, и жалел, что никогда не обучался живописи: быть может, занятия ею улучшили бы его слог, главным недостатком которого он считал манерную грацию. Прицагал он и свою эрудицию, ослабляющую, по его мнению, производительную способность.

Он приносил Федотову новые книги, беседовал о литературе.

— Наступил литературный век, — сказал Федотов, — художник нового времени не должен жить без чтения.

Но он не одобрял оперно-эффектных композиций Поля Делароша и Ари Шеффера, художников весьма начитанных и привыкших писать от себя:

— Эти ловкие люди мечутся во все стороны, поднимают на ноги Данте, Байрона, Боккаччо, чтобы за-

цепить внимание публики, и пишут вещи, сюжеты которых есть уже половина успеха.

Дружинин принес сочинения Лермонтова, изданные Смирдиным в 1847 году. Федотов прочел и дважды повторил строки из стихотворения «Памяти Одоевского»:

Нагая степь синее, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет...

— Неужели человек может высказать такие чудеса в двух строках? Я не бывал на Кавказе, но теперь более знаю вид края, чем иной съездивший туда несколько раз.

Он прочел еще два стихотворения — «Выхожу один я на дорогу» и «В полдневный зной в долине Дагестана». И произнес очень тихо:

— Эти стихи мог написать только богатырь в минуту скорби неслыханной!

Неужели таким поэтом стал тот озорник гусар, который написал «Уланшу»?

Дружинин рассказывал о своих встречах с молодыми писателями — с Некрасовым, приступившим к изданию журнала «Современник», Григоровичем, Гончаровым и с автором романа «Бедные люди» Федором Достоевским.

Гоголь жил в Италии. Большой чахоткой Белинский тоже уехал за границу — лечиться.

Последнюю книгу Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», эту проповедь религиозно-нравственного совершенствования, осудили все почитатели творца «Ревизора» и «Мертвых душ».

Белинский в статье, напечатанной в «Современнике», заявил, что все созданное Гоголем противоречит его «Переписке с друзьями».

«Выбранные места из переписки с друзьями» лице-

мерно приветствовал Фаддей Булгарин. По мнению благонамеренного сатирика, своею книгою Гоголь доказал, что на грязную дорогу, именуемую «натуральной школой», он был увлечен дурными советчиками.

Дурными советчиками были те светские ханжи и святоши, которые увлекли великого писателя в тьму мистики. Кто-то сказал, что Гоголя погубили славянофилы, опоившие его лампадным маслом.

Это было бегство от жизни. Кажалось, что он отрекся от самого себя и своих творений.

Незадолго до выхода «Избранных мест...» он запретил граверу Бернардскому издать «Мертвые души» с иллюстрациями Агина: сто маленьких политипажей в тексте и сто гравюр на отдельных листах. Гоголь объявил себя врагом «политипажей и модных выдумок».

Получив его отказ, художники решили издавать иллюстрации без текста: «Сто рисунков из сочинения Н. В. Гоголя «Мертвые души». Но им удалось издать только семьдесят две иллюстрации. На восемнадцатом выпуске издание прекратилось, хотя цензор одобрил восемьдесят девять рисунков. В начале весны 1847 года Бернардский поссорился со своим приятелем, купцом Александром Горяиновым, и тот перестал отпускать деньги на издание.

В последних выпусках иллюстраций к поэме Гоголя образ главного героя изменился. Изображенный в первых выпусках забавный и пошловатый толстяк с отеком лицом стал миловидно-гладеньким, с хитровато прищуренными глазками. Это плут, ловко выскакивающий из мутной водицы своих проделок. Новый образ возник после прочтения Агиным блестящей статьи Валериана Майкова, напечатанной в «Отечественных записках». Молодой критик был прав: Чичиков личность весьма и весьма сложная!

Натуральную школу обвиняют в стремлении все изображать с дурной стороны.

Белинский

Дружинин познакомил Федотова с Некрасовым. Редактор «Современника» готовил к изданию «Иллюстрированный альманах».

Он предложил Федотову иллюстрировать рассказ их общего друга Дружинина, а также рассказы Тургенева, Григоровича, Панаева и Александра Станкевича.

У редактора «Современника» было болезненно-желтоватое лицо с остроконечной темной бородкой, но карие глаза его смотрели весело и зорко. Его ближайший сотрудник, грузный, но франтоватый Иван Панаев казался несколько смешным, особенно из-за своего парика, с которого на лоб свисал пышный клок.

Кроме Федотова, Некрасов пригласил Александра Агина и гравера Бернадского, уже участвовавших в иллюстрировании некрасовских альманахов, и карикатуристов Михаила Неваховича и Николая Степанова, известных как самые остроумные люди в Петербурге.

Особенно ядовита была карикатура Степанова на Булгарина, толкующего о честности. Нарисовал он и карикатуру с изображением Белинского, высмеивающую чрезмерную бдительность цензоров, — «Типографские превращения». Под шаржем — краткий текст: «Своей собственной статьи не узнаю в печати».

Некрасов включил в альманах три неизданных рисунка Агина к «Мертвым душам» под заглавием «История капитана Копейкина в лицах», т. е. в портретах: «Копейкин и швейцар», «Копейкин и англичанка», «Копейкин на приеме у сановника».

В сановнике легко было узнать министра финан-

сов Федора Павловича Вронченко, самого невежественного и раболепного из сановников Николая I.

А капитан Копейкин имел явное сходство с другом Агина, отставным капитаном Финляндского полка, Павлом Федотовым.

Повесть Григоровича «Бобыль», которую иллюстрировал Федотов, Некрасов решил не печатать: он опасался, что Бернадский не успеет вырезать рисунки на «деревяшках» к сроку, к 1848 году.

Тургеневский очерк «Два помещика» Некрасов тоже решил изъять, но по другой причине: сатирические «портреты» двух крепостников, несомненно, изъяла бы цензура.

Вячеслав Илларионович Хвалынский презирал «низших», зато особам высокопоставленным готов был служить как лакей. Мардарий Аполлоныч Стегунов сек крепостных и «без очереди» отдавал в солдаты.

Но рисунок Федотова к «Двум помещикам» Некрасов оставил в альманахе: оба помещика совершают прогулку, дружески беседуя (в очерке Тургенева они незнакомы). Федотов весьма точно воссоздал тургеневские образы: отставного генерал-майора Вячеслава Илларионовича — «человека высокого и когда-то стройного» — и Мардария Аполлоныча — «низенького, пухленького, с двойным подбородком, мягкими руками и порядочным брюшком».

Неожиданно Некрасов предложил ему иллюстрировать и рассказ Достоевского «Ползунков». Карикатуристу Степанову рассказ о бывшем чиновнике Ползункове, угодливом прихлебателе и добровольном шуте, не понравился. Не нравился рассказ и Некрасову, но он сказал Степанову, что если выискивать только превосходные произведения, то нельзя издавать журнал.

К рассказу Достоевского Федотов сделал четыре рисунка.

Он изобразил Ползункова, получающего отставку. Начальник Ползункова стоит, запахнув узорчатый халат и надменно подбоченясь. На лице его презрительная гримаса. Это «свежий кавалер», уже сделавший бюрократическую карьеру.

Была нарисована и сцена, которой нет в рассказе Достоевского. Веселая компания издевается над Ползунковым. Господин с бакенбардами, защебив пальцы Ползункова табакеркой и поднеся к его лицу кошелек, заставляет его плясать в дурацком колпаке. Другой «покровитель» прикалывает к его сюртуку бумажную ленту, которую поджигает мужчина с подсвечником в руке. Мужчина с подсвечником — Федотов.

Его друг Александр Дружинин прославился повестью «Поленька Сакс», напечатанной в декабрьской книге «Современника». Дружинина называли лучшим знатоком русской женщины. Ежедневно он получал множество писем от восторженных почитательниц.

Высокий, франтоватый, с тщательно приглаженными усиками и эспаньолкой, Дружинин слегка шепелявил и, не улыбаясь, медленно произносил остроумные парадоксы. Он хотел казаться скучающим весельчаком. Это очень забавляло Федотова: ведь скучающему весельчаку, неутомимому эпикурейцу, было всего двадцать три года!

Б

...трудно себе представить более удобное время, как теперь, для появления художника-карикатуриста.

Достоевский

Дружба с Федотовым отвлекала Сашу Бейдемана от занятий в Академии художеств, от исполнения задан-

ных программ. Саша перестал работать над академическими эскизами и задумал серию рисунков к повести Гоголя «Нос». Он был ближайшим сотрудником Михаила Неваховича, издателя альбома карикатур «Ералаш», который начал выходить в 1846 году. В «Ералаше» Бейдеман помещал юмористические литографии. Кроме того, он окончательно отделял карандашные наброски Неваховича. Знаменитый карикатурист никогда не учился рисованию, но умел в нескольких чертах запечатлеть характеристические особенности любого лица.

Недоброжелатели Неваховича уверяли, что его шаржи понятны только в столице, а за петербургской заставой становятся загадками. Однако комическая летопись Петербурга смешила всю Россию.

Некоторые тетради «Ералаша» литографировались по нескольку раз.

Издание Неваховича многократно подвергалось цензурным запретам. Невахович осмеливался изображать в шаржированном виде лица известные.

Цензура наложила запрет на один из лучших листов «Ералаша», № 9: толстый швейцар, стоящий у парадного подъезда с афишей «Спектакль в пользу бедных», кулаками отгоняет нищих.

Другая шутка Неваховича едва не окончилась его арестом. Он представил в цензуру пейзажный лист «Вид Петербурга с окрестностями»: впереди Шлиссельбург, на втором плане — виды Вятки, Перми и Вологды. Но генерал-лейтенант Дубельт был весьма догадлив. Он вызвал Неваховича в III отделение и объявил: если подобная шутка повторится, то художник немедленно будет отправлен в одну из «петербургских» окрестностей.

Юной сестре Саши Бейдемана Елене дарил Федотов рисунки, посвящал стихи. Но и для нее, как для Катеньки Головачевой, он был слишком беден. Вдова Бейдеман приискивала для своей дочери жениха с достатком. И Елена вышла замуж за человека пожилого, но богатого. Говорили, что он втайне промышляет ростовщичеством и берет большие проценты. Вторая «сердечная драма» Федотова была несравненно менее мучительна, чем первая. Что ожидало Елену, если бы она согласилась выйти за него замуж? Представив себе их совместную жизнь, он только усмеялся.

— Не думал я, — шутливо сказал он Дружинину, — что в этой хорошенькой головке такие змеиные уловки.

Накануне нового, 1848 года Федотов узнал о внезапной смерти Алексея Гавриловича Венецианова, этого дивного поэта русской природы и сельского быта.

Он жил в своей тверской деревеньке Сафонково, где обучал живописи босоногих крестьянских ребят. Старик поехал из Сафонкова в Тверь. Была гололеда. На крутом спуске резвые молодые лошади понеслись вскачь. У кучера оборвалась вожжа, удержать лошадей он уже не мог. Сани ударились о каменный столб, въезжая в ворота усадьбы Милюковых «Поддубье». Алексей Гаврилович умер мгновенно.

Последней его картиной был «Туалет актрисы», которую он писал с жены сафонковского кучера.

Но время тихой безмятежной жизни в усадебных «комнатах» Венецианова и его учеников уже кончилось. В городских «комнатах» Федотова была другая жизнь, беспокойная и горькая, как в произведениях писателей «натуральной школы»

Деспотизм громко говорит, что он не может ужиться с просвещением.

Н. Грановский

Во Франции пала Июльская монархия. Король Луи-Филипп бежал.

Получив известие об этом событии, Николай I испугался «революционной заразы».

Полиции приказано было сообщать в III отделение о тех лицах, которые рассказывают подробности о парижских баррикадах.

Во всех петербургских кондитерских стало тесно: владельцы кондитерских выписывали для посетителей заграничные газеты.

Забыв о кофе, посетители читали парижские газеты, изрезанные ножницами почтовых цензоров. После обработки ножницами некоторые газеты становились лентами в ширину столбца.

Читали молчаливо, изредка выглядывая из-за газетного листа, чтобы убедиться, не подсмотрел ли кто двусмысленной улыбки или другого неблагонадежного выражения лица.

Студентам запретили входить в кондитерские.

Агенты тайной полиции зорко следили за студентами и за «черным народом».

Петербургские чиновники собирались только для игры в карты: днем — канцелярия, вечером — «продуванс». Чтобы не терять драгоценного времени, они убивали его, сидя за ломберными столами. Люди пожилые и чиновные не читали ничего, кроме «Северной пчелы» Булгарина, который и сам был лучшим игроком в вист в русской литературе.

Шефу жандармов донесли о том, что титулярный советник Михаил Буташевич-Петрашевский проявляет

большую склонность к коммунизму. До февраля 1848 года участников кружка Петрашевского полиция считала чужаками и мечтателями.

Председателю новоучрежденного негласного цензурного комитета, тайному советнику Бутурлину поручено было тщательно исследовать направления русской литературы и выработать меры обуздания.

Члены негласного комитета проверяли, нет ли чего вредного в сочинениях, уже пропущенных цензурой, т. е. «идей коммунизма, социализма и всякого либерализма».

Журналистика стала делом опасным. Слово «прогресс» было строго запрещено.

Бутурлин предлагал закрыть все университеты.

Однажды он изволил пошутить, выразив сожаление, что цензура не может подвергнуть исправлениям Евангелие.

Его достойного сподвижника, графа Уварова, Белинский называл министром погашения просвещения в России. Уваров тоже любил пошутить и мечтал о том, чтобы русская литература прекратилась, — тогда бы он мог спать спокойно! Но каковы шутки?!

Николай I ненавидел даже статуи вольнодумцев.

Знаменитую статую Вольтера работы Гудона царь приказал выбросить из Эрмитажа.

Статую увезли в Мраморный дворец.

Когда Мраморный дворец приготовили для второго сына царя, Константина, его величество приехал осмотреть переделки. В одной из нижних комнат он неожиданно наткнулся на ненавистную статую. Царь рассвирепел и заорал:

— Сейчас же убрать эту обезьяну!

Опальную статую снова переселили — на чердак Таврического дворца.

«Иллюстрированный альманах» Некрасову и Панаеву издать не удалось.

Булгарин, гордившийся своим «пуделевским прони-

цианием», торжествовал: он успел написать доносы и на «Современник» и на «Отечественные записки».

Уже отпечатанный альманах снова рассматривался сперва петербургским цензурным комитетом, затем в главном управлен и цензуры: разрешение на выпуск книги было отменено.

Гибель альманаха обезденежила кассу «Современника».

Эта история возникла после представления в цензурный комитет докладной записки цензора Крылова, обратившего особое внимание на карикатурные портреты лиц известных (Булгарина, Кукольника, Краевского, Каратыгина).

В заключительной части доклада цензор упомянул и Федотова: «Без помещиков и здесь дело не обошлось: в заглавии альманаха указывается на рисунок двух помещиков г. Ф.».

Цензор имел в виду его иллюстрацию к рассказу Тургенева «Два помещика».

8

Честь и слава молодому поэту, муза которого любит людей на чердаках и в подвалах...

Белинский

Свою последнюю, «хогартовскую» композицию он написал жидкой тушью (общий тон черно-серый). Это многофигурная трагикомическая «сцена». Главный герой — мелкий чиновник-неудачник, уже знакомый по произведениям Достоевского, Буткова, Гребенки, Григоровича.

В семье бедного чиновника, одного из тех, которые с 15 числа сидят без хлеба и дров, торжест-

венный день — приготовления к крестинам пятого ребенка.

Вспоминая Хогарта, Федотов изобразил безрассудство отца семейства или, точнее сказать, бессмысленность житейского мгновения.

Посреди комнаты четверо полуголодных мальчишек дерутся за ломоть хлеба.

Стоя на коленях, босоногая старуха прислуга стружками и обломками стульев топит лежанку.

В комнату входит дьячок. Он несет купель, взвалив ее на плечи.

За ним входит, крестясь, просвирня.

А неунывающий отец семейства помахивает перед женой (она сидит на постели и кормит новорожденного) покупкой — двумя бутылками шампанского, столь неуместными в нищенской комнатенке обитателей чердака.

Через три года Федотов переработал и упростил эту композицию в маленьком эскизе масляными красками.

Правая часть композиции отодвинута на второй план. Чиновник утратил свою главенствующую роль. Он в черном вицмундире, брюки табачного цвета, плащ серый. У родильницы изможденно-желтое лицо. На ней розовато-лиловое платье и красный платок.

Посреди комнаты — седой дьячок в коричневой шубе и старуха просвирня в черном повойнике и синем шугае. Они ждут священника. В правой руке просвирня держит свечи, а в левой — чашку с ладаном (на той же руке висит кадило).

Стоя у оловяной купели, дьячок и просвирня алчно смотрят на блюда с яствами, которые вносит в комнату старуха служанка.

К старухе бросились дети — мальчик в красной рубахе и девочка в лиловом платье. Они нетерпеливо протягивают руки к блюдам.

Помещенные на первом плане дьячок и просвирия стали главными героями композиции.

Этого дьячка (из церкви Андрея Первозванного) Федотов часто встречал на Большом проспекте и на Андреевском рынке

Его последний эскиз сепией «Бедной девушке краса — смертная коса» или «Опасное положение бедной, но красивой девушки», самый удачный — печальная повесть о девушке-швее и офицере-соблазнителе. В этой пятифигурной композиции нет ничего шаржированного, ничего хогартовского.

Молодая красивая швея и ее больная чахоткой мать живут в полутемном подвале, куда дворник, презирающий таких жильцов, свалил оконные рамы, кадки и всякий хлам.

Молодой усатый офицер, подкупив дворника (они шепчутся за открытой дверью подвала), подослал к девушке многоопытную сводню с роскошными нарядами.

Девушка сидит, опустив голову, и в раздумье водит по столу ножницами. Перед нею рассыпаны «искушения» — драгоценные перстни и серьги. Сводня показывает ей и туго набитый кошелек.

На первом плане мышеловка, к которой подкрадываетсямышь.

Еще мгновенье — и мышеловка захлопнется!

«Бедная девушка» Федотова — родная сестра героинь молодого Достоевского и его приятеля Якова Буткова, чей сборник «Петербургские вершины» (т. е. чердаки) получил одобрение Белинского. Во второй книге «Петербургских вершин» Федотов прочел повесть «Первое число», где рассказана история «русой головки», швеи, работающей в мастерской женских шляпок и мужского белья. «Русую головку» соблазняет усатый офицер. Сепия Федотова почти иллюстрирует две-три строки повести Буткова: «...они уж здесь,

у самых дверей, эти роковые усы! Они умеют кстати владеть шпорами и саблей и, если понадобится, пробегутся тише кошки, крадущейся к мышке».

9

В 1848 году экзамен в Академии художеств был назначен на 8 мая.

Федотов представил в академию обе свои картины.

Снова, как восемь лет назад, когда показывал свои рисунки Брюллову, он чувствовал себя подсудимым. Каков будет приговор академического ареопага? Не предадут ли они анафеме автора едких сатирических сцен?

Он уже сделал подготовительные наброски для новой сатирической сцены: «Сватовство майора» или «Поправка обстоятельств». Сюжет — приезд жениха-майора в купеческий дом.

Этот замысел был как бы подсказан мыслями автора «Ревизора» и «Женитьбы» о комедии общественной, его пьесой-статьей «Театральный разъезд после представления новой комедии»: «Не более ли теперь имеет электричества чин, денежный капитал, выгодная женитьба, чем любовь?»

О небогатых офицерах, «поправляющих обстоятельства» женитьбой на купеческой дочери, и о тщеславных богатеях-купцах писал Гоголь в «Невском проспекте»:

«Есть офицеры, составляющие в Петербурге какой-то средний класс общества... Они достигают наконец до того, что женятся на купеческой дочери, умеющей играть на фортепиано, с сотнею тысяч или около того наличных и кучею брадатой родни. Однако ж этой части они не прежде могут достигнуть, как дослужившись по крайней мере до полковничьего чина».

Но зажиточные купцы не прочь были породниться и с майорами.

Рисуя бородатых купцов, их жеманных дочерей, старых ключниц и свах, Федотов мысленно переносился в Москву.

Быт московского купечества был ему гораздо знакомее, чем петербургский.

Проходя мимо трактира близ Большого Гостиного двора, он заметил сквозь окна главной комнаты люстру с закопченными стеклышками — она «так и лезла в картину».

Он зашел в трактир и едва не вскрикнул: это была та комната, которую уже столько дней он видел в своем воображении: стены желтовато-бурого цвета, лубочные картины, потолок, расписанный гириляндами.

Мебель и мелкую утварь он взял у приятелей — у Ждановичей, Родивановских, Флугов.

Карл Гаврилович Флуг, его семья и его брат Егор Гаврилович жили в собственном доме в 15 линии, неподалеку от Федотова, переселившегося с 9 линии в дом титулярной советницы Шишковой, на углу 14 линии и Среднего проспекта.

Один из его приятелей, немолодой офицер, сам предложил быть натурой для жениха-майора и позировал весьма терпеливо.

На василеостровском Андреевском рынке, на Апраксином и на Шукином дворах Федотов высмотрел нескольких старух и сидельцев. Уговорил их прийти к нему и, угостив чаем, нанял за сходную цену.

В Гостином дворе и на Невском проспекте он присматривался к лицам купцов.

Наконец у Аничкина моста встретил «отца невесты», рыжебородого купца с толстым брюхом — «московского»!

Купец позволил списать с себя портрет, хотя и считал это грехом и дурным предзнаменованием.

Чтобы найти нужную натуру Федотов ходил и в Опекунский совет, где торговался подобно тем, кто желал приобрести имение. Там бывали разные люди, и в генеральских мундирах, и во фраках, и в кафтанах, и в салопсах.

Если ему не удавалось познакомиться с тем, кого хотелось «всадить» в картину, то, вернувшись домой, он рисовал натуру по памяти.

Он мог нарисовать по памяти все, что привлекало его внимание: лицо, фигуру, уличную сценку. Это был наилучший способ изучать живую форму.

Ни к одной из своих картин он не сделал такого количества карандашных набросков, акварельных эскизов и этюдов масляными красками, как к «Сватовству майора».

10

Накануне экзамена к нему пришел ученик Брюллова Петр Баскаков. Карл Павлович желал видеть Федотова.

В сопровождении Баскакова он пошел в Академию художеств.

Брюллов был неизлечимо болен. Бледный, исхудалый, сидел он в вольтеровском кресле. Его взгляд был устремлен вниз, на приставленные к стульям картины Федотова.

Брюллов вспомнил о первой их встрече — восемь лет тому назад. Тогда он согласился принять офицера Федотова в число своих учеников. А офицеру приказали стать учеником баталиста Зауервейде.

И вот перед ним вместо молодого, румяного офицера стоял усталый человек с грустными глазами.

— Что вас давно не видно? — спросил Брюллов.

Федотов ответил, что не смел беспокоить его в болезни.

— Напротив, — сказал Брюллов, глядя на него пристально, — ваши картины доставили мне большое удовольствие, а стало быть, и облегчение.

Картины принес профессор 2-й степени Марков Алексей Тарасович. Он сказал Брюллову, что обе картины достойны его внимания. Алексею Тарасовичу хотелось узнать мнение Карла Павловича.

Профессора Маркова ученики не уважали. Его высокомерные изречения были смешны. Ему приписывали такой совет ученику:

— Посмотри Пуссена, Рафаэля, меня, что ли...

Ученики его не уважали, но любили: он был добр и покровительствовал молодым.

Некогда Брюллов сказал его старшему брату, Михаилу Маркову, что он способностей не имеет и должен оставить живопись.

Михаил вышел на улицу и, разбежавшись, ударился головой об угол дома. Товарищи удержали его от самоубийства, но он заболел нервным расстройством.

Вспомнив осторожную похвалу Маркова-второго, Брюллов усмехнулся: этот милый чудак не догадался, что отставной капитан Федотов — победитель.

Брюллов почти брезгливо взглянул на стены своей мастерской: павлиньи опахала, узорчатые кальяны, одалиски, великосветские красавицы с фарфоровыми плечами, эффекты света и тени, пестрота, — нет, ему не удалось избавиться от академической красоты! А написанный им собственный портрет! Эта назойливо выставленная вперед, плоховато нарисованная рука с изящными пальцами. Разве это портрет больного ху-

дожника? Это портрет красиво умирающего актера в ван-дейковском костюме.

— Поздравляю вас,— сказал Брюллов.— Я от вас ждал, всегда ждал, но вы меня обогнали... Отчего же вы пропали-то? Никогда ничего не показывали...

— Недоставало смелости явиться на Страшный суд, так как еще мало учился и никогда не копировал...

Брюллову давно надоели ученики, которые умеют копировать. Сперва он рисовал карикатуры на Аполлона Мокрицкого, потом — на Александра Корицкого. Оба были прескверными живописцами.

— Это-то, что не копировали,— и счастье ваше. Вы смотрите на натуру своим глазом. Кто копирует, тот, веруя в оригинал, им поверяет натуру и поэтому не может очистить свой глаз от манерности.

Федотов взглянул на Брюллова недоверчиво: не слишком ли он снисходителен?

— Я еще очень слаб в рисунке...

— Центральная линия движения у вас везде верна, а остальное придет. Продолжайте с богом как начали.

Прощаясь, Брюллов сказал, что картина «Свежий кавалер» сочинена немного тесно,— он советовал повторить ее не в вышину, а в ширину. Брюллов не знал, что в ширину она уже была сочинена — в подготовительном эскизе. И все-таки Брюллов был прав: картина сочинена немного тесно!

— И не слишком,— сказал он,— увлекайтесь сложностью хогартовскою: у него карикатура, а у вас натура.

11

Он показал Брюллову начатую картину «Сватовство майора». Восьмифигурная композиция понравилась Карлу Павловичу чрезвычайно: здесь не было ни

пустот, ни затеснения, и Федотову удалось связать все группы единым действием. Он словно следовал мудрому правилу из гоголевского «Театрального разезда после представления новой комедии»: «Завязка должна обнимать все лица, а не одно или два,— коснуться того, что волнует более или менее всех действующих».

Такому доброжелателю, как Брюллов, можно было сказать о своем затруднительном положении. И он сказал, что, получая в месяц сто рублей ассигнациями, нелегко платить натурщикам и брать напрокат костюмы и нужную обстановку.

Брюллов посоветовал представить начатую картину в Академию художеств.

На экзамене 8 мая Совет академии наградил Федотова званием назначенного в академики за картину «Разборчивая невеста». В ней было меньше сатирической злости, чем в другой, обличающей безумное тщеславие «свежего кавалера».

Картину «Сватовство майора» Совет предложил окончить к сентябрю и представить в академию как заданную программу на звание академика.

Тогда, по совету Брюллова, Федотов подал в академию письменную просьбу не отказать ему в денежной помощи для выполнения программы, если считать его «способности и направление достойными внимания».

«Направление» Федотова академии было чуждо, но его дарование оценил сам Брюллов. Спорить с Брюлловым руководители академии не осмеливались.

Он уговорил их исходатайствовать у президента пособие: Федотов получил двести рублей серебром.

Умер Белинский. Смерть избавила его от тяжелой участи. Комендант Петропавловской крепости, случайно встретив Белинского, полусутоливо сказал, что приберегает для него тепленький каземат. Царю уже было известно написанное Белинским за границей письмо к Гоголю. Царь приказал бы арестовать этого баррикадника, который «бунтовал в журналах». Смертельно больной, он жадно выслушивал сведения о событиях Февральской революции. В день смерти он порывался произнести речь, обращенную ко всему народу. Он просил свою жену запомнить эту, уже бессвязную речь, его последнее завещание.

В начале лета Петербург опустел: все стремились уехать из столицы в окрестности — в Царское Село, Павловск, Петергоф, Ораниенбаум, Парголово. Это было бегство от холеры, которая в то жаркое лето распространилась по всей России.

Так же, как во время холеры 1830 года, говорили об отравителях воды и съестных припасов.

Фруктами и овощами торговали тайно.

Федотов из Петербурга не уехал. Он работал над картиной «Сватовство майора», а также рисовал беглые заметки с натуры. Написал акварелью и злободневную уличную сцену: пожилой мужчина в цилиндре уговаривает молодого крестьянина не есть сырых овощей, на втором плане несут гроб с умершим от холеры.

Жители окраин говорили, что холеру привезли иностранцы, которые морят народ и в больницах. Боялись и врачей, и лекарств. Начали избивать «отравителей».

Федотов и его денщик были очевидцами беспорядков на Васильевском острове, около Андреевского рынка. Толпа расправилась с «отравителем» Нольде, занимавшимся изготовлением новинки — папирос.

Нольде шел в аптеку, вытряхивая накопившийся в карманах табачный сор. Это заметили торговец и дворник, которые немедленно объявили прохожим, что видели, как немец вытряхивал из кармана «холеру».

Вышедший из аптеки Нольде был схвачен толпой, но полиция отбила его и спрятала в Василеостровской части.

К толпе присоединились каменщики, обтесывавшие гранит для нового Николаевского моста.

Камнетесы потребовали выдачи «холеры». Полиция отказалась. Тогда они выломали дверь и, вытащив «холеру», поволокли его к Зимнему дворцу — представить самому царю.

Чтобы преградить им путь к дворцу, Исаакиевский мост был разведен.

Растерзанный труп «холеры» бросили близ Академии художеств.

Полиция арестовала зачинщиков, мещанина Павлова, крестьянина Андреева и рядового Григорьева.

На следующий день было приказано высечь их на плацу между Андреевским собором и рынком.

Во время экзекуции неожиданно приехал царь.

— Отбой! — скомандовал он, встав в коляске. — И, указывая на виновных, закричал яростно: — В арестантские роты — на вечные времена!

Из Петербурга уехало почти сто тысяч жителей.

Чернорабочие, пришедшие в столицу на летние работы, умирали на дорогах, возвращаясь в родные места.

По опустелому Невскому несли гроб за гробом — несли от угла Литейной, из Марьинской больницы. Умерших никто не провожал — ни родные, ни друзья, ни священники.

Ежедневно заболело свыше тысячи человек.

В это время в Париже лилась кровь на баррикадах. Военный диктатор генерал Каваньяк расчищал улицы картечью.

В конце лета картина «Сватовство майора» была написана.

Входя в парадную комнату, сваха извещает о приезде жениха. Немолодой, но молодцеватый майор охорашивается в соседней комнате на фоне светло-зеленой стены.

Бородатый хозяин старается поскорее застегнуть свой долгополый сюртук.

Невеста смущена и хочет убежать, но маменька удерживает ее за платье. Обе разнаряжены. Дочь в бледно-розовом платье, а мать в платье переливчатого лилово-коричневого шелка. Невесте уже лет за двадцать пять.

На столе — закуска. На стуле — бутылка шампанского. Кухарка несет кулебяку, а сиделец — вина. К нему обращается с вопросом входящая в комнату старуха приживалка: к чему эти приготовления? Сиделец указывает на входящую сваху.

Кошка замыкает гостей.

На стене слева видна часть образов с лампадками, под ними стол со священными книгами.

На стенах портреты: митрополита, Кутузова и Кульнева и лубочные картины: вид монастыря и герой войны 1812 года Иловайский на коне. И портрет самого хозяина с книжкой в руках.

К автору «Сватовства майора» приходили друзья-художники Агин, Бернадский, Козлов, Саша Бейдеман.

Глядя на картину, Бейдеман восклицал восторженно:

— Удивительно, удивительно!

Медлительный и неуклюжий Агин выражал свое восхищение безмолвно, но чаще, чем обычно, доставал из берестяной тавлинки нюхательный табак.

Он изредка писал стихи и весьма удачно изобразил себя в четырех строках:

Имел он живописи дар
И голос скрипу врат подобный,
Вседневный в голове угар
И нос для нюханья удобный.

В шуточных этих стихах Агин «перепел» строфу из любимых «Цыган» Пушкина.

Саша Бейдеман приводил своих друзей, таких же юных, жанриста Константина Трутовского и пейзажиста Льва Лагорио.

Посещали Федотова и писатели — его друг Александр Дружинин, молодой, но уже известный поэт Аполлон Майков и двадцатичетырехлетний критик Владимир Стасов, превосходный знаток музыки и любитель искусств.

Отбыв служебные часы в департаменте герольдии, этот пылкий правовед мчался в Эрмитаж или в музей Академии художеств.

Сын художника, Аполлон Майков сам мечтал стать живописцем, но у него было слабое зрение, он оставил кисть и палитру. Поэт писал статьи о выставках и для «Отечественных записок», и для «Современника».

По вечерам в небольшой гостиной Майковых встречались молодые художники, музыканты, литераторы. Здесь читали свои произведения писатели «натуральной школы». Круглолицый, с умным, но тяжелым взглядом и «одноглазкой» на резиновом шнурке Гончаров, щеголеватый весельчак, знаток всех столичных сплетен Григорович и автор «Бедных людей» Федор Достоевский, большелобый, сероглазый, невысокий, в черном сюртуке.

«Сватовство майора» Брюллов признал высшим достижением Федотова. О его новом произведении Брюллов говорил всем своим друзьям и почитателям. Ни об одном русском художнике он не сказал столько лестного.

Узнав, что Федотов пишет стихи, Карл Павлович рассердился: как смеет писать пером тот, кто должен писать кистью, и нужно ли столь даровитому живописцу быть автором дурных стишков? Федотов прочел ему поэму — «Предисловие к картине «Сватовство майора».

Слушал Брюллов внимательно и похвалил:

— Я думал, что хуже. У вас есть талант. Такие стихи писать не грешно...

«Предисловие» к своей картине Федотов читал только друзьям: стихи были вольнодумные.

Армейский офицер, неудачник-майор, чьи товарищи «полковники давно», с бесстыдной деловитостью размышляет о преимуществах штатской службы:

...Не об жалованье речь —
Совесть можно сбросить с плеч!
Не такие нынче годы!
Говорится про доходы.
Например, комиссариат,
Или провиантский штат,
Иль полиция... Таможня...
Вот уж, говорят, там можно!

Размышляя так, майор невольно становится обличителем бюрократической империи Николая I:

...Там на все уж такса есть,
И не стоит мало несть.
Единичными рублями
Там с простыми писарями
Не поладишь, им на чай

Тож полсотенку подай.
Вот тогда язык развяжут:
И вакансии покажут,
И научат и уму,
То есть сколько и кому
Должен сунуть ты в суму,
...Так, купив себе маршрут,
Отправляйся выше... тут,
Тут уж тысячи берут.
Выше — уж десятки тысяч!
Ух бы! Их на конной высець!

Негодующий майор обличает и корыстолюбие слу-
жителей православной церкви:

...Что врата отворит рая?
Чья молитва? Отпевая,
Пастырь, сам как бы стыдясь,
Бога за тебя, свой глас
Не возвысит в песне сладкой,
И как будто бы украдкой
Он сквозь зубы над тобой
«Со святыми упокой»
Проворчит в скороговорку
И в червивую каморку
Не проводит бедняка:
«Вишь, от церкви далека».

Майор беден, ему «подсунуть нечем», чтобы по-
лучить «местечко с соком». Поэтому он решает выйти
в отставку и поправить обстоятельства женитьбой на
дочери богатого купца Кулькова, желающего пород-
ниться с благородным сословием:

Право, нечего зевать,
Надо сваху засылать,
А потом принарядиться
Поновей, понадушиться,
Можно и духов достать
И помады, хоть у франтов,
У бригадных адъютантов,
Взять у них же орденков,
Да батистовый платок,

Да часы, на случай с дочкой
Коль придется говорить
Пальцем баловать цепочкой
И носочком такту бить.
...Посмотрю я как тогда
Мне откажет борода!

Он посылает к свахе своего денщика Сидора (у него под левым глазом синяк — отпечаток барского кулака). Сидору дан строгий наказ:

Не проврись, смотри, про нашу
Вечную со щами кашу,
А скажи — на днях умрет
Барский дядя пребогатый,
Что огромные палаты,
Что заводов, деревень,
Что всего не счесть и в день,
Все, чем заживо он правит,
Что, мол, все он мне оставит,
Что наследник, мол, один
У него, твой господин...

Наказом денщику и завершается поэма-предисловие.

Поэма о сватовстве майора приобрела известность всенародную. Ее переписывали, она попала в самые отдаленные места России. Но издание полного текста поэмы было разрешено только через двадцать лет после смерти автора.

15

Тридцатого сентября 1848 года Совет Академии художеств признал автора картины «Сватовство майора» академиком.

Академический ареопаг отметил не только мастерство в отделке фигур и аксессуаров, но и глубокий

взгляд на человека, умение показать достойную осмеяния сторону средствами искусства.

Звание академика было утверждено общим собранием академии.

Но золотой медали он не получил. По академическому правилу ею награждали художников, не достигших тридцатилетнего возраста.

Президент академии герцог Лейхтенбергский заболел, и вместо него председательствовал вице-президент граф Федор Толстой. Знаменитый скульптор-медальер, почитатель античного искусства Федор Толстой приветствовал дарование Федотова, ставшего, по его мнению, в ряд «весьма замечательных отечественных талантов».

Годичную выставку в 1848 году было решено не открывать, но столичные художники и любители искусств признали его не имеющим соперников в избранном им роде живописи.

16

Тут квартальный с захваченным пьяницей,
Как Федотов его срисовал...

Некрасов

Друг Федотова гравер Бернадский предложил ему издавать альбом сатирических гравюр, вроде парижских изданий Гаварни, чьи рисунки были как бы добавлением к «Человеческой комедии» Бальзака. Федотов придумал для альбома название «Вечером вместо преферанса» и сделал множество набросков с надписями.

Все виды страстей, все виды глупости, пошлости и плутовства изобразил он в своих рисунках-диалогах.

Это маленькие рассказы о чиновниках и купцах, картежниках и модницах, бездельниках-барчуках и квартальных надзирателях.

Его диалогам присущи те же достоинства, что и подписям Гаварни: краткость, ясность, острота. Автор сатирических рисунков должен быть и писателем-юмористом. Рисунок и подпись неразрывно связаны, дополняют друг друга: без подписи рисунок нем!

Он вновь нарисовал перезрелую невесту и коленопреклоненного горбуна.

Невеста, к которой уже не придет жених прямой:
— Ах, Поль! Это было всегдашнее мое желание.

Длинноволосый юноша, художник-дилетант, сидя у стола, помешивает чай ручкой своей кисти. Хозяин, унося самовар, спрашивает:

— Что ж, вы, господин Пряжкин, выкупите ложки аль нет? Я продам их.

— А, пожалуй, я и без них обойдусь — денег нет.

— А за фатеру-то?

— Вот напишу картину, будут деньги, отдам.

— Да вы все гуляете, а картины-то и не начато. Где она у вас?

— Болван, братец, вот где!

Юноша надменно указывает на свой лоб.

На другом рисунке этот же юноша в блузе, опершись коленом о стул и покуривая сигару, размышляет перед мольбертом:

— Нет, не выставлю! Не поймут.

Отец, обедая, угощает малолетнего сына рюмкой водки. За стулом стоит мать.

— А что, Машенька, ведь Вася-то у нас будет славный малый!

— Да, весь в тебя.

Держа за дышло игрушечную кибитку, девочка разговаривает с гостем — пожилым господином с цилиндром в руке:

— Карл Иванович, принесли бомбошку?

— Нет, моя душенька.

— Ну, так маменька вас не будет любить. Вот Василий Иванович мне приносит каждый раз, за это маменька его у себя целует.

(В альбомах Гаварни дети, эти миловидные маленькие чудовища, с такой же коварной наивностью разоблачают своих родителей, старших братьев и сестер.)

Купец вручает взятку чиновнику. Тот принимает, не глядя на деньги.

— Так завтра, батюшка?

— А вот я посмотрю.

Худощавый старик во фраке со звездой готов опуститься на колени перед сидящей девушкой. Она благосклонно приняла его подарок — драгоценные серьги. Девушка молода, но весьма деловита:

— Все это очень хорошо. А сколько у вас душ крестьян?

Купец подносит квартальному корзину с яствами. Взяточник-квартальный, указывая на лоток, говорит:

— Ты, Тихоныч, тоже на пробу и балычок положи.

Квартальный надзиратель щупает обеими руками в заднем кармане своего мундира. Молодой извозчик угрюмо ждет, почесывая затылок. Надзиратель:

— Ах, братец! Кажется, дома забыл кошелек.

Седоусый отставной офицер приводит сына к французу-воспитателю. Выпятив нижнюю губу и засунув правую руку в карман, француз пристально смотрит на глуповатого недоросля с усиками:

— А что, мусье, как скоро возьметесь вы приготовить моего сына?

— А куда вы хотите, по какой карьере пустить?

— По моей, в гусары.

— О, это очень скоро!

(«Фонвизиновых Митрофанушек, я уверен,

до сих пор очень много», — сказал Федотов Бернарду-скому.)

Длинноволосый юноша-художник пишет портрет толстой дамы. Нетерпеливо привстав с кресла, она неодобрительно смотрит на холст:

— Экою ты меня сделал жирною.

— Это еще подмалевок. Посмотрели бы, как Брюлов жирно подмалевывает.

— То-то, смотри!

За столом сидят юный студент и тучный пожилой мужчина в полосатом халате:

— Дядюшка! Где вы нанимаете таких хорошеньких служанок?

— Много будешь знать — скоро состаришься.

Муж, опершись стиснутыми кулаками о стол, яростно:

— Я вчера присылал из должности насыпать табакерку. Тебя, сказали, дома не было? А?!..

Не ответив и свесившись с кресла, жена протягивает руку любимой моське, вставшей перед нею на задние лапки.

Старый холостяк сидит в вольтеровском кресле у столика. Молодая служанка подвела к нему мальчика.

— Ты, душенька, при чужих никогда не называй меня папашей, а говори «дядя».

Немолодая женщина с заплаканными глазами, сжимая обеими руками носовой платок, сидит на стуле. Ее муж, молодой щеголь в клетчатых брюках, с цилиндром в руке, уже готов к вечернему выходу.

— Хорош муж! Ни одного вечера не посидит дома!

— Вышла бы за подагрика — ведь один сватался, он бы век сидел дома. Так нет, хотела помоложе!

Молодая женщина с младенцем на коленях спрашивает мужа:

— Отчего это, Александр Иванович, у нас ни-

когда не собираются твои молодые чиновники... хоть на преферансик?

— А ты разве не знаешь, отчего я развелся с первой женой?

Пожилой чиновник в халате, с Владимиром на шее сидит у стола, держа на коленях ребенка. Подчиненный, войдя в кабинет, с почтительным восторгом прикасается пальцем к пухлому подбородку мальчика.

— Ах, ваше превосходительство, какой у вас прелестный сынок!

— А дело принесли?

— Какой милашка!

— А дело?

— Прелесть!

Молодая девушка рыдает, уткнувшись головой в подушку:

— Ах, я несчастная. Они старые товарищи — они знакомы. А я им обоим дала слово. Обоим — по портрету. Ох, я несчастная.

По обыкновению, Федотов не пощадил и себя.

Он изобразил себя во фраке и совершенно лысым. Смотришь в круглое настольное зеркало, он натягивает на лысину пышный парик.

— Теперь невест сюда! Невест!

17

Евстафий Бернадский жил в 9 линии Васильевского острова, за Малым проспектом. Известный гравер был человек семейный и бедный. Граверов-исполнителей господа академики художниками не считали.

У Бернадского Федотов познакомился с его соседом, таким же многосемейным бедняком, тридцатилетним надворным советником Александром Ба-

ласогло. Бернардский познакомил с ним и своих юных друзей: Бейдемана, Трутовского и Лагорио.

Отец Александра Баласогло, обруселый грек, генерал-майор, служил в интендантстве Черноморского флота.

Александр начинал службу моряком Балтийского флота, но рано вышел в отставку. Он увлекался восточными языками, поэзией, писал стихи.

Оставив службу в министерстве иностранных дел, он в течение года издавал журнал «Памятник искусств и вспомогательных знаний», где напечатал «Краткое обозрение древней и новейшей живописи».

Но все его замыслы и начинания кончались неудачей. Ему нигде не удавалось применить обширные свои знания. Он сам называл себя беспокойным и лишним человеком.

Перейдя на службу в архиве Азиатского департамента, он успешно изучал арабский и персидский языки, встречался с учеными-ориенталистами Френом и Дорном, с знаменитым синологом Иакинфом Бичурным. Знаток Сибири, Китая, Японии и Америки, Баласогло не совершил ни одного путешествия. Он мечтал о поездке на Дальний Восток и представил генералу Муравьеву, назначенному губернатором Восточной Сибири, две докладные записки, которые были превосходными научными статьями. Генерал-губернатор сказал, что теперь у него есть все сведения о крае, но автора докладных записок оставил в Петербурге.

Еще во время службы в министерстве иностранных дел этот неистовый фурьерист подружился со своим сослуживцем Петрашевским и стал постоянным посетителем его «пятниц».

Баласогло говорил, что русский народ восстанет, что России пора понять будущее свое призвание в человечестве.

«Пятницы» посещал и Бернадский. С Петрашевским его познакомил сосед. Изредка бывал на «пятницах» и Аполлон Майков.

Бернардский рассказывал Федотову об этих вечерах бунтарских помыслов, о яростных речах Петрашевского, призывавшего своих соратников к действию.

На одной из «пятниц» спорили о том, кто понятнее и нужнее народу: Крылов или Гоголь? У автора знаменитых басен сторонников оказалось гораздо больше.

Баласогло ненавидел торгашеское направление в искусстве. Им был написан проект общества в помощь русским ученым, художникам и литераторам, с типографией и издательством. Он хотел издавать журнал «Листки искусств». Но у посетителей «пятниц» не было капитала. Они не могли приобрести типографию.

Федотова, Бейдемана, Трутовского и Лагорио Баласогло сразу признал с в о и м и.

О появлении такого художника, как Федотов, он мечтал уже давно. Ему нравились работы даровитого, рано умершего Василия Штернберга, автора маленьких картин, изображающих нравы и обычаи украинского народа. Но, увидев картины Федотова, Баласогло забыл о своем увлечении Штернбергом.

18

Отправив русскую армию в Австро-Венгрию, царь оставил в столице многочисленный гарнизон — «для поддержания порядка».

В Петербурге было беспокойно.

Шарманщики осмеливались играть на улицах «Марсельезу». Шарманщиков и раешников полиция арестовывала.

В последние дни масленицы старый солдат, стояв-

ший у балаганов, показывал панораму. Поворачивая ручку, передвигавшую картинку внутри ящика, солдат негромко произносил нараспев крамольные стихи о военном министре князе Чернышеве и царских сановниках:

Вот генерал Чернышев смотрит на гору Арарат:
Там стоит комиссариат,
Да в нем так темно,
Что ничего не видеть.

Вот идет чиновник —
Он служит в военном департаменте,
Выстроил себе дом на каменном фундаменте.
А вот бывший генерал,
Он вид замарал,—
Говорят, в управе что-то взял,
А других запятнал...

На крышке ящика-домика с круглыми увеличительными стеклышками стоял потешный казачок-автомат, неистово колотивший кулачком в тарелочку. Зрелище самое дешевое — копейка!

Народные сатиры в стихах, протяжные напевы раешников любил слушать Федотов.

Об издании сатирического альбома «Вечером вместо преферанса» нельзя было и помышлять. Свои рисунки для альбома Федотов подарил приятелям.

Цензурные гонения усилились.

В Петербурге уже не издавали ни «Иллюстрации», ни иллюстрированных произведений «натуральной школы».

Количество изданий настолько сократилось, что книгопродавцы начали продавать обои и стеариновые свечи.

Художники-иллюстраторы и граверы стали безработными.

Агин уже не заполнял новыми рисунками свой «Альбом петербургских типов». Он обучал рисованию

подростков и юношей. Не имея денег на покупку воротничков и манжет, он мастерски выкраивал их из плотной бумаги. Братья Агины (младший тоже был рисовальщиком) ели вареный картофель и ржаной хлеб.

Друг и сотрудник Агина, Бернардский, представивший президенту Академии художеств семнадцать неизданных гравюр к «Мертвым душам», ответа не получил. Эти гравюры были одобрены к печати цензором в 1847 году. Через год цензура стала иной. Гравированных рисунков Агина к «Истории капитана Копейкина» не подписал бы ни один цензор.

Отставной капитан Федотов сочинил басню «Усердная Хавронья», напоминавшую крыловские: свинью под дубом и услужливого медведя.

Горничная Хавронья услышала, как барыня клянет колючки, о которые исцарапала руки ее младшая дочь:

...Ей было по душе скорей беду исправить,
Чтоб и вперед дитя от бед избавить
И дому барскому усердьё показать.
...Давай сейчас в саду колючки оскребать.
Обчистив розаны, отправились в шиповник,
Потом в крыжовник,
В малину сочную — везде колючки есть!
На все колючее изволила насесть.
С колючками кой-где и кожу всю содрала
И неколючее вокруг все перемяла.
Через неделю... всё повяло!
Колоться нечем! Бабе честь!
Зато понюхать иль поесть —
В саду бывало прежде густо,
А нынче — пусто!

И так у нас в натуре:
Мигни только цензуре!

Заключительное двустиише было известно только друзьям Федотова.

Аполлон Майков сказал, что под этой басней не отказался бы подписать свое имя сам Крылов.

Тяжелобольному Брюллову царь разрешил уехать в теплые края, «на бессрочное время».

Тринадцать лет прожил Брюллов в Петербурге, но придворным льстецом не стал.

Он не написал ни одного портрета его величества, если не считать карикатуры, написанной акварелью: истуканоподобный самодержец стоит в парадной форме, толстый его живот затянут в корсет.

Однажды царь вздумал позировать Брюллову, но в назначенное время в мастерскую не приехал.

Брюллов ушел.

Царь приехал в Академию художеств, опоздав на двадцать минут. Его сопровождал конференц-секретарь академии Григорович. Этот толстяк с добродушным выражением лица был бессменным надзирателем при русских художниках. Говорили, что он тайный агент III отделения.

Выслушав робкие извинения Горецкого, ученика Брюллова, царь с неудовольствием сказал Григоровичу:

— Какой нетерпеливый мужчина!

Врачи посоветовали Брюллову лечиться на португальском острове Мадейре.

В свое выздоровление он не верил.

— Я жил так, — говорил он друзьям, — чтобы прожить лет сорок. Я прожил пятьдесят, следовательно, украл у вечности десять лет и не имею права жаловаться на судьбу.

Федотов его навещал и, чтобы развлечь, рассказывал о своих воскресных прогулках по окрестностям столицы, о беседах с простыми людьми, о подвальных

«тавернах», о случайных встречах на Смоленском кладбище.

Он увидел на кладбище весьма живописную группу: многопудовый флотский чиновник с тучной супругой и дочкой-невестой и три молодых писаря, в новых сюртуках с блестящими галунами и в белых перчатках. Женихи старались развеселить жеманную красавицу писарскими остротами.

Глава семейства пожелал выпить чаю, а раздуть самовар было нечем — трубу второпях оставили дома.

Один жених решил использовать голенище собственного сапога. Другой готов был раздуть тлеющие угли силою своих легких. А третий, вывалив сахарную голову из обертки на салфетку, сделал из грубой синей бумаги великолепную трубу. Изящно согнувшись, он терпеливо держал бумажную трубу над самоваром.

Невеста улыбалась, ее родители похваливали сноровку жениха — победителя, а его соперники приуныли и замолчали.

У могильного бугорка, поросшего травой, сидели две старухи. Они поминали своего покойника пирогом и кутьею. Заметив Федотова, одиноко сидевшего на камне, старшая старуха сказала младшей:

— Верно, сиротинка...

И, обращаясь к нему, запричитала:

— Поди, батюшка, помяни с нами! Чай, тебе скучно, как не скучать одному-то... Покушай нашего пирожка, голубчик!

Еще забавней были его рассказы о прогулках на Крестовский остров, где веселились чиновники низших классов.

— Вы будете от меня анафеме преданы, коль этого не напишете! — сказал Брюллов. — Только шире, шире, не вдаваясь в миниатюрность!

Весной 1849 года посетитель «пятниц» Петрашевского отставной коллежский асессор и поэт Сергей Дуров решил устраивать у себя литературно-музыкальные вечера. Вместе с Дуровым в небольшой квартире на Гороховой улице жили два его друга: «петрашевец», поручик гвардейского егерского полка Александр Пальм и коллежский секретарь Щелков, любитель музыки. На «субботах» у Дурова присутствовали братья Достоевские, Федор и Михаил, Спешнев, Момбелли, Львов, Григорьев. Вечера — в складчину — по три рубля серебром с человека ежемесячно: для найма фортепиано, на чай и ужины. Пальм хорошо пел — у него был приятный голос. Беседовали о литературе и искусствах, задумали издание литературного альманаха. Читали свои стихи Дуров и Пальм. Достоевский читал стихи Пушкина и Гюго, чтобы доказать, насколько русский гений выше французского.

О литературной партии Дурова и его музыкальных «субботах» неодобрительно отзывался устроитель «пятниц»: что это еще за вечера без политки и философии?

Впрочем, на одной из «суббот» Достоевский прочел запретное письмо Белинского к Гоголю. Достоевский и его друзья были согласны с Белинским: России нужны не проповеди, «нужно уничтожить крепостное право» и пробудить в народе «чувство человеческого достоинства».

Приятель Спешнева Николай Новосельский, знаток музыки (особенно народной), привел на литературно-музыкальный вечер своего друга, Михаила Глинку, приехавшего из Варшавы.

Встречей с Дуровым и его друзьями Глинка был очарован.

Сказал, что с ними он снова молод. Они, люди нового поколения, его понимали.

Глинка пел, играл, импровизировал.

Но эта дружба оказалась весьма кратковременной.

21

Помню я Петрашевского дело,
Нас оно поразило, как гром,—
Даже старцы ходили несмело,
Говорили негромко о нем.

Некрасов

18 апреля Спешнев известил друзей, что литературно-музыкальных вечеров больше не будет, а в ночь на 23 апреля все посетители «пятниц» Петрашевского были арестованы.

На предпоследней «пятнице» Федор Достоевский снова прочел письмо Белинского к Гоголю. Это письмо было написано непримиримым врагом самодержавия, глашатаем революции. Александр Баласогло прерывал чтение восторженными возгласами.

Постоянным посетителем «пятниц» был низенький чиновник с большим носом, Петр Антонелли. Его серые глаза всегда избегали встречного взгляда. Угощая собеседника сигарами, Антонелли весьма искусно заставлял его быть разговорчивым.

Баласогло говорил, что этот итальянчик способен только торговать и мог бы носить на голове корзину с гипсовыми фигурками.

Другой агент-выведыватель нанял в доме Петрашевского помещение для лавки и зорко следил за всеми входами и выходами.

В III отделении дело Петрашевского называли «заговором идей».

За свое усердие Антонелли получил «всемилощивейшую награду»— 1500 рублей серебром.

Арестовали двух друзей Федотова — Евстрафия Бернадского и Александра Баласогло.

Аполлон Майков, друг одного из главных «преступников», Федора Достоевского, ожидал ареста.

В майской книге «Отечественных записок» последние главы повести «Неточка Незванова» были напечатаны без подписи автора.

Бернардского допрашивали три раза. Его имя было внесено в список лиц, отданных под секретный надзор. От Бернардского хотели получить сведения о том, кто ввел в его дом Петрашевского, — о Баласогло.

Майкова не арестовали, но подвергли допросу.

Был допрошен и коллежский асессор Владимир Стасов.

На допросе Александр Баласогло бесстрашно назвал себя коммунистом. О своих знакомых — художниках Федотове, Бейдемани, Лагорио и Трутовском — он сказал, что политические идеи им чужды. Поэтому ни одного из них в III отделение не вызывали.

Через неделю после ареста «петрашевцев» из Петербурга спешно уехал Глинка.

22

В то лето Федотов написал несколько миниатюрных портретов с аксессуарами, несколько этюдов и эскизов и одну картину.

Делая наброски к эскизу «Львица», он использовал две сатирические «сцены», нарисованные для Бернардского.

На одном рисунке муж в халате, держа ребенка, укоряет жену-модницу:

— Полно тебе с чепцами-то возиться — у детей порядочных рубашечек нет!

— Дети сидят дома, а мне сегодня надо на вечер.

— Ох ты, русская барыня! Только напоказ живет.

Другой рисунок: «львица», куря сигарету, показывает долговую книжку мужу, который в отчаянии схватился обеими руками за голову. На втором плане — слегка очерченная фигура посыльного, принесшего коробку с нарядами. Под рисунком стихи:

Прежде барыней была
И примерною слыла:
В рынок с поваром ходила,
Огурцы, грибы солила
И огарки берегла.
Погуляла за границей
Да в Париже пожила —
Возвратилась львицей.

Русская барыня вернулась из Парижа «героиней Гаварни».

На эскизе муж в желтом полосатом халате, жалко согнувшийся, умоляет «львицу» быть благоразумной. Но курильщица в красном платье неумолима: она повелительно указывает на долговую книжку, которую ей вручает посыльный. Другие посыльные вносят в комнату свертки и коробки. Младенец в лиловой рубашонке, сидя на полу среди игрушек, плачет.

Зеленые стены, красные занавеси — эти цвета характеризовали пристрастие «львицы» к пестрой и блестящей мишуре.

Федотову композиция эскиза не нравилась: она напоминала его ранние «хогартовские» сепии, многофигурные и шаржированные, а образ «львицы» был явно заимствован у Гаварни.

Светские «львы» и «львицы» были героями сатирических фельетонов. Любителей «хорошего тона» высмеивал неизвестный автор трех «Писем столичного друга к провинциальному жениху», напечатанных в двух последних книгах «Современника» за 1848 год, в отделе «Моды», которым заведовал Панаев.

Дружинин сказал Федотову, что автор «писем» — Гончаров.

«Столичный друг» Чельский писал и о тех франтах, которых заклеимила народная поговорка, — «на брюхе шелк, а в брюхе щелк»:

«Что такое франт? Франт уловил только одну, самую простую и пустую сторону уменья жить: мастерски, безукоризненно одеться...

Чтобы надеть сегодня привезенные третьего дня панталоны известного цвета с лампасами... он согласится два месяца дурно обедать.

...А пробовал ли ты нечаянно приезжать к таким людям домой и заставить их врасплох? Отчего приезд гостей производит всегда суету и смущение?..

...Этих людей вводит в дурной тон боязнь и ложный стыд, чтоб не сочли их хуже других, или желание показать, что они живут роскошно».

Вместо сумасбродной «львицы» Гаварни голодный франт Гончарова! Это был превосходный жизненный сюжет.

И Федотов задумал однофигурную композицию «Ложный стыд» или «Не в пору гость».

Таких петербургских юношей «на французский манер» он называл «вафлями из пряного теста». У светских фланеров в синих фраках, белых жилетах и светлых клетчатых панталонах было множество прозвищ: шаркуны, полотеры, ферты, ветрогоны, дутики, хлыщи (последнее слово придумал Иван Панаев).

Их кумиром был француз Марбрийе, самый модный портной Невского проспекта. Этот француз лучше всех понимал, что главное достоинство хорошо сшитого фрака — изящная мешковатость, а жилет должен быть произведением скульптора!

Сделав наброски к картине «Ложный стыд» или «Не

в пору гость», Федотов написал маленькую картину «Деревенская офицерская жизнь».

У стола, на постели, сидит офицер. В левой его руке гитара, в правой чубук с привязанной к нему бумажкой. Офицер играет с котенком, вставшим на задние лапки.

На столе, покрытом красной скатертью, догорающая свеча; она ярко освещает белый рукав офицера, охристую поверхность гитары, чубук, ушки и лапки котенка, белый чайник, выпуклость медного самовара и спинку стула.

В глубине комнаты стоит немолодой темноволосый денщик (это Аркадий Коршунов). Раскуривая длинный чубук, он угрюмо смотрит на ребячью забаву своего начальника.

Живописные достоинства картины были очевидны. Он справился с общим тоном — сумрачно-коричневатым, но удачно ли «сочинение»? У офицера слишком веселое выражение лица, а резвый котенок слишком забавен. Шутливый легковесный эпизод. Гораздо удачней были наброски к однофигурной картине: «Казарменная офицерская жизнь»: скучающий офицер развлекает себя прыжками своей собаки.

23

Незадолго до открытия большой трехгодичной выставки Академии художеств он написал раешным стихом «Объяснение» картины «Сватовство майора»:

Честные господа,
Сюда! Сюда!
Милости просим,
Денег не просим:
Даром смотри,
Только хорошенько очи протри!
Начинается, починается
О том, как на свете люди живут,

Как иные на чужой счет жуют,
Сами работать ленятся,
Так на богатых женятся.

...Вот извольте посмотреть,
Как справа отставная деревенская пряха,
Панкратьевна-сваха,
Бессовестная привираха,
В парчовом шугае, толстая складом,
Идет с докладом,—
Что, дескать, жених изволь пожаловать.

И вот извольте посмотреть,
Как хозяин-купец,
Невестин отец,
Не сладит с сюртуком,
Он знакомей с армяком...

И вот извольте посмотреть,
Как наша невеста
Не найдет сдуру места:
«Мужчина! Чужой!
Ай страх-то какой!»

...И вот извольте посмотреть,
Как наша пташка собирается улететь,
А умная мать
За платье хватать!

И вот извольте посмотреть,
Как в другой горнице
Грозит ястреб горлице,—
Как майор толстый, бравый,
Карман дырявый,
Крутит свой ус:
Я, дескать, до денежек доберусь!..

Это стихотворение он называл рацеей и рассказом простонародным. Читая рацею друзьям, произносил ее нараспев, подобно носильщикам райков.

Александр Дружинин, не одобрявший стихотворных «безделок» своего друга, признал раешную рацею удач-

нейшим его произведением. Понравилась рацея и такому строгому ценителю стихов, как Аполлон Майков.

Подобно поэме-предисловию к картине, рацея быстро размножилась в списках.

Первое подражание народным раешным сатирам написал будущий автор комедии «Горе от ума»:

Эй! Господа!
Сюда! Сюда!
Для деловых людей и для праздных
Здесь тьма у нас okazji разных,
Есть дикий человек, безрукая madame!
Взойдите к нам!..

Один из многочисленных списков неизданного «Лубочного театра» Грибоедова принадлежал и Федотову.

24

Гнев чиновника на свою кухарку в одинаковой степени достоин внимания искусства, как и гнев Ахиллеса.

А. Майков

Трехгодичная выставка 1849 года открылась 2 октября (день был ветреный и метельный). В залах и галереях Академии художеств висело четыреста картин.

Здесь было несколько дорогих копий с картин Гвидо Рени, дель Сарто и Рафаэля, по заказу царя исполненных в Италии.

В первой античной галерее стояли гипсовые копии с древних статуй — Юпитер, Аполлон, Антиной, две Венеры, две Юноны, также привезенные из Италии.

Многие картины отражали холодный блеск молний «Последнего дня Помпеи». Почти не было работ, написанных без оптических эффектов à la Брюллов. Один подражатель весьма неискусно раздробил луч. Другой,

вычернив холст, наложил светлые блики на лысину старца и кончик носа красавицы.

Самыми большими картинами на выставке были композиции на заданные сюжеты, нарисованные с соблюдением правил красоты линий и равновесия масс: «Богатырь Ян, вырывающий кусок мяса из бегущего быка», с фигурами почти в человеческий рост, и «Геркулес, бросающий Ликаса в море».

Легендарный богатырь Ян почти ничем не отличался от Геркулеса: одинаковые античные драпировки и скульптурные мышцы.

Академический ареопаг наградил автора «Богатыря Яна» Евграфа Сорокина большой золотой медалью и послал его на четыре года за границу.

Посетители торопливо проходили мимо этих картин и гипсовых статуй, направляясь в залы, расположенные вдоль 3 линии Васильевского острова.

В первом зале висели картины Владимира Сверцова «Гауптвахта в Мюнхене» и «Общество на пароходе».

Ученик профессора Воробьева Алексей Чернышев выставил картину «Внутренность чухонской избы».

Сверцова и Чернышева Совет академии наградил серебряными медалями первого достоинства.

Во втором зале висела картина Павла Риццони «Комната для курения в трактире в Брюсселе».

Даровитый Лавр Плахов стал плохим художником, поучившись в Дюссельдорфе, Павел Риццони вернулся заурядным художником из Бельгии.

В его картине все фигуры были сделаны с одинаковой тщательностью, и те, что на первом плане, и те, что на втором. «Курительную комнату» пожелал купить царь.

Картины Федотова висели в четвертом зале.

Руководители академии заменили сатирическое название картины «Свежий кавалер» названием право-

учительным — «Следствия пирушки и упреки», а из названия «Поправка обстоятельств или сватовство майора» изъяли последнее слово.

Брюссельские курильщики, мюнхенские солдаты, чухонские крестьяне — все это не выдерживало сравнения с картинами Федотова и казалось безжизненным, чужим и ненужным.

Зрители, помнившие давку у картин Риццони, признавались, что в настоящую давку они попали впервые.

В четвертом зале всегда стояла огромная толпа. К картинам Федотова нельзя было подступиться. Все видевшие «Сватовство майора», «Свежего кавалера» и «Разборчивую невесту» посещали выставку вновь: зрители вспоминали о федотовских типах как о своих знакомых.

Вернувшемуся из усадьбы Дружинину не удалось подойти к стене, где висели эти картины.

Его окликнул Саша Бейдеман. Он рассказал о первых днях выставки, сразу прославившей их общего друга. Через несколько минут к ним подошел Федотов. Веселое лицо его показалось Дружинину усталым и постаревшим.

— Помните, — сказал он Дружинину, — как мы наслаждались после утомительных переходов где-нибудь на дневке, летом, среди зелени? Или, помните, как воротясь в город, мы радостно ложились в сухие постели и на несколько дней делались объедалами? То же со мной и теперь...

А Дружинин, радуясь успеху друга, думал о том, что слава этого человека не раззолоченный трофей, но оружие, вырванное у врага после тяжелой битвы.

В тот день Дружинин пригласил его и общих друзей на обед. За обедом Федотов утверждал, что каждое из его произведений должно содействовать исправлению нравов.

Гости спорили и возражали. Один из них сказал: — Павел Андреич, уроки о вреде дурной компании доступны любому писаке, даже самому бездарному. Твоя сила, если хочешь, тоже в поучении, но через зрелище прекрасного.

Но неоспоримую эту истину Федотов отрицал и упрямо настаивал на своем. Быть может, он вздумал своих друзей подразнить?

Он часто бывал в выставочном зале и прислушивался к суждениям посетителей.

Сторонники «высокого» искусства утверждали, что живопись домашних сцен настолько же ниже исторической живописи, насколько комедия ниже трагедии.

По их мнению, картины Федотова были слишком прозаическими:

— Что за сюжеты? Ничего благородного! Во всем видна только насмешка. Это раскрашенные карикатуры «Ералаша». Вот она, натуральная школа!

Они объявили автора «Свежего кавалера» главным представителем опасного направления.

Его картин не приобрели ни для музея Академии художеств, ни для русского отдела Эрмитажа.

Отчет о выставке поместил в своей «Северной пчеле» Фаддей Булгарин, любимый писатель «свежих кавалеров». Кратко упомянув о том, что у Чернышева, Сверчкова, Риццони и Федотова «есть юмор фламандской школы и все признаки таланта», он восхвалял, как произведение великого мастера, программную картину академика Шопена «Суд царя Соломона», которую даже старые академики порицали за ложную красоту и дурной рисунок.

Лакейское подобиострастие Булгарина вполне проявилось в его отзыве о двух художниках-аристократах: «Весьма замечательно, что пальма первенства на нынешней выставке принадлежит двум русским дворянам,

посвятившим себя искусству: графу Ф. П. Толстому и графу А. Н. Мордвинову».

Брань противников способствовала его успеху так же, как восторженные похвалы почитателей. Его слава возрастала с каждым днем.

Две статьи о выставке написал Аполлон Майков: одна была напечатана в «Отечественных записках», другая — в «Современнике», обе без подписи автора, бывшего посетителя «пятниц» Петрашевского.

Майков признал Федотова лучшим русским жанристом.

«По богатству мысли, драматизму положения, обдуманности подробностей, верности и живости типов, по необыкновенной ясности изложения и истинному юмору первое место должно принадлежать Федотову...»

В «Современнике» Майков возвестил о том, что в русской живописи совершился переворот, подобный тому, который был произведен в русской литературе Гоголем.

Прянишников предложил за «Сватовство майора» две тысячи рублей серебром, но Федотов не продал.

Он мечтал о том, что его картина будет представлено место не в малодоступных домах меценатов, а в общенародном музее русского искусства.

25

Вскоре после открытия выставки он покинул свое жилье на Среднем проспекте и переселился в маленькой деревянный дом коллежской асессорши Навроцкой, в дальней 21 линии. Ему предлагали несколько квартир, более удобных и столь же недорогих, но такая трехоконная комната была нужна для одной из задуманных им композиций (замысел этот потом он отбросил).

Только Аркадий Коршунов одобрял выбор своего

начальника: из окон его комнаты были видны казармы Финляндского полка.

Александр Дружинин, живший у Смоленского поля, тогда же нанял для себя вторую квартиру у Большого проспекта,— домик Федотова оказался на половине дороги между обоими жилищами Дружинина.

Утром, идя по 21 линии, Дружинин услышал стук в окно. Он подошел к окну и увидел Федотова и его денщика.

— Мы с вами опять финляндцы!— крикнул Федотов.— Входите поскорее. Теперь мы будем видаться всякий раз, как вы того захотите.

Коршунов выбежал навстречу и повел Дружинина по двору. Это был обыкновенный двор василеостровской окраины, с полуразвалившимися сараями и дряхлым флигелем.

Дружинин вошел в маленькие сени. Кровать Коршунова стояла в чулане, сверху донизу оклеенном лубочными картинками и теми набросками Федотова, которые он хотел уничтожить.

— Как же и мне не заниматься художествами!— не без гордости сказал Коршунов.

В мастерской Федотова нижние стекла окон были заставлены папками, чтобы ровный северный свет падал сверху.

Мольберт стоял у среднего окна.

По стенам висели гипсовые руки, ноги, головы.

В углу стоял большой манекен. Против него — слепок с Венеры Медицейской.

Новое жилище было гораздо хуже тех, которые он нанимал раньше. В мастерской — холод. Федотов работал в халате на мерлушках, а иногда и в тулупе.

За деревянной стеной бегали и резвились дети.

Дружинин удивился: как может художник работать в такой беспокойной квартире. Но Федотову шалости детей работать не мешали. Всем, кого это удивляло, он говорил:

— Разве это возмутители тишины? Это жизнь! Играют, веселятся, а если подерутся, я выхожу — мирить...

Зато ночью он не мог уснуть и при малейшем шуме.

Однажды он остался ночевать у приятеля, на Петербургской стороне. Его уложили в дальней комнате, с окнами на двор. Как только он улегся, началась переключка петухов. Они пели разными голосами — звонкими, хрипылыми, яростными.

Лежа на диване, он обдумывал новые сюжеты и композиции. У него не было ни карандаша, ни бумаги. Он ждал утра, чтобы вернуться домой и приступить за работу. От нетерпения у него дрожали руки.

На рассвете снова заголосили петухи.

В передней он своей обуви не нашел и надел чьи-то большие сапоги.

Он любил утреннюю свежесть, изморозь, белые дымки над трубами.

Он просыпался очень рано и, умывшись холодной водой, выходил на пустынную улицу.

Его соседями были огородники, слепая девушка и старый моряк. С этим моряком он встречался каждое утро. Борода старика была похожа на серебряную скребницу. Отставной моряк, участвовавший в походе Ушакова в Средиземное море, рассказывал о знаменитом флотоводце и о его встрече с надменным лордом Нельсоном в Неаполе.

Федотов шел по деревянным мосткам длиной пустынной 22 линии, по направлению к Большому проспекту.

На проспекте он встречал солдат Финляндского полка (они приветствовали его, прикладывая, по старой привычке, руку к виску), писцов, торопливо идущих в канцелярии, учеников Академии художеств, хозяек и горничных, разносчиков, купцов и чухонцев.

Местом утренних его прогулок были также Смоленское кладбище и селение Галерной гавани.

По утрам к Смоленскому кладбищу медленно везли покойников. Простые дроги бедняков. Пышные погребальные колесницы богачей, сопровождаемые счастливыми наследниками.

Глядя на великолепный гроб, обитый бархатом, на подушки с орденами, на украшенную золотым шитьем треуголку, прохожие негромко говорили:

— Видно, генерала хоронят.

Дальние линии Васильевского острова были особенно многолюдны в первый день каждого месяца, день получки и разгула, когда пьяные мастеровые пели, не обращая внимания на будочников, а чернорабочие громогласно ругали своих подрядчиков. Из трактиров выходили чиновники, покачиваясь и хлопая друг друга по плечам: они продолжали толковать о железных дорогах, малодоступной итальянской опере и о «своем» Александринском театре.

Прохожие, особенно дети, любили рассматривать вывески — эти уличные картины на железных листах.

Самые скучные вывески у портных: военные мундиры, фраки. А самая потешная — вывеска парикмахерской: щеголь, которого завивает цирюльник, томная девица в белом подвенечном платье с цветами в темных волосах, цирюльник надрезает ланцетом ее розовую ручку, кровь хлещет фонтанчиком в тазик, который держит круглолицый казачок. Над дверью надпись: «Бреют и кровь отворяют».

На вывесках фортепианных мастеров: клавиши, похожие на громадные челюсти с белыми и черными зубами.

Все дочери василеостровских немецких купцов усердно музицировали.

Музыкальные инструменты, флейты, гитары, струны можно было купить не только в известном магазине Бернара, но и в табачных лавочках (их называли и музыкальными).

Вернувшись домой, Федотов сажился за мольберт и работал часов шесть-семь.

В три часа Коршунов приносил обед из трактира.

Вечером, при свете лампы, Федотов рисовал по памяти или делал наброски задуманных композиций.

К нему часто приезжали любители живописи. Эти господа старательно рассматривали все изображенные на картине предметы, но не видели самого важного — самой живописи.

Слушая замечания любителя, разглядывающего в лорнет его картины, Федотов хмурился и молчал.

Однажды Коршунов ему доложил, что его желает видеть какой-то незнакомый господин.

В комнату торопливо вошел отставной майор, седоватый, но румяный и веселый.

Он радостно обнял Федотова. Поведение незнакомца было непонятно.

Оказалось, что майор приехал, чтобы выразить свое восхищение художнику, столь правдиво изобразившему его историю: он тоже для поправления обстоятельств женился на дочери богатого купца и теперь весьма счастлив. Нравственной цели в картине этот бравый майор совершенно не заметил!

Его слуга принес большую корзину с шампанским и закусками. Майор непременно хотел угостить с его да еще столь знаменитого живописца.

26

Он продолжал работать над картиной «Ложный стыд» или «Не в пору гость» — на тему фельетона Гончарова.

Богатый кабинет. Заморские безделушки. Статуэтка Амура и Психеи. Голубой ковер с золотистыми узорами. Зеленые обои. Зеленое кресло. Синий абажур.

На стул небрежно брошены объявление о продаже

устриц и театральная афишка (опытный театрал сразу же мог узнать, что это афишка петербургская — на синей бумаге).

Владелец всей этой роскоши молоденький франт: темно-синий шелковый халат, шелковые вишнево-красные шаровары, шитая ермолка, желтые сафьяновые туфли. Он завтракает или обедает. Денежные его обстоятельства таковы, что он, подобно гончаровскому франту, вынужден довольствоваться черным хлебом.

Кусок хлеба уже откушен и находится за отдувшейся щекой франта.

Но, прежде чем он успел проглотить, залаял на дверь белый пудель.

Испуганный франт торопливо прикрывает хлеб французским романом.

Беда, если узнают, как иногда он обедает.

А кто сей неожиданный гость — приятель или кредитор?

Уже видна рука в глубине картины, загадочная рука в палевой перчатке. Мгновение — и занавес у двери будет откинут.

В этой работе Федотову удалось запечатлеть быстрый поворот головы и движение руки испуганного франта, сочетание тонов было гармоничным, а широкие шелковые шаровары как бы издавали шуршание.

Над картиной нужно было еще поработать, но и в таком виде она не потускнела бы в соседстве с прославленными голландцами Эрмитажа.

27

Мы, петрашевцы, стояли на эшафоте и выслушивали наш приговор без малейшего раскаяния.

Достоевский

С Александром Баласогло, милостиво высланным в Петрозаводск, он больше не встретился.

«Дело Петрашевского» кончилось жестоким зрелищем на Семеновском плацу 22 декабря 1849 года.

В девять часов утра Петрашевского и всех осужденных привезли из Петропавловской крепости.

Зрелище было всенародным. Зрители стояли вдали, на валу.

На черный эшафот взошли два палача в цветных кафтанах.

От исповеди все осужденные отказались.

Смертный приговор был прочтен медленно и невнятно.

На осужденных, скинув с них легкие а пр е л ь с к и е шинельки, надели большие белые рубахи с колпаками, которые приказано было надвинуть на глаза.

Достоевский, стоявший между Дуровым и Момбелли, успел их обнять.

Смертников свели с эшафота и привязали к столбам.

Начальник отряда скомандовал:

— К заряду!

Солдаты звякнули ружьями и взвели курки.

Из толпы кто-то крикнул:

— Сейчас стрелять начнут!

Внезапно на середину плаца выехал экипаж с флигель-адъютантом. Загремел отбой. Пытка ожиданием смерти была прекращена: царь заменил смертную казнь каторгой.

Всех «помилованных», кроме Петрашевского, приговоренного к бессрочной каторге, увезли обратно в крепость. Поручик Григорьев, автор крамольной «Солдатской беседы», сошел с ума.

На Петрашевского надели кандалы. Кузнец был неловок. Выхватив из его рук молоток, Петрашевский сел на дощатый пол эшафота и стал заклепывать гвозди. Его усадили в сани. Рядом с ним — фельдъегерь, а около ямщика — жандарм с саблей и пистолетом. И тройка поскакала — в Сибирь!

Глава шестая

1

В январе 1850 года Федотов получил письмо с известием о смерти мужа его сестры, чиновника Сиротского суда Василия Вишневого. Шестилетнее замужество Любочки было печальным. Вишневский брал деньги взаймы, пьянствовал и умер от белой горячки, оставив беременную жену и трехлетнего сына. Андрей Илларионович получал ничтожную пенсию — триста сорок рублей ассигнациями в год, а его дочь — шестьдесят рублей ассигнациями («по мужу»). Положение семьи было бедственным. Старик просил сына приехать в Москву — хоть на самый короткий срок.

Он попытался издать литографии «Свежего кав-

лера» и «Сватовства майора» (желающих подписаться было множество), но литограф к работе не приступал и наконец отказался: его испугала цензурная расправа.

Единственным достоянием Федотова были его картины. Но покупателей не оказалось, кроме одного, вице-председателя Общества поощрения художеств генерала Прянишникова, знавшего о семейных обстоятельствах Федотова. Знаменитый меценат выступал в роли благодетеля. Со свойственной ему оскорбительной любезностью он предложил за «Свежего кавалера» и «Сватовство майора» полторы тысячи рублей серебром. Сказал, что не в состоянии дать больше. И то не сразу! За трехлетний труд! Ранее он уговаривал Федотова продать «Сватовство майора» за две тысячи.

Положение было безвыходным, и Федотов взял «заток», триста рублей серебром — для поездки в Москву и для первой помощи семье.

Прянишников почему-то счел нужным дать ему рекомендательное письмо к Чаадаеву, с которым в дружеских отношениях не состоял. Называя картины «Свежий кавалер» и «Сватовство майора» замечательными, его превосходительство не забыл, однако, предупредить опального философа, что художник «посвятил себя такому роду живописи, который очень труден и опасен».

Федотов увез в Москву четыре картины — «Свежий кавалер», «Разборчивая невеста», «Сватовство майора», не вполне оконченную «Не в пору гость» и восемь эскизов: «Магазин», «Первое утро обманутого молодого», «Художник, женившийся без приданого, в надежде на свой талант», «Офицерская передняя», «Кончина Фидельки», «Следствие кончины Фидельки», «Крестины», «Опасное положение бедной, но красивой девушки».

Он надеялся, что московские меценаты будут честнее петербургских и его картины получат справедли-

вую оценку. Ему так хотелось вернуть задаток ненавистному Прянишникову, этому благодетелю русских художников.

2

Как не любить родной Москвы?
Боратынский

Он не был в Москве тринадцать лет.

В Москве свирепствовал знаменитый самодур граф Закревский, назначенный генерал-губернатором в крамольном 1848 году. Царь приказал Закревскому «подтянуть» Москву. И генерал-губернатор «подтягивал».

— Я тебя ушлю куда Макар телят не гонял!— это была любимая поговорка Закревского, которого даже Бенкендорф называл совершенным невеждой.

Генерал-губернатор расправился с Московским университетом. Все факультеты, кроме медицинского, были закрыты.

Студенты читали наизусть четверостишие Гёте, переведенное на русский язык профессором истории Грановским:

Приди и сядь со мной за пир,
Грустить о дрязгах перестанем,
Гниет, как рыба, старый мир,
Его мы впрок солить не станем!

Грановскому, внимательно следившему за событиями в Западной Европе, было запрещено читать публичные лекции. Начальство обвинило его в том, что он никогда не упоминает о воле божьей, управляющей судьбами народов.

— Есть от чего сойти с ума,— говорил Грановский. Профессор, лишенный аудитории, стал игроком.

Каждый вечер он садился за ломберный стол и играл до утра. Карты были изнурительным лекарством от приступов тоски и отчаяния. Он играл торопливо, часто роняя карты и не умея их скрывать от зорких глаз партнеров. Поэтому с ним всегда играли шулера.

Генерал-губернатору ежедневно докладывали о поведении московских ученых и писателей и особо о деятельности молодого драматурга Александра Островского, автора ненапечатанной, но уже прославленной пьесы «Банкрот».

Губернский секретарь Островский служил в канцелярии Московского коммерческого суда. Там он наблюдал всевозможные виды банкротства, все уловки должников и встречался с персонажами своей пьесы.

У Иверских ворот, где всегда былолюдно, около магистрата и управы благочиния, стояли «Рисположенские» — безместные титулярные советники. Они искусно писали прошения, восхваляя доблестные качества своих клиентов-купцов.

Островского приглашали во все литературные салоны Москвы. Он читал свою пьесу у Погодина, у Каткова, у Новосильцевых. На чтении у Погодина присутствовал Гоголь. Признав молодого драматурга даровитым, Гоголь отметил, что в пьесе видна некоторая неопытность в приемах.

Кроме автора, пьесу читал в литературных салонах актер Пров Садовский. Александр Островский был его драматургом, подобно тому как Гоголь был драматургом Щепкина. Впрочем, сам Щепкин удивлялся игре Садовского в ролях Псоя Стахича Замухрышкина и Подколесина и говорил, что он постиг тайну гоголевского языка. И никто лучше Садовского не мог прочесть «Повесть о капитане Копейкине».

Пьесу Островского Садовский считал как бы своей

собственностью, и куда бы он ни ездил, она была при нем.

Садовский играл только соотечественников — купцов, чиновников, приказчиков, лакеев, подъячих.

На сцене он был прост, спокоен, не суетился, не кривлялся, а смешил и суфлеров.

Даже монастырские послушники, переодевшись, тайком посещали раек Малого театра.

3

Отличительная черта русской литературы — нравственный обличительный характер.

Островский

На вечере у руководителя Московского художественного общества профессора Шевырева 24 февраля Федотов встретился с именитыми людьми Москвы — с Островским, Садовским, Погодиным, Хомяковым, Грановским.

Пришли к Шевыреву и молодой профессор истории Соловьев, и филолог Буслаев, и знаток старинного народного искусства Снегирев, и несколько студентов.

Статному, белокурому, круглолицему Островскому исполнилось двадцать семь лет. Он еще не вполне привык к своей славе и был как-то неловок в модном коричневом фраке со светлыми пуговицами.

Он прочел свою комедию. Читал, восхищая безупречно чистой и жезненной русской речью. Московские писатели и старого и нового поколения признали его наследником Фонвизина, Грибоедова и Голя.

Эту оценку Федотов считал справедливой.

После чтения пьесы он показал «Сватовство майо-

ра». Успех художника был равен успеху драматурга.

Назвав картину «комедией в рамке», Погодин сказал, что все это могло случиться и с действующими лицами комедии Островского.

Не изменяя надменного выражения лица, тонким певучим голосом льстивую речь произнес Шевырев.

Федотова упросили прочесть раешную «рацею».

Потом встал и тяжело опустился на диван Пров Садовский. И вдруг в гостиной Шевырева загремел грубый голос гостинодворского купца:

— А слышали ли вы, батюшка Иван Парамонович, что за морем делается?

Это был самый известный из устных рассказов Садовского — о малограмотном купце, который, начитавшись газет, по-своему перетолковал события Февральской революции:

— Не слыхали-с? Да тут вам и слушать-то нечего, а надо в толк себе взять. Вы, может быть, полагаете, что горы ушли в море али воды на тридевять локтей покрыли поднебесную? Так это было бы чудо. Тут дело такого нумера и достоинства, что при квартальном поручике и говорить страшно!.. Сам в ведомостях читал, Иван Парамонович. В королевстве Франции есть город Париж, что и малому ребенку известно; я полагаю, и вы знаете? А в этом Парижу царствует король Людовик Филиппыч. Человек доброкачественный, семейный, жена, примерно, и все как должно. И царствует этот король Людовик Филиппыч восемнадцать лет с месяцы. Но только он со своим народом совладать не умел, потому — французу угодить, яко бы псу цепному али бабе назойливой... Ведь они веры-то православной не имут!.. Если бы они знали, что несть власти аще, что всякой твари еже предуставлено: будь тем, а не меть туда-то, — так не пошел бы всякий обритый и обмытый в короли да в министеры. А то, вишь, говорят: вашего

величества министры нехороши, а мы хороши будем!.. Ну и давай народ будоражить. В народе известно: ты побеги — и он припустится; практика уж это известная. И началась, сударь мой, в те поры конфузия... Началась она с иностранной министерии — стали они булыжниками цветные стекла выбивать. Сейчас господа перья¹ в сторону, епутаты в другую. Стража сделала отпор, а народ покрикивает: не хотим, говорят, Людовика Филиппыча! А он с хозяйкой и детками под окошком сидит да всю эту оказию-то и видит. Видит он, что дело плевое! Сейчас кличет квартального. «Ты,— говорит,— голубчик квартальный, мне друг, аль нет?»— «Друг,— говорит.— Найми извозчика». Квартальный ему извозчика представил. Он супружницу с детками на извозчика посадил да из Парижу-то улепетывай!.. А они в те поры глумились, глумились да шесть тысяч телес во свидетельство и положили. А я запомнил вам сказать, что он посылал к ним в те поры на усмирение генерала Севастьянова² — умеющий генерал был! Они его под холстинку упрятали. Покончимши все это дело по благопристойности ихней, жители града Парижа заявили, что у них от сего числа будет провизорское³ правление, где и восседает главнеющий уставщик беспутчины греховной генерал Мартынов⁴...

Тут Пров Михайлович помолчал и затем воскликнул:

— Господи! Почто народы мнутятся и люди возмущаются тщетно!

И, снова обращаясь к воображаемому собеседнику, сказал устало и сипло:

— Кушайте, Иван Парамонович. Не наше дело!..

¹ Пэры.

² Себастиани.

³ Франц. *provisoire* — временный.

⁴ Ламартин.

И, равнодушный к аплодисментам, Садовский завалился в угол дивана и вынул из табакерки щепотку для понюшки.

4

На следующий день Погодин посетил графиню Евдокию Ростопчину, поэтессу и хозяйку салона, и рассказал ей о том, какой восторг вызвали картины Федотова на вечере у Шевырева. Графиня просила Погодина познакомить ее с художником: она решила заказать ему свой портрет, а также устроить выставку его работ в домашней галерее Ростопчиных.

Все именитые москвитяне желали принять у себя автора прославленных картин. Ежедневно он получал множество приглашений.

В тех домах, где Островский читал «Банкрота», он показывал свои картины. И везде его заставляли читать «рацею».

Он написал Дружинину о своем успехе в Москве: картины производят фурор, Московское художественное общество решило устроить его выставку.

Шевырев и Погодин познакомили его с Гоголем. Автор «Ревизора» и «Мертвых душ» долго рассматривал картины и потом, подойдя к художнику, сказал со своей странной, почти лукавой полуулыбкой, что его произведения совершенно оригинальны. Федотову эта похвала была дороже всех прочих, изустных и печатных.

Его всюду сопровождал новый друг Николай Рамазанов, человек пылкий и влюбленный в искусство. У скульптора Рамазанова было слишком много дарований: художественный критик, музыкант, певец, танцор, поэт, рассказчик. Быть может, поэтому он не стал хорошим скульптором.

Рамазанов рассказывал о жите русских художников в Риме, о своих встречах с Гоголем, Александром Ивановым, Бальзаком.

Когда Рамазанов и его друг скульптор Климченко уезжали в Италию, их спутником оказался Бальзак. В Таурогене Бальзак, указывая на моющего Климченко, спросил Рамазанова:

— Действительно ли он скульптор?

— Скульптор.

— Для скульптора он слишком чистоплотен, — насмешливо сказал Бальзак.

Во время пребывания в Италии Рамазанов был главным организатором загородных кутежей русских художников. Но его пиршества кончились бедою. Он выбросил из окна остерии почтенного аббата, который вздумал упрекать его в дурном поведении. Рамазанова выслали на родину.

Он восторгался эскизом «Опасное положение бедной, но красивой девушки» и уговаривал Федотова написать такую картину.

Они часто ходили к Островскому, в Серебряничный переулок, недалеко от Яузских ворот. Молодой драматург жил в деревянном отцовском доме, на антресолях.

Около угловой полицейской будки стоял старый будочник с алебардой — оружием карточных вальтов. Алебарда была зазубрена: жена будочника не только рубила ею капусту, но и колола уголь.

Будочник изготовлял в ступке нюхательный табак — зеленчак: торговля безакцизная! С ним дружил дворник Островского, и они уютно попивали в будке.

Из окон антреселей открывался вид на обширный пустырь и народные бани, со времен царя Алексея Михайловича называемые «Серебряными».

Зимой, запарившись до обалдения, из бани выскакивали голые парни и кидались в снежные сугробы.

После бани — в кабак, тут же, перед окнами дома Островского.

Пьеса «Банкрот» под заглавием «Свои люди — сочтемся!» была напечатана в мартовской книге «Москвитянина». Расчет издателя Погодина был безошибочен: число подписчиков сразу увеличилось.

Но московские купцы на автора пьесы обиделись и пошли жаловаться к генерал-губернатору. Не понравилась пьеса и царю. Не понравилось и происхождение фамилии «Рисположенский» — от Кремлевской Церкви Рисположения, ризы Богоматери. Царь сказал, что пьесу напечатали напрасно, и запретил ее играть. Автора приказано было отдать под надзор полиции, разумеется, секретный. Об этом сообщил Островскому сам генерал-губернатор.

— Это вам большая честь! — сказал Закревский торжественно.

5

В том году Москва-река вскрылась поздно. Лед двигался медленно. Между Крымским бродом и Москворецким мостом река очистилась, и там уже можно было с лодок ловить рыбу, а у Каменного моста льдины, треща и ворочаясь, взметались на быки и падали обратно.

Прохожие останавливались на мосту, чтобы поглядеть на ледоход. По берегам бродили мальчишки с баграми, усталые от долгого ожидания, — охотники за поленьями и бревнами.

У Каменного моста лед тронулся на четвертый день.

10 апреля в Московском училище живописи и ваяния открылась пятая выставка работ учеников и пре-

подавателей. Там же были выставлены и работы почетного гостя Федотова.

Накануне открытия выставки в торжественном собрании Московского художественного общества был прочитан отчет: училище живописи «вменяло себе в особенную честь быть посредником в знакомстве Москвы с таким даровитым художником».

Степан Петрович Шевырев и Михаил Петрович Погодин говорили о своей готовности помочь Федотову и его семейству.

Погодин даже написал воззвание «К читателям «Москвитянина», предлагая им украсить свои комнаты эстампами с двух прославленных произведений отечественного искусства, — «Свежий кавалер» и «Сватовство майора». Он приглашал читателей журнала и всех соотечественников подписаться на издание литографий. Он расхваливал картины Федотова, как гостинодворский купец — свои товары:

«Цена за «Сватовство майора» 5 рублей, а за «Кавалера» 2 рубля серебром.

Соотечественники! Художник перед вами, готовый, благонадежный, деятельный.

Опыт его налицо.

Свидетельство от первых наших мастеров, целой академии.

Будет грех на душе, если мы не принесем жертвы с своей стороны (и какая ничтожная жертва) для помощи прекрасному таланту, для нашей собственной чести».

Михаил Петрович Погодин был известен не только своей ученостью, но и своим лицемерием.

Подумав, он решил свое воззвание не печатать. Его испугало собственное великодушие: оказывать покровительство живописцу-сатирику (воображение хогартовской!) да еще уверять в его благонадежности!

И свое великодушие Михаил Петрович благора-

зумно сократил. В апрельской книге «Москвитянина» он поместил только объяснительные тексты самого художника к его картинам и эскизам.

Выставка была открыта по 8 мая, и в продолжение четырех недель в Московском училище живописи посетителей было не меньше, чем в Петербургской Академии художеств осенью 1849 года.

Потом, по просьбе графини, Федотов показал свои картины в Ростопчинской галерее.

В графской галерее было триста картин старинных мастеров (в том числе два холста Рембрандта, три — Адриана Остаде, шесть — Воувермана, холсты Тенирса, Рубенса, Мурильо, Ватто, Каналетто, Сальватора Розы).

Художникам разрешалось посещать графскую галерею ежедневно. По воскресеньям от 12 до 4 часов галерея была открыта для всех — не только для дворян и купцов, но и для крестьян.

«Домашняя» выставка произведений Федотова состоялась в будний день. В воскресенье в Ростопчинскую галерею явилось бы слишком много зрителей.

Погодин предложил автору прославленных картин написать краткую автобиографию, а также воспоминания о встречах с Брюлловым. О бедственной участи старика Федотова и его дочери ни Михаил Петрович, ни Степан Петрович больше не вспоминали.

Двадцатого мая сестра Федотова родила дочь. На семейном совете домик в Большом Харитоньевском переулке решено было продать.

Ни «Свежего кавалера», ни «Сватовства майора» (эту картину он оценил в две тысячи рублей серебром) никто не приобрел. Погодин и Шевырев сообщили своим друзьям и знакомым, что с художником уже почти кончил переговоры известный меценат, генерал Прянишников.

«Разборчивую невесту» Погодин и Шевырев считали

наименее удачным произведением Федотова. Ну что за сюжет, кому нужна картина, изображающая историю перезрелой девы и горбатого уroda? И допустимо ли высмеивать физический недостаток человека?

Эту картину Федотов оставил своей семье, надеясь, что покупатель все-таки найдется.

Удалось продать только одну картину — «Ложный стыд» или «Не в пору гость», которую он доработал в Москве.

Картину купил друг Грановского, молодой купец, любитель искусств Кузьма Солдатенков.

Московские художники называли его своим единственным бескорыстным другом. Он хотел собрать работы отечественных мастеров, картина Федотова была одним из первых его приобретений.

А члены Московского художественного общества словно позабыли о том, что Федотов в Москве. Они уже рукоплескали Фанни Эльслер, знаменитой танцовщице, которой исполнилось сорок лет.

Было объявлено двенадцать спектаклей. После выступления Эльслер в балете «Мечта художника» безумствующие балетоманы забросали танцовщицу цветами и драгоценностями.

Накануне своего отъезда из Москвы Федотов прочел в «Москвитянине» статью «Эстетическое кое-что по поводу картин и эскизов г. Федотова», подписанную инициалами П. Л. Автором этой статьи был друг Шевырева, профессор римской словесности Павел Леонтьев.

Грановский называл Леонтьева злым пауком. Этот горбун, ненавидимый студентами, был искуснейшим мастером клеветы.

И этому профессору римской словесности, автору диссертации «О поклонении Зевсу», Погодин поручил написать статью о «житейской» живописи Федотова.

Недаром в Москве говорили, что фамилия Погодина не от слова «погода», а от глагола «погадить».

Словно состязаясь в лицемерии с Погодиным, профессор Леонтьев восхвалял и наблюдательность Федотова и его искусство колорита. Профессор отметил и умение художника видеть характеристические странности, в отличие от Хогарта, обращавшего внимание на те странности, которые необыкновенны и случайны. Профессор даже признал, что картины Федотова «ко всякому просятся в комнату», но он не мог простить ему «злой сатирической насмешки»: у Федотова «расположение духа» было совсем не таким, как у «мирных и спокойных» голландцев XVII столетия. Оно напоминало профессору римской словесности о ненавистных писателях «натуральной школы». И Леонтьев требовал изъятия из русского искусства сатирического направления. Он уверял, что «в христианском обществе для него нет места».

В своей ненависти к «натуральной школе» профессор Леонтьев не был одинок. Редактор «Библиотеки для чтения» знаменитый Осип Сенковский в № 1 своего журнала за 1850 год назвал юмор «Ревизора», «Женитьбы» и «Игроков» шаржированным и циническим.

Статья Леонтьева испугала даже цензора «Москвитянина», профессора полицейского права Лешкова.

О своих опасениях он написал Погодину. Лешков предупреждал своего друга, что «Эстетическое кое-что» может подать повод к таким соображениям, и моральным, и политическим, которые «допекут» и самого живописца.

А Леонтьев обиделся на Погодина, поставившего под статьей инициалы автора, — клеветник хотел остаться неузнанным.

Так помог «прекрасному таланту» Погодин.

Федотов был обманут и другими именитыми лицами Москвы, обещавшими помочь его семейству.

26 мая он уехал.

Хлебосольная Москва хлеба не дала, а насолила порядочно!

Глава седьмая

1

Вообще вся наша администрация и общий строй — явный неприятель всему, что есть искусство, начиная с поэзии и до устройства улиц...

А. К. Толстой

Вернувшись в Петербург, он представил в Главное управление цензуры «Утро чиновника, получившего накануне орден» и «Сватовство майора», с просьбой разрешить издание литографий в величину оригиналов.

На выставках картины видели только жители обеих столиц, а многочисленные эстампы увидела бы вся Россия.

Над Главным управлением цензуры начальствовал попечитель петербургского учебного округа тайный советник Мусин-Пушкин.

Белинский говорил, что Мусин-Пушкин не годился бы и в попечители конского завода. Этот сановник, знаменитый своим невежеством, всюду видел только «непослушание». Стихи, статьи, лекции, картины — все это он считал проявлением непослушания.

В приемной попечителя висели клетки с канарейками и большая медная клетка с попугаем, хрипло выкрикивающим несколько французских слов.

Слуга его превосходительства, неопрятный старик, вполголоса присвистывал канарейкам. Посетители неподвижно сидели на стульях.

Какой-то молодой человек робко сидел на кончике стула и как бы застыл с подобострастной улыбкой на лице.

Когда дверь кабинета открывалась, сверху доносился сипловато-резкий голос его превосходительства.

Посетитель, вышедший из кабинета, проносился мимо ожидающих как ошпаренный кипятком.

Желчный толстяк-подагрик в шелковом халате, с орденom на манишке, Мусин-Пушкин сидел у широкого письменного стола.

Левая нога его превосходительства, обмотанная фланелью, покоилась на узорчатой скамейке.

За другим столом сидел сухопарый правитель канцелярии. Его угрюмое морщинистое лицо как бы предсказывало неблагоприятную резолюцию.

За спиной Мусина-Пушкина, почтительный, как лакей, стоял столоначальник Злобин.

Картины были подвергнуты тщательному осмотру.

«Сватовство майора» его превосходительство разрешил литографировать «без поправок», но из другой картины художник должен изъять орден: приличествует

ли ордену «быть привешенным к домашнему костюму, при неопрятных прочих околичностях».

Его превосходительство приказал изъять из картины мелкую подробность — смысл!

Вторая попытка: Федотов представил «Свежего кавалера» в Петербургский цензурный комитет.

Исполняющий обязанности председателя Петербургского цензурного комитета Петр Александрович Плетнев сказал, что «сочувствует» произведению Федотова, но издать литографию не разрешил: одобрить картину к литографированию мог только министр народного просвещения князь Ширинский-Шихматов. Плетнев посоветовал Федотову получить от Академии художеств справку о том, что картина «Свежий кавалер» была на Большой академической выставке.

Полученное удостоверение было приложено Плетневым к его письму в министерство. Не желая, однако, прослыть покровителем Федотова, он отметил, что приколотый к халату орден «может подать повод к произвольным истолкованиям».

Как и следовало ожидать, князь Ширинский-Шихматов, этот достойный преемник графа Уварова, славившийся своей набожностью, приказал картину возвратить «без надлежащего одобрения».

2

Изготовлением литографических эстампов с картины «Свежий кавалер» хотел заняться Александр Козлов, давний товарищ Федотова, который называл его своим милым братом. Деньги доставались ему трудом немалым, требовавшим постоянного соседства, но Козлов любил свое дело и старался улучшить искусство

литографии. Он называл себя слугой живописи и шутливо представлялся: граф Лито («титул», данный ему Брюлловым).

По вечерам его посещали друзья, Федотов и братья Агины. Беседуя, Федотов делал наброски и оставлял их на столе. Иногда рисунки своего друга Козлов находил и под столом.

С Козловым познакомился юный студент-математик Андрей Сомов, видевший картины Федотова на выставке 1849 года. Он мечтал увидеть и другие его работы и особенно акварели и рисунки, о которых ему говорили приятели — молодые художники. Но явиться к Федотову в качестве почитателя студент не отваживался.

В свободное время он учился рисованию у покойного портретиста Будкина. Рисовальных академических классов юноша не посещал: величественное здание Академии художеств казалось ему не рассадником искусства, а его гробницей.

У Козлова Андрей Сомов встретился с Федотовым (этого случая студент и ждал!), он принес в небольшой папке свои рисунки. Огорченный безуспешными попытками Федотова получить разрешение на литографирование «Свежего кавалера», Козлов предложил издать литографии с его рисунков.

Показывая рисунки, Федотов сказал, что не знает, как их издавать — в подлинном ли виде, то есть почти в контурах, или с оттушевкой и пририсованными аксессуарами.

Козлов советовал рисунки оттушевать. Федотов был с ним согласен, но доделывать отказался, говоря, что это занятие долгое и скучное.

— Для приведения моих композиций в грамматику, — сказал он, — я приглашу опытного рисовальщика.

Андрей Сомов робко возразил, что, если к рисункам

прикоснется чужая рука, они утратят и свежесть, и своеобразие.

— Но ведь в теперешнем виде они не понравятся публике,— сказал Федотов,— альбом не распродается, и останешься на бобах...

За чайным столом они говорили о новостях художественных и литературных, об итальянской опере, о Брюллове, уехавшем с Мадейры в любимую Италию. Козлов вспоминал об органных вечерах у Карла Павловича, об его увлечении бостоном, о пылких его монологах об искусстве. Называя его своим благодетелем, который помог ему покровительством и советами, Федотов сожалел, что Брюллов не умеет работать усидчиво и невоздержанной жизнью расстроил здоровье. Впрочем, свое здоровье он тоже расстроил — непрерывной работой, постоянным утомлением зрения.

Козлов сказал Федотову, что студент — восторженный почитатель его искусства и сам хочет стать художником.

— Занятие хорошее,— ответил Федотов,— но не советую делаться заправским художником. Чтобы влезть по-настоящему в искусство, надо много труда и времени, которые едва ли вознаграждаются успехом в жизни. Чтобы быть художником, мало чувствовать к тому зуд — надо иметь особую впечатлительность, особый глаз, способный запоминать характерные черты людей и предметов. Если этого нет, то лучше быть чем угодно, только не художником.

Федотов угадал: Андрей Сомов не стал художником. Не стал он и математиком. Он приобрел известность как историк искусства, биограф Федотова и собиратель его рисунков.

Прянишников предложил ему оставшуюся сумму — тысячу двести рублей серебром. Меценат уже приготовил место на стене своей квартиры, где будут висеть «Свежий кавалер» и «Сватовство майора». Федотов отказался — он все еще надеялся найти другого покупателя и вернуть «меценату» полученный задаток (триста рублей серебром).

Пожав плечами, Прянишников сказал, что согласен подождать.

Начались спешные поиски покупателя.

Какой-то светский бездельник уговаривал Федотова продать «Свежего кавалера» за полцены — за пятьсот рублей серебром какой-то сановной барыне. Федотов послал ему письмо с отказом: «...кому угодно, отдам за тысячу, никак не менее, потому что знаю, что она может дать, если я ее выставлю в Лондоне. Там с этим родом живописи уже знакомы по картинам Хогарта и Уилки».

Светский бездельник показывал своим знакомым его письмо как образец дерзости выскочки-художника, осмелившегося сравнить свое произведение с картинами Хогарта.

А Федотов хотел не только стать равным Хогарту, но и превзойти его.

Уж эти господа меценаты, приобретатели картин! Плоха надежда на них! Скажут «дорого», и никто не купит. Никто не понимает, чего художнику стоит по труду картина, которой эти господа любовались на выставке. Веселая, забавная картинка — и только!

Неожиданно он получил письмо от богатейшего украинского помещика Григория Степановича Почэка-Тарновского. Высмеивая скупость Прянишникова, Тарновский просил Федотова не продавать картин, — он сам намерен приобресть их по приезде в Петербург.

В столице у Тарновского была роскошная квартира, где он иногда жил осенью и зимою. Такой же тщеславный, как Прянишников, этот немолодой черниговский помещик после долгих домогательств получил низшее придворное звание — камер-юнкера.

4

Я написал бы огромную книгу о гнусностях, совершающихся в селе Качановке.

Шгвченко

Тарновский приехал в столицу с двоюродными племянницами Юлией и Эмилией и многочисленной челядью.

Он владел знаменитой Качановкой, усадьбой Румянцева-Задунайского, которую унаследовал от своего отца, бывшего графского управителя. В великолепном белом дворце с куполом и колоннадой было восемьдесят комнат.

Григорий Степанович считал себя знатоком музыки, архитектуры и живописи и об искусстве говорил самоуверенно и высокопарно.

Летом 1838 года он пригласил в Качановку Глинку, который работал над оперой «Руслан и Людмила». В присутствии композитора домашний оркестр Григория Степановича впервые исполнил «Марш Черномора» и «Персидский хор».

Сорок крепостных музыкантов исполняли произведения Глинки, Бетховена, Моцарта.

Ежедневно они исполняли и сочинения самого Григория Степановича.

Музыку Бетховена качановский самодур переделывал и дополнял. Наиболее он потруился над «Героической симфонией».

— Гм... вот это место вставил я,— горделиво говорил он своим гостям.— Гм... да... мы и Бетховена поправляем.

Было у Григория Степановича еще одно развлечение, тоже музыкальное и, пожалуй, наиболее любимое. Двух босоногих мальчиков-дворовых с повязками, натянутыми на глаза, привязывали к колу, как цепных собак. Мальчики ходили вокруг кола, один с трещоткой в руке, другой — с кнутом. Настигнув, по звуку трещотки, своего приятеля, кнутабоек наносил ему удары. Это чрезвычайно веселило звуколюбивого Григория Степановича и его гостей.

Исправив Бетховена, владелец десяти тысяч крестьян и тридцати тысяч десятин изуродовал великолепный дворец Румянцева-Задунайского. К верхним окнам двухсветного парадного зала он приказал пристроить второй этаж с жилыми комнатами.

Картин Григорий Степанович не писал и не переделывал.

5

Федотов сочинил самую печальную из своих басен. Федотовский кот гораздо менее удачлив, чем его крыловский тезка: чтобы он получше ловил крыс, его совсем перестали кормить. Кот-крысолов прославился:

...Печатают об Ваське все газеты

И продают его портреты.

...Меж тем со славою кот Васька год, другой,

Ест провиант все только свой,

А если при столах чуть просьбу промяучит,

Одно только всегда получит:

— Брыс!

Ешь крыс!

Состарившись, кот уже не может заниматься крысоловством и начинает воровать у повара. Потом Васька

запускает лапу и в клетку к барской птичке. И тут преступник пойман:

...Ворам урок!—
Велели повару сейчас принести мешок.
Кота за шиворот схватили,—
Хоть натопорщился, урчал, но усадили...
И вот —
Несчастный кот
Завязан.
Кто чем попало бил нещадно по мешку,
И после брошен был в реку...
За дело и наказан.

Так думал Федотов о своей судьбе, судьбе художника-сатирика, которого профессор римской словесности предлагал изгнать из «христианского общества».

6

Теперь мне всякую минуту становится понятней, отчего может умереть с голода художник, тогда как кажется, что он может большие набрать деньги...

Гоголь

На годичной академической выставке 1850 года его картин не было.

Брюллов прислал из Рима новые работы: портреты представителей высшего света, герцога Лейхтенбергского и княгини Багратион, две цветистые акварели — «Кардинал Ришелье, танцующий перед королевой Анной» и «Прогулка на острове Мадейре» — и рисунок к поэме Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» — «Поле после сражения рыцарей с сарацинами», где в смелых ракурсах были изображены ангелы и демоны, уносящие тела павших. Прислал Брюллов и свой на-

бросок с фрески Микеланджело «Страшный суд». Великий флорентиец был последним его увлечением.

В «Прогулке на острове Мадейре» большой художник изобразил себя: его несут на носилках два мускулистых слугителя.

Выставленные академиком Зарянко портреты — вице-президента Академии художеств графа Толстого и юноши-офицера — были похожи на искусно раскрашенные дагерротипы.

Жанристы были те же, что и на прошлогодней выставке, но все понимали, что ни Риццони, ни Чернышев, ни Сверчков не могут заменить автора «Свежего кавалера» и «Сватовства майора».

В 1850 году он не написал ни одной картины.

Президент Академии художеств герцог Лейхтенбергский известил царя о том, что художник «находится в весьма затруднительном и даже крайнем положении».

К ежемесячному жалованью было прибавлено 25 рублей серебром. С 1 декабря 1850 года он получал пятьдесят три рубля шестьдесят копеек. Но этой прибавки было недостаточно, чтобы содержать отца, сестру и двух детей, живущих в другом городе, и, кроме того, уплачивать долги покойного зятя.

А как избавиться от мецената-паука, от унижительной сделки с господином Прянишниковым?

Почему никто не подумает о награде художнику, отличившемуся на выставке? Почему бы не ввести обычай — подписку личную, а имена подписчиков печатать в газетах? И самолюбие народное, и любовь к искусству получили бы рост.

Единственный способ добывать деньги — писание портретов на заказ. Но портретист должен наделять заказчика теми качествами, которые у него отсутствуют.

А он, Федотов, пишет маленькие, непарадные портре-

ты своих друзей — не по заказу, а по собственному желанию. Портреты дарил и дарит друзьям, которые иногда заставляют его брать суммы весьма незначительные.

Его первый опыт писания на заказ оказался и последним.

К нему приехал немолодой, напомаженный господин, с бриллиантовой булавкой в галстук, с драгоценными запонками и перстнем.

Усаживая его, Федотов сложил ему руки так, чтобы не было видно сверкающего перстня. Но едва только взялся за мел, как великолепный палец снова высунулся наружу. Таким тщеславным упрямством обладал этот господин! И Федотов посоветовал ему найти портрета более сговорчивого.

Такого заказчика он изобразил в рисунке для неизданного альбома «Вечером вместо преферанса». На мольберте портрет пожилого господина. Работой художника господин весьма недоволен:

— Это что за срам? Какой нос вы мне сделали?

— Если угодно, можно сделать совсем без носу.

После ухода богатого господина посетил Федотова новый его знакомец Иван Можайский, почти такой же юный, как Андрей Сомов. Этот широкоплечий, голубоглазый студент писал недурные сатирические стихи.

— Терпеть не могу наши портреты, почти все они неверны... — сказал Федотов гостю. — Можно ли уловить душу человека, пришедшего именно с тою целью, чтобы с него писали портрет? Что выражает лицо его во время сеанса? Сидит, не смея шевельнуться. Великие художники имеют способность прозирать и улавливать душу даже в такие моменты глупой неподвижности. Портрет должен быть исторической картиной, а изображаемое лицо — действителем, — только тогда будет виден его характер...

Я почти уверен, что истинный художник должен быть человек безродный.

Грибодов

Тарновский приехал к нему в 21 линию. Высокий, смуглый, с горбатым носом и тусклыми глазами. Его пальцы сверкали бриллиантовыми перстнями. Он снова поругал Прянишникова за скупость, но картин не купил.

Федотов объяснял это не только скупостью. Он говорил, что все наследственные владельцы богатств потому прижали, как зайцы уши, мешки свои, что их испугал революционный гром на Западе и разлитие идеи коммунизма.

Юлия Тарновская восхищалась картинами Федотова на выставке 1849 года, но еще больше ее восхищала его слава. Всем своим знакомым она говорила, что охотно стала бы женой или просто натурщицей художника Федотова. Стройная, темноволосая, белолицая, со смеющимися глазами.

Федотов уже привык к одиночеству и редко вспоминал о своих «сердечных драмах», но Юлия Тарновская удивила его презрением к светским предрассудкам.

Желание Юлии стать его женой казалось ему поступком героическим.

Не называя ее имени, он рассказал о своих сомнениях автору «Полиньки Сакс», знатоку женщин.

— Эта женщина получит полную власть надо мною, а я чувствую, что с прекращением одинокой жизни кончится моя художническая «карьера». Но если мне принесена жертва, должен ответить жертвой и я.

Дружинин с ним спорил, говорил, что никакого геро-

изма в ее поступке не видит, что Федотов недооценивает своей славы.

— Самые толки о жертве и героизме, — сказал Дружинин, — заставляют меня думать, что в этом деле вы любите более головой, чем сердцем.

— А подумали ли вы о том, — как бы не слушая его, ответил Федотов, — сколько вредных искусству забот повлечет за собой связь с богатым семейством? Меня не станет на две жизни, на две любви — к женщине и к искусству. На прошлой неделе мы провели отличный вечер, шатаясь по дальним улицам, будто нанимая углы, и подсмотрели десятки сцен. Я задумал несколько новых эскизов. Моего труда в мастерской только десятая доля. Я учусь жизнью, я тружусь, глядя в оба глаза... Возможны ли подобные занятия при семейной жизни? Нет! Чтоб идти прямо, я должен оставаться одиноким зевакой до конца дней моих.

Семейная жизнь! Он помнил слова своего много-семейного друга Баласогло, который уверял, что родственные связи опутывают личность человека, что для художника или ученого женитьба и семья — просто смерть!

8

Да нынче смех страшит...

Грибодогв

Он написал еще одно прошение в Главное управление цензуры. От имени сирот, детей сестры, он снова просил Мусина-Пушкина разрешить издание литографии с картины «Свежий кавалер».

«В памяти народной и в журналах, — писал он в своем прошении, — остался смысл картины, и потому, изданная в искаженном виде, не больше ли она даст

повод к толкам двусмысленным? И притом к толкам на ваш счет...»

Упоминанием о памяти народной и особенно о двусмысленных толках его превосходительство был весьма рассержен.

Федотов?! Это один из тех, которые осмеливаются высмеивать людей чиновных, занятых службой государственной? Зависть, что ли, их гложет? Какая может быть нравственная цель в таких рассказах и картинах? «Натуральная школа», видите ли! Да разве натура-то в грязи, а сюжеты — на задних дворах? Сами и любуйтесь ими, а публике образованной не показывайте! И как он решился сочинить такую картину да еще в Главное управление представить? Прощение изобличает упрямство и непослушание! Отказать!

А что сказал бы начальник Главного управления цензуры, если бы прочел стихи, тогда же написанные Федотовым:

...Чинам в беде грозит солдатство,
Невзгоды есть и для богатства,
И связи — прах: сегодня — князь,
А завтра, смотришь, втопан в грязь.
Всё — случай. Но талант развитый,
Как монумент из меди литый.
Зарой хоть в землю! Сто веков
Там пролежит. Откройте — нов
И снова — людям утешенье:
Он хорошеет от гоненья!

О поездке в страну Хогарта и Уилки, где готовилась к открытию «Выставка произведений промышленности всех народов», нельзя было и мечтать. Он хотел показать англичанам свои картины и увидеть те, которые знал только по гравюрам.

На лондонскую выставку были посланы такие произведения искусства, как бирюзовые браслеты и алмазные диадемы.

Быть может, он напрасно стал художником? Не лучше ли было бы остаться в полку, получать чины и награды — это избавило бы его семью от нищеты и унижения.

Эти мысли томили его, отвлекали от работы. Иногда ему казалось, что он бредит...

9

За один год он утратил нескольких друзей. Умер Павел Родивановский, хороший музыкант, любитель поэзии. В Италии умер от чахотки Петр Ставассер, тридцатитрехлетний скульптор. В Одессе скоропостижно скончался Михаил Невахович, издатель «Ералаша». Федотову хотелось спросить: чья очередь?

Весной больного Неваховича увез на юг его сотрудник и друг Саша Бейдеман. Незадолго до их отъезда вышли последние пять листов «Ералаша» на 1849 год, подписанные к печати 2 марта 1850 года. Цензура изъяла из сатирических листов всю «соль». Смерть издателя совпала с прекращением издания его альбома. Невахович умер, вернувшись с морского купания. Ему было тридцать три года.

Похоронив друга, Бейдеман поехал в Феодосию, потом в Тифлис и совершил путешествие до самых окраин Кавказа. Его поразили горные племена и грозное величие природы. Он шел как странник, иногда присаживаясь к случайным попутчикам-горцам, медленно ехавшим в скрипучих арбах. Своими дорожными зарисовками он заполнил несколько альбомов.

В Тифлисе Бейдеман подружился с Яковом Полонским, поэтом и любителем рисования. Автор сборника «Сазандар» служил в канцелярии наместника и помещал свои стихи в местной газете. Беспечный как юноша, тридцатилетний поэт называл себя повесой сороко-

вых годов и казался человеком не от мира сего. Он познакомил Бейдемана с известным художником, князем Григорием Гагариным, который изучал искусство народов Кавказа и расписывал стены тифлисского собора. Его иллюстрации к повести Соллогуба «Тарантас» ценил Федотов.

По возвращении в столицу Бейдеман должен был работать над скучной многофигурной «программой» для получения серебряной медали: «Иоанн Креститель проповедует в пустыне».

Почти одиннадцать месяцев не видел он своего друга и учителя. Его мучили головные боли, бессонница, частые приливы крови к глазам. Зрение было испорчено чрезмерным напряжением, писанием миниатюрных портретов с аксессуарами.

Свои глаза он лечил, но как!

Дружинин, аккуратно посещавший своего друга два раза в неделю, застал его неподвижно сидящим, в халате на мерлушках, с мокрыми тряпочками на глазах. Опуская то одну, то другую тряпочку в чашку с холодной водой, смешанной с белым ромом, он осматривал комнату широко открытым глазом и снова прикладывал к нему тряпочку.

— Вы простудите глаза,— сказал Дружинин.

— Я это делаю уже несколько лет.

— Кто же вам это посоветовал?

— Кто? Я сам выдумал.

За этим самолечением застал его и студент Иван Можайский.

В тот день манекен был одет в женское платье и сидел на диване, с гитарой на коленях.

— Кстати, чем вас потчевать? — сказал Федотов. — Вина я не держу. Разве белым ромом?

И спросил у Коршунова, есть ли у них ром.

— Никак нет-с,— угрюмо ответил денщик.

Федотов улыбнулся.

— Уверяю вас, врет,— тихо сказал он гостю и прибавил громко: — Да поищи хорошенько!

— Поищу, да никак весь вышел,— пробурчал Коршунов и начал шарить по полке, гремя склянками.

— Коршунов — скопидом! Когда я приношу бутылку рому, он сейчас же разольет ее по своим пузырькам. Ему кажется, что из бутылки ром выходит скорее, нежели из его склянок.

Можайский рассмеялся: неудивительно, что слуга и друг Федотова — тоже человек необыкновенный!

10

О желании Юлии Тарновской выйти замуж за Федотова говорили во всех петербургских гостиных.

Его пригласил Прянишников, обрадованный отказом Тарновского приобрести картины. Но мецената тревожила возможность брака Федотова с богатой наследницей. Такому меценату нужен художник-бедняк!

У его превосходительства были гости. Улыбаясь еще любезней, чем обычно, он поздравил Федотова «с победой». А госпожа Прянишникова, известная столличная сплетница, как бы случайно подвела его к двум украинским помещикам, рассказывавшим о Качановке и Тарновских. Молодой помещик с модным пробором, бороздившим всю его голову и как бы продолжавшимся на спине в виде сюртучного шва, хихикая, называл Григория Степановича Черномором, а его племянницу Юлию — пленницей Людмилой. Другой помещик, бело-зубый румяный толстяк, понизив голос, сказал, что тайный ход в стенке шкафа соединяет спальню владельца Качановки с нижним этажом, где живет его племянница.

Тайны Качановского дворца весьма позабавили супругу мецената.

Федотов торопливо откланялся и ушел.

Юлия позволила ему досказать недосказанное — в письме. Ее родственник петербургский чиновник Виктор Юзефович предостерегал Федотова от брака с избалованной и привыкшей к роскоши племянницей Григория Степановича.

Уподобиться герою своей картины? Поправить обстоятельства женитьбой? Ему, привыкшему трудиться в своей конурке? Он написал Юлии о неравенстве в их судьбах, а она ответила «навечным прости».

11

Все попытки продать за две тысячи «Свежего кавалера» и «Сватовство майора» кончились неудачей.

Известный актер Василий Самойлов, даровитый рисовальщик и почитатель Федотова, хотел познакомить его с миллионером Кокоревым. Этот винный откупщик-старообрядец приобретал картины русских художников. Но Кокорев не торопился, а Федотов ждать уже не мог: письма из Москвы были все тревожней и тревожней, а Прянишников требовал либо картин, либо возвращения задатка. Жаден, дьявольски жаден этот барин. Большой барин, потому что в большом вкус знает, а всякую мелочь, незнаек в этом, считает и недостойными этого.

И Федотову пришлось «закабалить» ему обе картины. Его превосходительство — единственный покупатель! — не постыдился сократить сумму до 1000 рублей. Напрасно Федотов убеждал его, что эта цена унижает их обоих, что она наносит тяжкий удар самолюбию художника. Меценат, всегда ему льстивший, сразу утратил обычную свою любезность. Он торговался, как лабазник. И, недоплатив 200 рублей серебром, увез обе картины.

Авторские названия картин он заменил новыми,

более приятными и совершенно неопасными: «Утро после ночной пирушки» и «Приезд жениха».

Знакомство с ним Федотов прекратил, но его превосходительства это не опечалило: он не был знаком и с совестью.

Неужели впереди полная безнадежность? Его гнет нужда. Неужели фурор, который производили его картины на выставках, был жалким жужжанием комара? Ведь впереди — все еще жизнь, он должен жить, чтобы работать и работать. А у него хотят отнять то богатство, которым он особенно дорожит, — время!

12

Домик в Большом Харитоньевском переулке был продан. Андрей Илларионович переселился в Басманную часть города.

Друзья советовали Федотову написать картину для денег: парад или маневры, с большими массами пехоты и конницы, с дымом, с правильными движениями колонн и с фигурой царя на первом плане.

Царь по-прежнему любил маневры. Это было лекарство, прописанное лейб-медиком, — царь не хотел толстеть. Маневры укрепляли здоровье его величества. Нередко в маневрах участвовало сто тысяч гвардейцев и гренадеров.

Друзья убеждали Федотова, что, увидев такую картину, царь непременно спросит, в чем он нуждается, и окажет помощь его семье.

Ни парада, ни маневров он не изобразил. Сперва сделал набросок «Царь в богадельне у старых», потом решил вставить фигуру царя в композицию «Институтки», задуманную ранее.

Он часто посещал институт для дочерей штаб- и обер-офицеров на углу 10 линии и Большого проспекта.

В его альбомах было множество карандашных набросков: девочки и девушки в длинных платьях.

Он сказал Дружинину, что замысел его непрост. Институтки будут изображены так, чтобы всем казались знакомыми или когда-то виденными.

В квартире Ждановича висели портреты его дочерей-институток Надежды и Ольги и Ольги де Монкаль (племянницы его первой жены), три образа ранней, еще полудетской юности, созданные Федотовым.

Русоволосая одиннадцатилетняя Ольга де Монкаль остановилась у дивана в голубой гостиной, как бы кем-то окликнутая. На ней серебристо-белый лиф, светло-красная юбка. Покатые плечи обнажены, на детских руках прозрачная дымчато-сероватая шаль.

Черноглазой смуглянке в голубом платье, Ольге Жданович — четырнадцать лет. Она сидит в позе девушки на этюде его ненаписанной картины «Опасное положение бедной, но красивой девушки». Но вместо ножниц Ольга держит в руке перо. Перед ней на столе — лист бумаги. Скосив глаза, она задумалась над своим письмом.

Пятнадцатилетняя Надежда Жданович смотрит на зрителя, играя на клавишине.

Плавные волнистые линии девической фигуры ритмично повторены очертаниями темно-красного стула, на котором она сидит.

Она в голубом платье и белом фартуке. Черты лица тонкие, на щеках нежный румянец.

Портрет юной клавесинистки полон света и золотистой белизны.

Чтобы изучить перспективу и светотень, Федотов сделал из картона модель институтского зала. Две недели он резал, клеил и раскрашивал.

В большой белой коробке с двумя рядами окон, колоннами и желтовато-коричневым полом он расставил

группы куколок, одетых в бумажные голубые платья и белые фартуки.

Вокруг высокой куклы — царя, одетого в темно-синий мундир, стояли куклы — классные дамы в ярких синих платьях и горошины в бумажках, перевязанные ниткой, — самые маленькие институтки.

Одну куколку с головкой-горошиной царь-кукла держал левой рукой у своей груди.

После этой подготовительной работы был написан масляными красками эскиз будущей картины «Посещение царя в «Институт».

13

Новый замысел: «Вдовушка». Вторая однофигурная композиция. Сюжет как будто не федотовский, драматический и трогательный.

Печальная судьба его сестры навела его на мысль об этом сюжете.

У молодой вдовы, ожидающей рождения ребенка, описали все имущество, — она должна переселиться в другую, более скромную квартиру.

Грустно склонив голову, она стоит в спальне, у комода, на котором собрано все ее имущество: портрет покойного мужа-гусара (это будет портрет самого художника), Евангелие, икона (благословение родителей), корзинка с пестрыми клубками ниток.

Двери в другую комнату опечатаны.

Между комодом и постелью корзинки с канделябрами и серебряной утварью. На всех вещах ярлыки с гербовой печатью.

У постели на опечатанном стуле стоит зажженная свеча в опечатанном подсвечнике.

На том же стуле треугольная шляпа квартального надзирателя с бумагою, засунутою за кокарду, на полу

серая фуражка хожалого унтер-офицера — в доме полиция!

Это будет картина с незавершенным сюжетом.

Пусть зритель вообразит и прежнюю беззаботную жизнь молодой женщины и те бедствия, на которые она обречена.

Эту картину он будет писать долго и покажет ее осенью 1852 года, на Большой трехгодичной выставке.

Эту картину он уже видит.

Одинокая фигура в снопе лучей от окна, все матовое, тени теплые...

Да если бы каждый художник мог иметь столько характера, чтобы в продолжение двух лет изучать одно и то же, то хорошие произведения не были бы редкостью. Картина — не школа, а экзамен!

14

Пусть картина — одна,
Да проникнута она до дна.

Федотов

Летом его друзья уезжали из столицы. Дружинин уезжал в свою усадьбу, в Гдовский уезд. Кадетский товарищ, подполковник Генерального штаба Лебедев ежегодно жил в Царском Селе, где у него была дача.

В 1851 году Дружинин уехал в Пятигорск, город минеральных вод, — лечиться. Владимир Стасов уехал в Италию.

Федотов писал «Вдовушку». К нему приходили Саша Бейдеман и Иван Можайский.

— Нашему брату нужно дорожить летом, — сказал он Можайскому. — Зимой много не наработаешь, особенно при слабых глазах.

На подоконнике стояла чашка с водой и куском льда. Намочив тряпочку, он прикладывал ее к глазам.

Его посетил и приехавший из Царского Села Лебедев.

— Посмотри,— сказал Федотов, указывая на картину.— Знаешь ли ты, кто мне открыл секрет этой краски? Брюллов! Я видел его во сне, и он сказал, какую краску необходимо употребить для подобного освещения.

Лебедев недоверчиво улыбнулся.

— Вы все, господа любители,— сказал Федотов,— готовы улыбаться и считать это мечтою расстроенного воображения! Но мы, художники, можем дойти до такого состояния, что беседа с отсутствующими — дело более чем возможное...

В жаркий августовский день он поехал по железной дороге в Царское Село, к Лебедеву.

— А где твои дети?— спросил Федотов.

Он любил детей своего друга, трех резвых кудрявых мальчиков.

Услышав его голос, они прибежали и втроем пытались вскарабкаться к нему на колени.

— Вот где природа женщины сходится с природою детей,— сказал он Лебедеву.— Посмотри на эту нежную кожу, просвечивающиеся жилы, неясную синеву тела. Вот природа, да только трудная, неуловимая...

Но ведь ему дана чудесная способность подмечать законы строения природы.

А наблюдать законы высшей премудрости — наслаждение для души.

Глаза и ум проводники к тому наслаждению.

Это и называется творчеством!

— Теперь у меня есть для вдовушки лоб и виски,— сказал он, улыбнувшись,— но недостает еще любящих глаз.

Вечером друзья поехали в Павловск, где был «вокзал» — огромный ресторан с концертной эстрадой и оркестром в тридцать человек.

Они сели возле эстрады, спиною к музыкантам, чтобы видеть шумную и нарядную толпу посетителей «воксала».

Наконец дирижер, известный Иозеф Гунгль взмахнул палочкой, и вся публика сразу затихла.

Федотов тронул Лебедева за плечо и прошептал:

— Счастливым вечер... вот и любящие глаза...

Лебедев оглянулся и слегка вздрогнул: на него смотрели тоскующие, кроткие, любящие глаза.

Это была молодая женщина в черном траурном платье, с легким румянцем на бледном лице.

Работа над «Вдовушкой» была окончена.

И вскоре он начал писать картину заново.

Образ женщины стал другим. Сперва она была невысокой, с коротковатой шеей. Теперь она стала выше, стройнее. Но в ее облике появилось что-то позирующее и холодное. Нет, ему не удалось сделать гармоничными цветовые сочетания: лиловая стена, зеленый занавес над дверью и малиновое одеяло. И свеча светит слишком резко — при дневном свете! А красное дерево комода не грязновато ли? Это была неудача!

— Живопись требует добросовестности, — сказал он Можайскому. — Пожалуй, я настолько сумею, чтоб обмануть других, но не всех и не самого себя. Всякая неверность режет мне глаза. Чтоб картина была хороша, нужно, чтоб она была верна и по мысли, и по кисти.

Он хотел создать образ чистой женственной красоты и рисовал гипсовые слепки с античных богинь. Нужно было добиться такого целостного изящества, которого, по словам Микеланджело, в природе нет. Он помнил и удивительные мысли Хогарта о волнообразной линии. В Эрмитаже его внимание привлекла гибкая фигура молодой женщины в картине Ланкре «Кухня». Он знал, что художник, стремящийся к совер-

шенству, обречен быть счастливым рабом своего творения. И он приступил к работе над третьей «Вдовушкой».

15

Накануне открытия годичной академической выставки его посетил художник-дилетант Лев Жемчужников, которому московский меценат Солдатенков поручил приобрести «Вдовушку».

Этот цветущий здоровьем русоволосый юноша был ловким дельцом и старательно исполнял поручения: он уже купил для Солдатенкова несколько рисунков покойного академика Егорова у его сына и заказал акварели Александру Бейдемону.

Взглянув на «Вдовушку», курчавый юноша воскликнул:

— Как хорошо и как просто!

Ответ Федотова был похож на пощечину:

— Повтори раз со сто, будет дело просто...

На выставке первая «Вдовушка», приобретенная Солдатенковым, висела только четыре дня: Лев Жемчужников спешил доставить картину в Москву.

Осенняя выставка 1851 года ничем не отличалась от годичной выставки минувшего года. Одни подражали Брюллову, другие — автору картины «Медный змий» Федору Бруни. Все было по-прежнему: мифические герои, вакханки, христианские мученики, жалкие, никому не нужные копии с Рафаэля, Гвидо Рени и Мурильо.

«Живопись домашних и народных сцен» была представлена произведениями Чернышева, Риццони и Сверцова.

Бездумные сюжеты. Пристрастие к внешним эффектам. Аксессуары, которые можно рассматривать сквозь увеличительное стекло.

Риццони выставил две маленькие картины — «Цы-

ганский табор ночью» и «Сапожник, подшучивающий над котом».

Сальный огарок заслонен от зрителя сапогом, свет падает на сапожника.

Улыбаясь, глядит на кота сапожник, назойливо белеют его зубы, весьма тщательно написанные.

В том же зале — «Караульня» Владимира Сверцова: такой же эффект освещения. Солдаты Павловского полка греются у печи. Блестят их кивера. Лица солдат слишком красны. В темном углу караульни еще один «эффект»: свет от зажженной спички.

Героем выставки был Алексей Чернышев, получивший золотую медаль.

Его рисунки задолго до выставки похваливал сам царь. Чернышева даже приглашали в Петергоф, где он рисовал царя, престолонаследника, великого князя Михаила и свитских генералов. Рассматривая его рисунки, царь изумлялся: сходство поразительное, а главное — его величество выглядит таким молодцом!

Картина Чернышева «Обручение» наибольший успех имела у девушек, мечтающих о замужестве.

Почтенный отец семейства благословляет дочь на брак с порядочным молодым человеком.

Это была сентиментальная, умилительная вариация федотовского «Сватовства».

В картине отсутствовало композиционное единство. Каждая группа — отдельная сцена. Эта разрозненность действующих лиц казалась чрезвычайно странной в такую торжественную минуту, как благословление на брак. Впрочем, главных персонажей объединяло общее рыдание. Плачут и отец, и мать, и невеста, и старуха нянька. Художник словно приглашал поплакать и зрителей.

Художественное состязание с автором «Сватовства майора» было явно проиграно.

Статью о выставке для «Отечественных записок» написал Аполлон Майков.

Мельком упомянув о Федотове, он успокоительно возвещал, что «сатира не есть исключительный взгляд на жизнь». Он восхвалял Чернышева и сравнивал его с Грезом.

Это был не тот Майков, который еще так недавно, защищая натуральную школу, утверждал, что современность в искусстве зависит не от с а м о г о в ы б о р а п р е д м е т а, а от того, к а к п о н и м а е т художник изображаемый предмет.

Бывший союзник Белинского и Некрасова, Майков стал другом Плетнева, исполняющего обязанности председателя петербургского цензурного комитета, Плетнев (когда-то он был другом Пушкина) признал Майкова более значительным поэтом, чем Лермонтов.

16

«Посещение царя в институт» осталось в виде маленького эскиза. Картины он не написал. Почему? Он объяснил это в двестишии, записанном в тетради для басенных стихов:

Способность к живописи, может, и не дальняя,
Но совесть гениальная...

«Для денег» он впервые решил сделать копию — труд не только безрадостный, но и презренный. Эту копию он продаст Кокореву или кому угодно, копию со своей картины, разумеется, самой знаменитой — «Сватовство майора».

А в тетради для басенных стихов он продолжал записывать сюжеты задуманных картин и эскизов.

Он хотел вновь изобразить чиновника, получившего орден и спятившего с ума. Глядя в зеркало, чиновник ругает жену: зачем нашла крест не на ту сторону?

Был и другой сюжет — сцена, увиденная на улице: мостовщики обедают в шалаше; они едят хлеб, лук, за-

пивая квасом; тут же у окна просит милостыню отставной офицер (его выгнали из приемной сановника). Некогда Александр Агин изобразил отставного капитана Федотова в качестве героя гоголевской «Повести о капитане Копейкине».

Это были сюжеты обличительные, запретные.

— Многому бы народ научил,— говорил он своим друзьям,— да цензура мешает — век недоверчив.

Можно было бы изобразить молодую женщину, отдающую свои бриллианты мужу-игроку. В перспективе — другая комната, ломберный стол и несколько игроков. Этот замысел он отбросил: сентиментально!

Один сюжет предложил Дружинин — «Возвращение институтки в родительский дом». В его повести «Полинька Сакс» Константин Сакс рассказывает историю молодой девушки, которая, окончив институт, вернулась в убогую обстановку родительского дома, показавшегося ей адом.

Еще сюжет: «Блудный сын», подсказанный его собственной басней «Конь» — о мужицком коне, подружившемся с конями барскими:

...Баснь эту, право бы, и пояснять не надо,—
Что за отрада,
Не худо бы прочесть отцам,
Особенно разжившимся купцам:
Когда в учености сынки их станут бойки,
Попробуй обеднять опять
Да взять
Их к стойке!

Он сделал несколько карандашных набросков. Бородатый купец яростно укоряет сына в распутстве. Не обращая внимания на его крики, блудный сын, сдружившийся с светскими бездельниками, стоит в надменной позе, поставив ногу на стул. Мать блудного сына стоит на коленях перед его собутыльником, молодым офицером, и умоляет сжалиться над семейством.

И еще один сюжет, который был виден из окон казармы отставного капитана Федотова: казармы Финляндского полка. Он написал маленький эскиз-воспоминание «Казарменная солдатская жизнь» или «Прибытие старого гренадера Дворцовой роты в свою бывшую роту Финляндского полка».

Длинная казарма пятой егерской роты Финляндского полка. Слева стена с окнами, вдоль противоположной стены — полки с касками и ранцами и солдатские койки.

Вдали, у задней стены, трехстворчатый киот с зажженной лампадой.

На первом плане справа группа усатых гвардейцев приветствует гостя — бывшего фельдфебеля роты, взятого в дворцовые гренадеры.

Среди них и ротный писарь с гусиным пером за ухом.

Мальчик-флейтист, любимец старого гренадера, обнимает его.

Радостно прыгая, ластится к гостю мохнатая собака.

В казарме утренняя сцена.

Солдаты уже проснулись. Один солдат сидит на постели и чистит ружье. Другой, разостлав на полу шинель, катает белье вальком. Над всеми возвышается фигура солдата в исподнем, вставшего во весь рост на своей койке: он потягивается и зевает.

В дымчатой глубине казармы неярко пестреет одежда деревенских гостей. Они сидят на постели — молодая женщина в желтом сарафане, женщина в голубом платье и красном платке и старик в красной рубахе.

Тут же солдат покупает у разносчика тесемку.

Ротный дядька обучает рекрута маршировке.

Другой рекрут обучается стойке.

Слева у окна ротный цирюльник бреет немолодого солдата. Тот корчится от боли и отталкивает неискusstvenного брадобрея ногой.

У другого окна солдат чинит сапоги.

В сенях стоят нищие — дряхлый старик и мальчик-поводырь. Егерь с балалайкой и в небрежно наброшенной на плечо шинели подает им милостыню.

Показав эскиз Лебедеву, Федотов спросил, может ли он догадаться, почему милостыню нищему подает егерь с балалайкой. И, не дожидаясь ответа, сказал:

— Потому, что ведь это в своем роде художник, и вот я, по страсти к художникам, дал ему лучшее дело в картине!

Бывший офицер Финляндского полка Александр Дружинин сказал, что ни одному живописцу не удалось изобразить казарменную жизнь более правдиво и что в этом маленьком эскизе движения и живости не меньше, чем в картинах Тенирса и Остаде.

17

О несносная неволя,
О солдатская ты доля!
Солдат Иван Макаров

В морозный январский день к Федотову пришел бывший солдат Финляндского полка Новиков. Его двадцатилетняя полковая служба кончилась. Служил Новиков и под начальством штабс-капитана Федотова, в пятой егерской роте.

Новиков, еще нестарый, казался дряхлым стариком.

Отслужив, отправился солдат в деревню, но не нашел там ни родных, ни друзей.

Одинокий и больной, вернулся он в столицу и пришел к бывшему командиру просить помощи.

У Федотова был друг и почитатель, собиравший его рисунки, Степан Александрович Пашенный, надворный советник и смотритель Дома призрения престарелых и убогих (близ Волковского кладбища). Федотов дружил

и с одним из троих его сыновей-офицеров, с «толстым Сашей».

Он написал Степану Александровичу «прошение». Подобные его просьбы Пашенный, человек добрый и отзывчивый всегда исполнял. Ближайшим предшественником Новикова был другой солдат пятой егерской роты — Ермаков.

Письмо к Пашенному Федотов окончил рифмованными раешными стихами:

«...Вы будете, надеюсь, милосердны к ходатайству моему за одного некоего Новикова. Он с виду хоть мал, но ведь егерь всегда мал, да зато всегда удал. Зато он, этот Новиков, наступал всегда на ноги знаменитому Ермаку Сибирскому, а тот и огрызаться не смел. Сиречь, ходя за вашим Ермаковым в средней шеренге пятого взвода пятой егерь-роты лейб-гвардии Финляндского полка. Этот Новиков, отслужив верой и правдой двадцать лет на поле брани и зуботычин, хотел в его родимой стороне сыскать себе хлеб в бороне, да орать легко только горлом. Принялся в охотку, да солдат при отставке всегда получает чахотку, а как с нею никакое дело нейдет на лад, он вернулся назад, в тот же Питер, который его вытер. Чем ушибся, тем и лечись. Только Пашенному пониже поклонись. Попроси только дельно. У него богадельня. Он тепел и добр. Он сибирский бобр. Марш с богом!»

За этим раешным балагурством, за этими каламбурами и прибаутками скрывалась жалость.

Он никогда не забывал, что в его жилах течет солдатская кровь. Он знал, что такое участь русского солдата, обреченного на двадцатилетнюю службу в страшном мире шпицрутенгов, фухтелей и зуботычин.

Глава восьмая

1

...К этой правле надо достигнуть путем упорного труда, техники, знания, почти муки... Словом, недилетантская работа требует всего человека...

Гончаров

Приливы крови к голове учащались, зрение ослабевало. Уже трудно было читать днем, а еще труднее — при лампе. Но даже в первые месяцы по выходе в отставку он не работал так неутомимо и самозабвенно. Дружинин говорил, что его друг работает так, что даже смотреть страшно. Это было начало периода его «художественных углублений».

В сущности, этот период начался еще во времена «Сватовства майора». В конце 1848 года, незадолго до

смерти Егора Гавриловича Флуга, Федотов написал его портрет.

Седоволосый старик в черном сюртуке стоит у стола, опираясь рукой о спинку стула. В другой руке — большой лист (рисунок Федотова?), который старик рассматривает при свете свечи.

Источник света скрыт четырехугольником листа.

Болезненно-бледное лицо с загадочной полуулыбкой, освещенное снизу, мерцает в глубоком сумраке комнаты: но в комнате ли стоит этот старик или в неоглятном ночном пространстве?

Федотов одновременно работал над «Вдовушкой» и «Казарменной офицерской жизнью» и кроме того рисовал эскизы к картине «Домашний вор» или «Муж — игрок».

Итальянским карандашом он сделал композиционный набросок на зеленовато-синей бумаге. Потом нарисовал эту композицию более тщательно.

В спальне полумрак: источник света (зажженная свеча на комод) скрыт от зрителя.

Муж-картежник тайком вынимает из комода драгоценности. Проснувшаяся женщина хватается за руку. Пойманный «домашний вор» роняет коробочку с ожерельем.

На полу, в правом углу эскиза, — игрушечная лошадка.

Дверь в смежную комнату открыта: в перспективе — гостиная, ломберный стол и четыре игрока.

Но эта композиция напоминала иллюстрацию, в ней отсутствовала та недосказанность, которая заставляет действовать воображение зрителя. В ней отсутствовало то, что было достигнуто во «Вдовушке».

Он разработал новую композицию, в которой использовал сатирический рисунок, сделанный им для неизданного альбома «Вечером вместо преферанса». Разговор трех усталых игроков.

Первый игрок (схватившись обеими руками за голову и потягиваясь):

— Черт знает с чего, ужасно голова болит...

Второй игрок (встав на носки и потирая поясницу):

— Уф, как поясница болит — мочи нет! И с чего б?

Третий игрок (сидя за столом и наливая из графина в стакан водку):

— Я полагаю, господа, это наш петербургский климат. Здесь все страдают геморроем.

В первом эскизе «Домашнего вора» зритель видел комнату с игроками из спальни. Теперь зритель мог увидеть дверь спальни из комнаты с ломберным столом.

Домашнему вору удалось украсть драгоценности из комода — он удерживает гостей последней ставкой. Но гости уже устали или притворяются чрезмерно усталыми. Один игрок встает со стула, опираясь на него коленом и схватившись обеими руками за голову. Другой еще сидит, но, заломив руки, потягивается и зевает.

Третий стоит спиной к зрителю и потирает поясницу.

За рамой двери — призрачная фигура проснувшейся жены.

Работая над композицией «Мужа-игрока», он рисовал фигуры с манекена.

Деревянный манекен властно стоит у ломберного стола, фигура из зловещего сновидения, роковой игрок, который никогда не проигрывает.

Второй эскиз нарисован итальянским карандашом на синей бумаге.

В первом эскизе светлые места он усилил мелком. А второй эскиз кое-где тронул и цветными карандашами.

Таких свободных живописных рисунков он прежде не создавал.

Этими рисунками он опередил свое время на пол-столетия.

Иногда он прекращал работу и отправлялся бродить по улицам — наблюдать.

В сырое предвесеннее утро он встретил около Горюховой улицы веселую компанию писцов, еще не одуревших от многочасового сидения в канцелярии. Он пошел вслед за ними. Куда они идут завтракать? В ресторан «Пекин» или в «трахтерное и харчевенное» заведение «Мыс Доброй Надежды»?

Писцы шумно вошли в «Пекин». Там стояла такая же, как в других ресторациях, машина с музыкою, беспрестанно наигрывавшая арии из «Роберта-Дьявола» и вальсы Штрауса.

Маленький и юркий писец, похожий на чижику, подшучивал над своими приятелями задиристо и бойко.

Прислушиваясь к их болтовне, Федотов сел у окна — самое удобное место для наблюдения.

Шутливая перебранка писцов кончилась шумной ссорой.

Неугомонный «чижик» был выдран за волосы. Но это его нисколько не огорчило. Он только встряхнул головой и воскликнул:

— Извольте спорить с такими задорными людьми!

Другой писец, любитель малиновки и вишневки, внезапно упал на пол, а друзья, чтобы освежить его холодным воздухом, отворили форточку — ту, около которой сидел Федотов.

Влажный ветер дул ему в спину, но он продолжал глядеть на писцов, запоминая их лица и жесты.

Вечером он рассказал историю бойкого «чижику» Дружинину, а утром проснулся больным: сильный кашель, озноб и жар.

Он не работал целую неделю. Его навестил Дружинин. Литературные новости были зловещи.

В Москве, не дожив до 43 лет, умер Гоголь, изнуривший себя голодом.

Булгарин доказывал читателям «Северной пчелы», что покойный был куда менее значительным писателем, чем Дюма и Поль де Кок, — просто украинским шутником — балагуром, изображавшим не живых людей, а уродливые карикатуры.

Начальник Главного управления цензуры Мусин-Пушкин объявил Гоголя «писателем лакейским», чьи произведения порядочные люди не должны читать.

Был наложен запрет на краткий некролог, написанный Тургеневым: он осмелился назвать Гоголя великим писателем! Самого же Тургенева посадили под арест на съезжую 2-й Адмиралтейской части. Запрещение некролога было прекрасным поводом, чтобы прервать литературную деятельность автора «Записок охотника». Его камера оказалась в соседстве с экзекуционной, откуда, почти не умолкая, доносились хлест и крики. Там секли провинившихся крепостных слуг, присылаемых господами на съезжую. Таковы были последние впечатления писателя перед высылкой из столицы.

3

На Большой трехгодичной выставке 1852 года он предполагал выставить три картины — третью «Вдовушку», «Казарменную офицерскую жизнь» и «Мужа-игрока» (о работе над этой картиной он никому не говорил).

«Вдовушка» снова преобразилась. Он упростил композицию, изъясил некоторые аксессуары.

Иногда он снимал неоконченную картину с мольберта и ставил на него подрамник с чистым холстом, чтобы снова написать какой-нибудь аксессуар.

Сидящим перед чистым холстом застал его Дружинин.

— Не стану ничего делать, пока не выучусь писать красное дерево,— упрямо сказал Федотов.

Он «выучился»: красное дерево комода, у которого стоит «третья», написано с блистательным мастерством.

В начале мая Дружинин, проезжавший мимо мастерской своего друга, услышал знакомый стук в окно. Затем на улицу выбежал Федотов, веселый, в легоньком пальтишке и без шапки.

— Заходите, заходите живее!— крикнул он.— Хорошо, что вы были у меня вчера. Вы увидите вещь, за которую иной может ославить меня лгуном.

На мольберте стояла третья «Вдовушка», почти оконченная. Ее небольшая, плавно склоненная голова словно светилась на фоне мгристо-зеленой стены. А еще вчера это была небрежно написанная фигура с полустертым лицом.

— Вы шутите!— воскликнул Дружинин.— Неужели это дело одного вечера и одного утра?!

— И одной ночи! Нынче рано рассветает... Со мной произошла штука вот какого рода, феномен, чтоб сказать благообразнее, о котором я до сих пор понятие имел только приблизительно. У меня будто искра зажглась в голове. Я не мог спать. Я чувствовал в себе силу чрезвычайную. Сознавал каждой жилкой, что я могу в эти минуты сделать. Никогда не доводилось мне работать с такой меткостью и так успешно. Каждый мазок ложился куда следовало и подвигал все дело. Как весело трудиться таким образом! Я вижу, что иду вперед.

Третью «Вдовушку» все его друзья и он сам признали самой удачной. Она заставляла забыть о первой и второй.

За два дня до своего отъезда в деревню к нему зашел

Дружинин, чтобы пригласить в Марьинское на летний отдых. Дружинин предложил увезти в деревню все неоконченные работы своего друга, обещал устроить мастерскую в саду. Подумав, Федотов отказался. Сказал, что его беспокоит мысль об осенней выставке: ему удалось окончить только «Вдовушку», а выставка через четыре месяца!

— Я и так уже упустил один год, не напоминая о себе...— И, грустно усмехнувшись, прибавил:— Наша известность требует, чтобы о ней чаще толковали: знаете сравнение «слава — дым»? Надо чаще подпускать этого дыму, не то он разойдется по воздуху...

Накануне поездки Дружинин созвал друзей на «мальчишник», с шампанским и старым рейнвейном, любимым вином Федотова.

Встречая у Дружинина незнакомых людей, он беседовал неохотно, предпочитая быть наблюдателем. Но в этот вечер он был общителен и словоохотлив.

Когда кто-то из гостей раскритиковал пьесу Островского «Бедная невеста», напечатанную в «Москвитянке», он вступился за драматурга:

— Чего вы досаждаете на автора? Штука вот какого рода: вся его вина в том, что после первой комедии он не дал себе настояться. Наш брат наблюдатель то же, что бутылка с наливкой: вино есть, ягоды есть — умеет только разлить вовремя.

Маленький холст, подаренный им Дружинину, был написан зимним утром, в один присест. Две слегка намеченные фигурки в шубах — оба друга, идущие по 20 линии. У дощатого забора — седок в санях. Призраки оснеженных деревьев, почти растворившихся в желтоватом мареве морозного утра. Это нежнейшее видение русской зимы — единственный его пейзаж.

Паскаль говорит, что люди для того играют в карты... чтоб не дать развиваться угрызениям совести.

Герцель

Ему не удавалось окончить ни «Казарменной офицерской жизни», ни «Мужа-игрока». Работу замедляла болезнь глаз.

Он ввел в композицию «Мужа-игрока» еще одну фигуру — казачка, несущего два подсвечника с зажженными свечами.

Впервые казачка со свечой он изобразил в 1843 году, в большой двухфигурной акварели-карикатуре, высмеивающей пожилого офицера, одержимого манией стихописания.

Казачок подносит свечу к сигаре, которую держит во рту лысый урод, сидящий у стола на террасе и предающийся виршеплетству.

В этой карикатурной композиции штабс-капитан Федотов пытался разрешить и сложную живописную задачу: обе фигуры ярко освещены пламенем свечи на фоне вечернего деревенского пейзажа.

В картине казачок кроме подсвечника держит в правой руке колоду карт.

На ломберном столе за темной бутылкой стоит догорающая свеча. Ее длинное пламя окрашивает желтовато-розовым светом лицо и руки мужа-игрока (центр композиции) и жилет одного из партнеров. Вторая свеча скрыта грузной фигурой игрока, который потирает поясницу. Фигура мужа-игрока отбрасывает на стену двойную тень.

Стиснув в зубах сигару, он уговаривает гостей остаться «еще на одну пульку».

— Ва-банк! — говорит он. — Темная!

На его лице жалкая просительная полуулыбка: это не деревянная голова манекена, а усталое лицо самого художника.

Подобно всем его картинам «Казарменная офицерская жизнь» мала по размеру, но в отличие от них написана широкими смелыми мазками. Такого горения красок в русской живописи еще не было.

Армейский офицер где-то в захолустье, один из тех гарнизонных офицеров, которые были почти так же бедны, как солдаты.

Крестьянская изба, пропахшая псиной и дешевым табаком.

За окном холодная синева лунной зимней ночи, красноватый огонек в окне соседней избы.

Стол, покрытый красной камчатной скатертью, освещен мерцающим пламенем свечи. На столе — складное зеркало, прибор для бритья, скудный ужин.

Печален досуг «гарнизонной крысы»...

Можно поиграть на гитаре и спеть под неторопливый рокот струн, но от пения становится еще тоскливей.

Лежа на постели, полураздетый босоногий офицер заставляет пуделя, друга единственного, прыгать через чубук.

— Анкор, еще анкор! — кричит офицер (он не гвардеец и не может похвастаться знанием французского языка).

От добродушного юмора «Деревенской офицерской жизни» не осталось ничего. Это подлинная трагедия человека, обреченного на бессмысленное сумеречное существование.

Скрытым сюжетом этой картины был сам художник, его мысли и ощущения.

Наконец-то живопись ему покорилаься.

Его зрение как бы расширилось. В картине все видимое связано воедино. Подробности почти исчезли. Их поглотила таинственная светотень, преобразившая убогую обстановку избы.

Краски излучают свет, мерцают, тлеют, как на холстах Рембрандта.

6

Он очень исхудал. Его осанка уже не напоминала о том, что он был гвардейским офицером. Ходил сутулясь и наклонив голову, как старик, а ему было тридцать семь лет.

Его друзья начали поговаривать о том, что он стал странным.

Из Царского Села приехал встревоженный Лебедев. Показав ему третью «Вдовушку» и не вполне оконченную «Казарменную офицерскую жизнь», Федотов прочел басню «Слон и попугай». Басня удивила Лебедева беспорядком в сочетании понятий и образов.

— Ну вот, опять упреки в странности,— печально сказал Федотов.— Неужели стал я большим чудачком, чем был прежде?

И начал говорить о своих планах: он поедет — уже не в дилижансе, а по железной дороге — в Москву, чтобы еще наглядеться на тамошнюю жизнь: московские впечатления всегда вдохновляли его на творческие замыслы. Он хотел окончить свои новые работы, показать на выставке и наконец отдохнуть.

— Потому,— почти застенчиво улыбнувшись, сказал он,— что я начинаю уставать...

Впервые Федотов говорил о своей усталости!

Ведь он боролся с «ангелом живописи» пять с половиной лет...

Угрюмый и задумчивый, приходил он «отогреть душу» к новому приятелю, коллежскому советнику Половцову, с которым его познакомил Бернадский.

Он сел за фортепиано и вполголоса пел романсы Варламова, Титова, Глинки, которые внезапно прерывал пением собственного ромansa:

Брожу ли я,
Пишу ли я,
Все Юлия да Юлия!
Веселья чашу братскую
С друзьями разопью ли я
И громко песню хватскую
С гитарой пропою ли я,
Все Юлия, все Юлия,
Неволью повторить...
Ну вот поди ж!

Он вспоминал ту, которая хотела стать его женой, Юлию Тарновскую.

Единственное ее письмо (с просьбой прислать фотографию), полученное после их размолвки, он хранил. Через год он обратился к ней «с повинною головою», но его письмо осталось безответным.

Потом память о Юлии Тарновской потускнела: перед ним сияло лукаво-преlestное лицо черноокой Ольги Жданович, которой исполнилось пятнадцать лет.

Он написал стихотворение, где в каждой строке рифмовалось ее имя:

...Провести несколько лет
В этой школе,
Станешь точно поэт,
Только Оле
Не тверди про любовь,
Не мути свою кровь,
Свои чувства;
Теплоту береги для искусства.
...А любовь как у всех,—
До нее ли?!—
Возбудить только смех
В юной Оле.
Я испытан и стар,
И давно ль был пожар,
Но за душу
За свою, признаюсь, снова трушу.

Ольга Жданович возвращала его к юности, к встречам с Катенькой Головачевой. Она возвращала его к безвозвратному.

Половцов упрашивал его сочинить и записать в альбоме какой-нибудь шуточный экспромт. Эту просьбу он исполнил неохотно, а экспромт оказался совсем нешуточным:

Все план за планом в голове,
Но жизнь рушит эти планы...
О, не одна нам жизнь, а две
И суждены и даны!

Под четверостишием он написал еще одно слово: «Кончено!!!»

Стараясь скрыть свое волнение, Половцов спросил, что он хочет этим сказать.

— Это, не знаю почему, мое убеждение, — спокойно ответил Федотов, — которое я никак не могу выкинуть из головы. Впрочем, поживем — посмотрим. Может, предчувствие и обманет меня...

7

Его лихорадочно-напряженная работа и была предчувствием конца. Предчувствие не обмануло. На него надвигалось нечто неодолимо-грозное, с чем он пытался бороться.

Ему нужна была помощь друзей, и прежде всего Саши Бейдемана. Не застав его дома, Федотов оставил записку: он хотел получить копию со своего письма, посланного Бейдеману. И подписался: «Брат навсегда твой, Павел».

Запиской этой Бейдеман был испуган: в ней каждое слово пылало отчаянием. Федотов защищался от безумия иступленной верой в искусство. Он писал, что им открыт новый ключ, который разольется в груди морем огня и пережжет в душе все плотское и житейское,

чтобы во имя изящества затеплилось перед богом только сердце...

С 13 линии, где жил Бейдеман, он пошел в 6 линию, к Ждановичам. Там он упал на колени перед Ольгой, торопливо объяснился в любви и выбежал на улицу.

Он заходил в магазины, покупал драгоценные украшения, делал заказы для свадьбы и растратил все деньги, полученные от Кокорева за копию «Сватовства майора».

Напрасно Коршунов искал своего начальника у его друзей. Федотов бродил по аллеям Царского Села. Останавливался, озираясь и прислушиваясь. Прятался за кустами.

Ночью около дачи Андрея Петровича Сапожникова он столкнулся с дозорными. На вопросы их начальника отвечал бессвязно и яростно. Сапожников (известный рисовальщик, иллюстрировавший басни Крылова) узнал голос Федотова и распорядился освободить его из рук дозорной команды. И на следующее утро его привезли в 21 линию.

Один из ближайших друзей Федотова, титулярный советник Павел Рейслер, поместил его в частную лечебницу на Песках, против Преображенского плаца. Владельцем этой единственной частной лечебницы для «страждущих душ с нервными болезнями» был венский психиатр Макс Лейдесдорф.

За лечение нужно было платить ежемесячно восемьдесят рублей серебром. Рейслер уплатил сто шестьдесят рублей — за два месяца, с 18 июня по 18 августа.

Президент Академии художеств герцог Лейхтенбергский обратился к царю с просьбой о выдаче Федотову единовременного пособия в шестьсот рублей серебром — на лечение у венского психиатра. Деньги, внесенные Рейслером в частную лечебницу, были ему возвращены.

Герцог Лейхтенбергский сообщил царю мнение вен-

ского психиатра: поместив Федотова в казенную Больницу Всех Скорбящих, можно только усилить его болезненное состояние. Доктор Лейдесдорф предупреждал, что Федотов слишком «чувствителен» и что «находясь среди помешанных и поняв это, будет считать себя безвозвратно погибшим».

Впрочем, и в частной лечебнице, и в казенном желтом доме на одиннадцатой версте буйствующих лечили одинаково — холодными обливаниями и заключением в темной комнате, где пол, стены и двери обиты тюфяками и обтянуты клеенкой.

Царь соизволил пожаловать на лечение четыреста пятьдесят рублей серебром. Это было щедростью чрезвычайной. Такого пособия Федотов никогда не получал.

8

— А что, как здоровье Федотова?

— Поправляется...

«Московские ведомости»

Старый солдат его не покинул. Доктор Лейдесдорф разрешил Коршунову жить при лечебнице. Ни на один день он не покидал своего начальника и друга, старался развлечь его, приносил какое-нибудь лакомство.

В минуты просветления Федотов рисовал, спрашивал о друзьях.

Его навещали Бейдеман, Рейслер, Лебедев. Никто ему не сказал о смерти Брюллова. По слухам, смертельно больной автор «Последнего дня Помпеи» изрезал свой последний холст «Сусанна и старцы» и нарисовал невеселую карикатуру на самого себя: его терзают Бахус и Венера, которую пытается изгнать Меркурий.

Иногда, вообразив себя богатым и могущественным, Федотов требовал, чтобы привели всех его друзей, говорил, что Васильевский остров надо превратить в сто-

лицу искусств и веселья, в цветущий сад с мраморными статуями и дворцами.

Однажды Бейдеман увидел своего друга после припадка умоисступления. С зажженной свечой в руке Коршунов ввел Бейдемана в темную комнату.

Босоногий, с бритой головой, Федотов подошел к другу, долго всматривался, криво улыбаясь, и не узнал.

На его руки были надеты кожаные мешки, притянутые ремнями к спине, — укротительные рукава.

9

Великое дарование и великое страдание
почти одно и то же.

Батюшков

Краткие известия о его болезни появились и в «Московских ведомостях», и в «Ведомостях московской городской полиции». 9 августа во второй газете было напечатано «петербургское письмо», без подписи автора: «Недавно здесь разнесся слух (передаю его словами рассказчиков), что г. Федотов лишился рассудка, что его ждет такая же участь, какая постигла незабвенного Батюшкова. Впрочем, если верить тем же слухам, есть надежда, что усилия попечительных медиков принесут облегчение страдальцу.

Во всяком случае на академической выставке нынешнего года, которая должна открыться в будущем месяце, мы не увидим эскизов г. Федотова, перед которыми бывало толпились зрители».

За эти известия цензор Московского цензурного комитета коллежский асессор Ржевский получил строгий выговор по приказанию министра народного просвещения, богобоязненного князя Ширинского-Шихматова.

...струна звенит в тумане.

Гоголь

Осенью в Петербург приехала сводная сестра Федотова Анна Калашникова. Он не любил этой старой девы с недобрый осуждающим взглядом. Свиданием с нею он был раздражен и сказал, чтобы она больше не приходила. Узнав, что врачи считают Федотова неизлечимо больным, Анна Ивановна позаботилась, чтобы его перевели из частной лечебницы в казенную Больницу Всех Скорбящих, где лечение было почти бесплатным. Оставшуюся от пожалованного на лечение пособия сумму — двести рублей серебром Анна Ивановна увезла в Москву.

8 октября Федотова и Аркадия Коршунова привезли в желтый дом, что на одиннадцатой версте по Петергофской дороге, в Больницу Всех Скорбящих.

Длинный, как в тюрьмах, коридор. По обеим сторонам — небольшие камеры. Окна (на недоступной высоте) — без решеток. Но выкрашенные белой краской переплеты узких рам — чугунные. Больницу Всех Скорбящих считали заведением образцовым. Прислужниками и приставниками были сильные двадцатилетние парни — деревенские питомцы Воспитательного дома.

Спокойных больных обучали рисованию, а были среди них и такие, которым дозволялось заниматься бумажными и картонными работами. Они изготовляли коробки, которые охотно покупались столичными аптекарями.

Директор больницы доктор Герцог утверждал, что развитию безумия в Петербурге способствует местный климат, холодный, болотистый и туманный.

В припадке безумия Федотов выдернул из стены гвоздь и ранил себя в пах. Быть может, безумие было расплатой за время юношеских страстей, за «чер-

дачные» вечера Бахуса и Венеры? Не потому ли он изобразил себя с черепообразной головой (в халате и с дымящимся чубуком) и тут же как бы издевающегося над ним, обнаженного юношу-акробата?

Рисунки, сделанные им в Больнице Всех Скорбящих, похожи на ребусы, но разгадать их нетрудно.

Свое прошлое он помнил. В тумане его памяти звенела песня о егерях, звучал печальный романс о кукушке. Он помнил басню о голодном коте, которого утопили. Часто его преследовал образ царя-тирана. На рисунке благообразный и самодовольный царь наводит лорнет на Федотова, чье лицо искажено ненавистью и страхом.

Петербургский ноябрь 1852 года был похож на осень. В узкие окна Больницы Всех Скорбящих хлестал дождь с мелкими снежинками. Сознание Федотова внезапно прояснилось. Дежурный ординатор сказал Коршунову, что это признак близкой кончины. Федотов прочел горестное письмо отца (кто теперь успокоит его старость?) и, зарыдав, обнял Коршунова.

— Видно, придется умереть,— сказал он глухо.— Я хочу проститься с Рейслером, Бейдеманом и Дружининым, пусть пошлют за ними, пока еще время.

Последняя его просьба не была исполнена. Зато церковный обряд в Больнице Всех Скорбящих был строго соблюдаяем. К умирающему пришел священник и торопливо его причастил. 14 ноября он умер на руках своего слуги и друга.

«Кабинет его величества» выдал на похороны академика Федотова, умершего от «водяной болезни», двадцать рублей серебром.

Через три дня, после отпевания в церкви Больницы Всех Скорбящих, его похоронили на Смоленском кладбище. Похоронные дроги сопровождали его друзья, его полковые товарищи, художники и отставной солдат Аркадий Коршунов.

5
Харджиев Н. И.
X 20 Недолгая жизнь Павла Федотова: Повесть.—
М.: Советский писатель, 1991.— 240 с.

ISBN 5—265—01838—7

Повесть, написанная известным писателем, филологом и искусствоведом Николаем Ивановичем Харджиевым, «Недолгая жизнь Павла Федотова» — о великом художнике, «Гоголе русской живописи», основана на глубоком изучении архивных и первопечатных источниках, позволивших автору заполнить ряд белых пятен в биографии Федотова и дать правильное представление о судьбах передового искусства в николаевское время. Повесть впервые с исчерпывающей полнотой освещает жизненный путь художника.

X $\frac{4702010201-260}{083(02)-91}$ 140—91

ББК 84 P7

Николай Иванович Харджиев

НЕДОЛГАЯ ЖИЗНЬ ПАВЛА ФЕДОТОВА

Редактор *М. И. Самойлова*
Художественный редактор *А. С. Томилин*
Технический редактор *Т. С. Казовская*
Корректор *Т. М. Павлюченко*

ИБ № 8226

Сдано в набор 06.12.90. Подписано к печати 12.07.91.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гар-
нитурa. Высокая печать. Усл. печ. л. 10,50. Уч.-изд. л.
9,78. Тираж 30 000 экз. Заказ № 832. Цена 1 р. 50 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писа-
тель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11

Тульская типография Государственного комитета СССР
по печати, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

1 р. 50 к.

